

Борис Корнев

РЕАЛЬНАЯ ЧЕТВЕРКА

повесть

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2011

Корнев Б.Ф. Реальная четверка. – Повесть. – СПб.:
Историческая иллюстрация, 2011. – 160 с.
ISBN 978-5-89566-103-1

Первый поступок, первая четверка в четверти, первая школьная любовь... Мечты юности: уверенность и сомнения, ошибки и тревоги... После у каждого свой путь. Партийный аппарат, диссиденты, КГБ и уголовная зона – это то, с чем придется жить одноклассникам, работать, встречаться, в чем разочаровываться. О болезненных изменениях, происходящих в личности, когда она, завершая свои «две четверти пути», принимает самые важные решения.

© Б.Ф. Корнев: текст, 2011
© А.В. Спиридонов: макет и оформление, 2011
© «Историческая иллюстрация», 2011

Фамилии основных персонажей
и наименования учреждений вымышленные.
Любые совпадения случайны.

*«Один из многих недостатков реальной
жизни заключается в том, что она редко
преподносит законченный сюжет».*
Сомерсет Моэм

На фоне звездного неба отчетливо выделялся темный силуэт здания школы. В ту лунную мартовскую ночь было хорошо видно, как два парня карабкаются по высокой березе на третий этаж, к учительской. Подобравшись к заветному окну, они тихонько открыли форточку ножиком, маленький пролез через нее и изнутри распахнул окно. Еще двое прятались внизу, в кустах сирени, и оттуда наблюдали за школьным двором. После того как первая пара скрылась в помещении, они тоже стали взбираться наверх с ветки на ветку, торопясь принять участие в великом мероприятии по «исправлению ошибок».

Парень с шевелюрой из каштановых волос, вторым пробравшийся в учительскую, был крупнее первого, одет в коротенькую курточку и синий шарф. Очутившись в темной комнате, он сразу же плюхнулся на подвернувшийся ему стул и уставился на стену. Два месяца назад он стоял здесь перед учителями и давал обещание не прогуливать уроки. Тогда он точно так же неотрывно смотрел на стену, где висел большой портрет мужика с круглым лицом. Сегодня свет луны то попадал в комнату, то затенялся раскачивающимися на легком ветру ветками березы, он скользил прямо по лысине Хрущева, чуть задерживался и уходил куда-то прочь. Мальчишке казалось, будто он сам гладит самого главного в стране по большой голове и умоляющим голосом приговаривает: «Ты никому не говори. Ладно? Не надо никому говорить...»

В это время маленький быстро нашел в дальнем углу, почти у самых дверей, большой деревянный шкаф и стал наощупь, будто струны на деке скрипки, перебирать тонкими пальцами все его досочки. Наконец он нашел замок, поддел его фомкой и дверца отворилась. Классные журналы стояли на полках ровными рядами. На переплетах белели номера классов, нанесенные жирной краской.

– Подождите нас, – крикнул белобрысый мальчишка в светлом пальто и такого же цвета кепке, это был третий из пробравшихся в раскрытое окно подростков. Перелезая через подоконник, он опрокинул стопку лежавших там тетрадей, и теперь пытался собрать их и сложить в кучу. Четвертый, с черными как смоль волосами, в одной только школьной форме и шарфом вокруг шеи, столкнулся с тем, который подбирал с пола тетради, и свалился с подоконника, теперь он с грохотом отодвигал тяжеленный письменный стол, с трудом пытаясь вылезти.

– Тише ты! – зыкнул на последнего тот, что сидел на стуле и «гладил рукой» лысину выдающегося деятеля, потом повернулся в сторону маленького, который возился с журналами и уверенно добавил: – Нужно несколько брать, а то сразу догадаются.

Вдоль окон учительской размещались письменные столы и множество стульев. Под столами и стульями валялись небрежно разбросанные женские туфли. С другой стороны плотными рядами стояли разные по форме и высоте книжные шкафы с наполовину застекленными дверцами. В непроветренном помещении чувствовался запах обуви и мокрого мела.

Мальчишки разбрелись по учительской. Сам факт нахождения в штабе противника их просто завораживал. Все было интересно. Что на столах? Что в тумбочках? Чьи тетрадки? Все привлекало внимание, хотя из-за темноты почти ничего не было видно. Только черненький все копошился у окна, не реша-

ясь отодвинуть в сторону большущий письменный стол.

В это время, не дожидаясь «подельников», тонкий и щупленький мальчишка в новом школьном пиджаке с отрезанным, как у Битлов, воротником, одним движением выхватил сразу семь крайних справа журналов в коричневом дерматине, засунул их за пазуху и бросился обратно к окну. Теперь всеми клетками своего тощего организма он ощущал, что является обладателем важнейших документов современности. Именно этот талмуд седьмого «Б» обрекал всех четырех участников тайного мероприятия на окончание третьей четверти с тройками, а ему самому грозил парой по математике. Теперь все будет не так! Теперь появился шанс!

В коридоре послышались быстро приближавшиеся шаркающие шаги. Это мог быть только учитель труда. Все ребята школы любили его. Васильич в любое время разрешал работать в мастерских и что-нибудь мастерить. Так просто, для души. Он, инвалид войны, потерявший на фронте левую руку, ночевал чаще всего в школе, возле тира, семьи у него не было. Мальчишки во время своих ночных блужданий по подвалу без фонаря и спичек много раз его видели там. Но сегодня он как назло оказался на третьем этаже во время их «предприятия».

Когда ключ шумно заворочался в замке двери, тот, что застрял около окна, с силой толкнул ненавистный стол, высвободился и с криком: «Атас! Бежим!» – вспрыгнул на подоконник, опершись об него руками. Все тетради, которые только что сложил там белобрысый в пальто и кепке, снова свалились на пол. Черненький, не тратя времени на поиск надежной опоры, быстро, как обезьяна, спускался вниз, прыгая с ветки на ветку и пользуясь только руками. Очувтившись на земле, он быстро вскочил и бросился наутек.

Через мгновение, придерживая журналы, спрятанные под полый пиджака, руками, на подоконник взобрался маленький. Как легко было лезть по дереву вверх и шагнуть в проем окна! Совсем другое дело – спускаться вниз. Времени на расчет траектории не оставалось, на проход шаг за шагом по узкому карнизу дома – тем более. Мальчишка, не раздумывая, прыгнул прямо на березу, решив руками ухватиться за ближайший толстый сук. Пиджак порвался о мелкие ветки, журналы вывалились на землю, а сам он повис на этом суку, не имея никакой возможности дотянуться ни до следующей ветки, ни до ствола дерева. То ли от досады, то ли от страха и боли он захныкал, не решаясь громко звать на помощь.

В учительской зажегся свет. Через мгновение в проеме раскрытого окна появился Васильич.

– Эй!.. Держись, я сейчас, – не найдя под рукой ничего подходящего, учитель труда перегнулся через окно и, цепляясь носками ног за чугунные батареи радиатора, протянул парню руку. – Держи! Дотянешься? Давай! Давай! Еще немного... – Должно быть, он даже не думал о том, что здесь делают его ученики и что здесь происходит. Главное было втащить этого щупленького обратно, иначе он упадет и разобьется. А внизу, как раз около дерева, лежал штабель бетонных поребриков, приготовленных строителями еще зимой для будущего тротуара. Через ярко освещенное раскрытое окно на них падал продолговатый прямоугольник света. От игры теней камни казались еще более устрашающими.

В следующее мгновение на учителя свалилось что-то длинное и массивное. Снизу было видно, как он весь обмяк, медленно перевалился через проем, соскользнул вниз вдоль стены, упал прямо на камни и больше не шевелился.

Наверное, со страху от увиденного и инстинктивно пытаясь во что бы то ни стало смыться, исчезнуть

отсюда, маленький изо всех сил раскачался на ветке, отпустил руки, перескочил на другую, пониже, но не смог ухватиться за нее руками, соскользнул на третью, и, в конце концов, сорвался... Высота была уже не так велика, но все равно он больно ударился. Прихрамывая и прикрывая ладонью на животе белую рубашку с начинающими проступать бурыми пятнами крови, он подобрался к Васильичу. На мальчишку смотрели широко раскрытые неподвижные глаза, в которых отражался яркий свет из окна третьего этажа. Под головой учителя в разные стороны растекалась темная жидкость. Маленький дотронулся до этой лужи пальцем и понюхал. Потом поднес к губам свою мокрую от крови ладонь, понюхал, тут же вскочил и хотел было уже убежать. Но через секунду передумал. Ему вспомнилось вдруг, что в глазах покойника остается образ последнего, кого тот видел при жизни. Поэтому, сидя на корточках возле неподвижного тела, не отдавая себе отчета в том, что делает, парнишка принялся неистово тереть своей ладонью глаза Васильича. Через некоторое время, то ли успокоившись, что ему удалось стереть доказательства, то ли сообразив, что все это глупости, мальчишка встал, посмотрел вокруг и быстро побрел в сторону, сильно наклонившись вперед и припадая на правую ногу.

Потом в окне появился тот, который был в куртке и с шарфом. Он медленно сел на подоконник спиной к учительской, дотронулся рукой до головы, потом поднял ладонь к лицу и посмотрел на нее. Покачиваясь, он прошел вдоль стены по бордюру. На нем еще не растаял тонкий слой льда, и мальчишка несколько раз соскальзывал одной ногой, но не упал, добрался до дерева и обстоятельно, перебираясь с ветки на ветку, с остановками, спустился на землю. Там, вокруг березы, валялись классные журналы, а чуть поодаль, на продолговатых камнях, неудобно вывернув в сторону правую ногу, лежал учитель труда. Его глаза и

щеки были измазаны кровью. Парень не стал к нему подходить. Не стал он и собирать журналы, только подобрал пару из тех, что валялись поблизости, еще раз огляделся и ушел в темноту.

Наверное, только через час учительскую покинул последний. Внизу он увидел ту же ужасную картину. Ничего не соображая от испуга, он сразу подумал, что надо бы позвать на помощь. Но как это сделать? Постоял над телом учителя труда еще минуты три в нерешительности и, так ничего и не придумав, направился домой к тому, который первым крикнул «бежим», у него в эту ночь никого из домашних не было. Заговорщики заранее договаривались собраться потом именно там.

Глава 1

1.

За день до первого сентября Сережка Богданов заболел гриппом. Горячий чай с медом и кипяченое молоко с противными пенками, маслом и содой вынуждали его ежечасно менять мокрое от пота белье. Пришлось проваляться в постели почти две недели. Здесь же, около подушки, были разбросаны деревянные шахматные фигуры. Он ими играл в войну. Черные – наши, белые – немцы. В углу комнаты на спинке стула висела его новенькая школьная форма: выглаженные брюки с гимнастеркой серо-голубого цвета и ремень с блестящей пряжкой, на которой выделялась буква «Ш». Букет из белых астр, стоящий в вазе на подоконнике, был приготовлен к школе, но завял и теперь лишь напоминал, что идти туда все равно придется.

Еще весной к ним приходил какой-то дядька, долго разговаривал с родителями и, должно быть, уговорил записать сына в первый класс во французскую школу. Во дворе было много детей «призывного» возраста, но их родители боялись отдавать туда своих отпрысков. Что-то было непривычное в самом названии. Кроме того, все знали: раз зовут – значит, жди подвоха. Однако ближайшая школа тоже была не подарок: сплошная шпана, постоянные драки, поножовщина, игра в карты на деньги...

В августе из ближайших домов собрали «семилеток» в зал и там по одному заставляли вслед за учителем

повторять французские слова, пытаюсь понять, сможет ли будущий ученик говорить по-французски. Если у ребенка был хоть какой-то слух, то он мог приблизительно повторить эту абракадабру. Иначе не радовалась бы так приемная комиссия и особенно тот мужик, что весной ходил по квартирам.

Сергея и так лучше всех во дворе тараторил по-немецки, когда они играли в войну. Не «бу-бу-бу» какое-нибудь, а «хенде хох, хальт, цурюк». Ну, там, «волен зи бите айн сигарет» и тому подобное. Что означало последнее сочетание слов, он не знал, но звучало оно красиво. Сам он тоже напоминал немца: белобрысый, с голубыми глазами и нос такой ровный и тонкий. Главное, челка у него была длинная и набок зализанная. Больше того, он и «стрелял» тоже умеючи. Настоящий сухой с потрескиванием звук очереди из немецкого автомата. Так что же, французский сложнее? Хотя этот язык никто из них никогда еще и не слышал.

Тот длинный дядька, что по весне обхаживал родителей, оказался завучем по французскому языку, и звали его Анатолий Иванович. Он вернулся из Алжира, где шла война с Францией. Знали, что это где-то в Африке, а он там работал переводчиком. После ранения вернулся в Ленинград и стал всем доказывать, как стране нужны специалисты с французским языком. Так три года назад вместо еще совсем простой недавно женской школы появилась смешанная, французская, с обучением иностранному языку со второго класса и с дополнительным преподаванием на том же языке почти всех привычных предметов. Только история, география и литература были французскими, даже военное дело – с французскими автоматами, самолетами и легионами. И одна на всех математика – хоть на русском, хоть на французском.

Сергей пришел в школу первый раз только в середине сентября, долго шлялся по этажам, пока не оста-

новился около дверей, на которых висела табличка с надписью «1Б класс». Зазвенел звонок, и слева от входа, вдоль коридора выстроились три колонки учеников. Он узнал многих мальчишек, несмотря на то, что они все ему казались на одно лицо, в форме и с короткими челками на стриженных головах. А Вовка и Юрка даже начали подпрыгивать и махать руками, подзывая его к себе. Но впереди всех стояла строгая и очень важная Нинка Смолина из соседнего с богдановским подъезда. У нее на рукаве белела повязка с красным крестом. Для нее ничего не изменилось. Она и раньше во дворе всегда была медсестрой, когда мальчишки играли в войну. Вот и теперь...

Сергея сразу вспомнил, как он однажды, будучи «тяжело раненым», вдруг отпрыгнул от Нинки и ничком, как убитый, упал на землю. Под ним лежала мокрая, кем-то потерянная, совсем незаметная на мокрой траве серо-голубая пятирублевка. Целое состояние! Потом, уже после «боя», когда вместе лопали купленные на эти деньги тянучки «Золотой ключик», все почему-то хвалили не его, а Нинку Смолину. Особенно Юрка Лисочкин. Зато Сережкина мать потом долго ругала сына почему зря. Мол, где взял такие деньги? Продавщицы ей, конечно, сразу доложили, что в магазин приходил ее младший сын и покупал конфеты. Ей всегда все сообщали про ее детей. Про старшего, если тот играл в битку на деньги, и вот теперь про младшего. Она работала акушеркой в родильном доме, поэтому все женщины, жившие поблизости, ее хорошо знали.

Нинка проверяла чистоту рук. Сначала у первой колонки, потом у других. У кого были грязные, тех она в класс не пускала. Сергей не мог догадаться, что ему делать. «Стать в одну из колонок? Да, а в какую? И куда? В конец что ли?» Уже когда все вошли в класс и даже те, что убегали мыть руки в туалет, Смолина повернулась, ничего не говоря, взяла его за руку и со-

строгим видом, без всяких колонок потащила за собой в класс. Она довела Богданова до парты, где какая-то девчонка сидела одна, ровненько положив одну руку на другую. У нее торчали в обе стороны коротенькие косички с белыми бантиками. Еще у соседки оказались огромные синие глаза и длиннющие черные ресницы. Серега раньше ее не видел. Должно быть, не из их двора. Таких ресниц он тоже никогда не встречал. Нинка Смолина сидела рядом с Лариской из его собственного одиннадцатого дома. А Юрка Лисочкин – с Танькой Бадариной из пятого. Ребята из этих домов всегда были в контрах, но на девчонок война не распространялась. Вовка Спивак сидел один, ему досталась первая парта в средней колонке, прямо напротив учительского стола. Ужас! Не позавидуешь.

Первый урок Сергея ничем не удивил. Все сидели и слушали учительницу. Что она говорила, ему не запомнилось. Все выбило из головы одно очень важное обстоятельство. Он впервые попробовал сладкий сыр!

Во время первой перемены первоклашкам разрешили перекусить. Все остались на местах, достали свои завтраки и с удовольствием уплетали содержимое своих свертков. Аленка Ливанова, так, оказывается, звали Сережкину соседку по парте, вытащила из аккуратного бумажного пакета разноцветные сырки и дала ему попробовать. Сыр оказался сладким, с запахом каких-то фруктов. Сергей до сих пор ел только российский или голландский сыр, которые его мама накладывала нарезанными ломтиками на кусок булки, хотя вкуса их не различал. А то, что бывают еще другие, даже разноцветные, сладко-кислые или с запахом карамели, он даже представить себе не мог.

На вторую перемену Юрка с Вовкой выскочили из класса раньше всех. Они дождались Сережку, и, обнявшись, все троем влились в общий поток учеников, идущих вдоль стены парами и тройками, потом сворачивающих и продолжающих шествие теперь

уже вдоль огромных окон. Оказавшись в дальнем конце коридора, мальчишки остановились, тайком открыли большую дверь и очутились на запасной лестнице. Она была такая же широкая, как и основная, вся из мрамора с закругленными краями ступенек, только без длинного ковра вдоль всего пролета. Юрка весело подмигнул Сережке, как бы говоря, что пока он болел, они тут зря времени не теряли. Он снял ремень, чтобы тот не тормозил, лег животом на ступеньки, вытянул вперед руки, оттолкнулся ногами и начал быстро скользить вниз. За ним последовали и Вовка, и Сережка. Спустившись, как по эскалатору в метро, они быстро подымались вверх и потом снова и снова съезжали вниз на животе, пока не зазвенел звонок.

Смолина, конечно же, заметила грязь и на руках, и на гимнастерках и отправила мальчишек мыться в туалет. От воды форма стала еще грязнее, но главное, ладони были чистыми, поэтому войти в класс Нинка разрешила.

Уроки заканчивались рано, и родители первоклашек, живших далеко от школы, не всегда успевали встретить своих детей, которым зачастую приходилось самим добираться домой.

Серегина соседка по парте жила у самого кинотеатра рядом с парком, окруженным вместо обычного забора ажурной кованой решеткой. Родители запрещали Сережке заходить так далеко, однако, если Аленку никто не забирал из школы, то Богданов шел на риск, смело нарушал все запреты и провожал ее до дома, защищая от мальчишек.

У Ливановых была отдельная квартира, с ванной. Вдоль всего длинного коридора в застекленных шкафах от пола до потолка стояли книги. Множество разных книг. Их разноцветные обложки бросались в глаза, притягивали к себе и уводили дальше, в комнату, где тоже красовался шкаф с книжками, но совсем другой, невысокий, пузатый какой-то и с вензелями вокруг

стекло. У Аленки имелась своя комнатка с маленьким письменным столом и большой зеленой лампой. Около окна находилась какая-то непонятная лежанка, покрытая толстой коричневой тряпкой с рисунком в клеточку – не кровать и не диван в привычном представлении. В той комнате, где Серега жил вместе с родителями и братом, у него была своя раскладушка, которую доставали только перед сном, и то она размещалась под большим круглым обеденным столом. Утром ее собирали и хранили между стенкой и платяным шкафом с зеркалом. В одном углу спал старший брат на диване, а родители на двуспальной железной кровати – в другом. Около окна размещался еще один шкаф, но там стояли посуда, тарелки, чашки, рюмки, а книг не было совсем.

В общем, теперь, с началом школьной жизни, перед Сергеем открывался совсем новый мир. Он, оказывается, существовал. И совсем рядом... Сладкий сыр, стройные ряды книг, большая белая ванная, душ и даже электрический холодильник. Все это не вызывало у него никакой зависти или недоумения. Нет. Только искреннее любопытство. Так хотелось лечь в это завораживающее белизной эмали огромное чугунное корыто, куда из кранов запросто льется и горячая, и холодная вода, а сверху еще и из душевой головки.

Когда они стали старше, Аленка, по Серегину наущению, часто пользовалась книгами из родительской библиотеки, чтобы не мучиться с домашним заданием и самой не переводить какого-нибудь французского писателя. Чтобы уговорить ее пойти на такое безобразие, ему приходилось подолгу разъяснять ей всю выгоду такой технологии. «Отличница. Что тут подделаешь! Ей лучше часами сидеть дома со словарем», – так он себе объяснял причины нежелания своей соседки по парте отступать от своих твердых моральных принципов. Потом она по привычке и давала

Сережке списывать, подсказывала, когда его поднимали с места, или прямо на перемене рассказывала содержание глав «Маленького принца», которые приходилось через пять минут пересказывать на уроке литературы своими словами по-французски. Класс и так-то был небольшой, а на уроках французского языка его делили еще на три группы, в каждой меньше десяти человек. Так что контроль за выполнением домашнего задания был неотвратим.

Надо сказать, что Ливанова, одна из немногих девочек в классе, всегда вела себя достойно и была настоящим другом, несмотря на то, что официально считалась дисциплинированной и прилежной ученицей.

Это случилось в третьем классе, перед самым Новым годом. Все ровненько сидели в ожидании начала урока. Почему-то вошла не француженка, а классный руководитель, учительница математики. Она строго потребовала от мальчишек положить ей на стол все пистолеты, какие только у них есть: деревянные, из проволоки, из пластилина, игрушечные покупные, которые стреляли пистонами. Вообще все! Ее можно было понять. Она из прошлой, женской школы. А мальчишки не могли высидеть целый урок, не постреляв хоть чуточку из своего любимого оружия. Конечно, шум этот ей мешал. С непривычки, должно быть.

Мальчишки оружие не отдавали. Тогда училка сама пошла рыскать, с шумом поднимая крышки у парт, где сидел очередной «вооруженный хулиган». Пришлось сдаваться, и ребята медленно потянулись ручейком к столу преподавателя, неохотно, чуть не со слезами складывая на него свой арсенал. Богданов вынул из кармана брюк пластмассовый черненький браунинг – подарок дяди из Москвы, и незаметно, смотря в упор в глаза Аленки, положил его к ней в парту, за портфель. Та, будто партизан, ничего не говоря, закрыла глаза. Ее пушистые черные ресницы, такие огромные,

доставали своими кончиками чуть ли не до середины щеки. Сережка залюбовался тем, как они подрагивали, и совсем забыл про тягостные приставания классной.

– А тебе, Богданов, особое приглашение нужно? – грозно прошипела математичка и с сознанием выполненного долга направилась к стенному шкафу, унося в руках все собранные пистолеты.

– А у меня нету... – тихо-тихо прошептал Сергей. – Совсем нету. – При этом он поднял руки и покрутил ими так, как это проделывали фокусники, когда хотели продемонстрировать отсутствие каких-нибудь предметов с тыльной стороны ладоней.

– Как это так – нету? Ну-ка, Катенька, – обратилась она к девочке, которая сидела как раз перед Богдановым, – Возьми все, что есть у него, там, в заде, и принеси мне на стол.

Весь класс заржал, а учительница так и не поняла почему. Культура речи ее мало волновала. Главное, чтобы все раз и навсегда отобрать, сосчитать и ровненько сложить в шкафу. Катька посмотрела в парте у Сереги и ничего не нашла. Явно расстроившись, она с сожалением посмотрела на классного руководителя, молча развела руками и села на свое место.

– Каждый пусть придет с родителями, если хочет получить свое барахло обратно, – заявила математичка.

Мальчишки быстро сообразили, что предложение не совсем простое. То есть родителей звать не нужно, если не хочешь вернуть пестик. Ну что ж, не такие уж они и хорошие, если разобраться. Подумаешь, на уроке труда из фанеры выпилили лобзиком и сколотили маленькими гвоздиками. Да и краска только синяя была, какую дал трудовик, такая и пошла в дело. Уроки труда, а потом, в старших классах, еще и военное дело вел хороший дядька. Его все любили. Инвалид войны, с тремя орденскими планками на пиджаке. Он всегда радовался, когда они захлеб делали что-ни-

будь сами. Пистолеты – так пистолеты, все равно... Вобщем, решили так: звать родителей в школу – гораздо опаснее. Это бóльшая беда, чем утрата «табельного» оружия!

Как ни странно, но не мог успокоиться самый маленький из всех, самый низенький и щупленький. Петька Филиппов, его все звали Филей, уговаривал мальчишек пойти к директору и пожаловаться на училку. У него-то пистолет был блестящий, из переплетенных медных проволочек, с курком. Он его не сам делал, а нашел во дворе, около школы, почистил шкуркой и потом хвастался. Его родители, юристы, работали где-то за границей, в командировке. Дома из взрослых была только бабушка, и та старенькая.

К директору, конечно, не пошли. Решили, что бесполезно. Потому что классный руководитель всегда прав. Это, как говорили взрослые, истина в последней инстанции. Или без «в», просто – «последней инстанции». Все равно! Проще сделать новые.

Через неделю обнаружилось, что шкаф открыт, а пистолеты пропали... Всех мальчишек обвинять было бы неправильно, а отыскивать виноватого – бесполезно. Потому что пропаже больше никто не вспоминал. Тем более что приближался Новый год, все готовились к концерту для родителей. И классному руководителю стало не до игрушек.

Сразу после Нового года, утром 2 января, Сережке досталось тащить из дома в школу свой маленький аккордеон Вельтмейстер и играть «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“...», а Юрке Лисочкину – петь. Потом к ним присоединился Вовка Спивак. Он стал читать стихи Маяковского про советский паспорт. После за кулисами они напялили на себя сшитые дома у Нинки и Лариски белые мушкетерские плащи с красными атласными крестами и огромные шляпы с перьями, склеенные из ватмана. Им так понравились эти костюмы, что все трое взяли и без спроса гордо

вышли на сцену. Что дальше делать, они не знали. У них даже не было ни шпаг, ни хоть палок каких-нибудь. Но они чувствовали, что одеяние это очень красивое и они в этих костюмах нравятся зрителям, сидящим в зале. Один с черными, как смоль, волосами, другой – с каштановыми – настоящие французы. Правда, третий почему-то светленький... Так и расхаживали по сцене, то снимая, то надевая свои шляпы, раскланиваясь перед публикой. Им-то было ясно с самого начала, кто есть кто. Серега Богданов – д'Артаньян, Вовка – Атос, а «Лиса» – Юрка Лисочкин – Арамис. Не было только Портоса. Ну что же делать, если в классе не было ни одного толстого мальчишки.

Юрка зачем-то начал подпрыгивать и, не имея шпаги, вытащил из кармана маленький блестящий пистолет из проволоки. Такой же, какой отобрали у Петьки Филиппова. А Вовка Спивак снова принялся читать стихотворение про советский паспорт. На сцену из-за кулис вытолкали Аленку. На ней было коричневое платье из бархата, а на голове над косичками – корона из картона, оклеенного разноцветной фольгой. Вылитая королева. Да еще ресницы! Она вышла, сначала слегка запуталась в своем длинном платье, споткнулась, а потом выпрямилась и, как будто всю жизнь только так и делала, взяла кончиками пальцев оборки юбки с двух сторон и с гордой осанкой медленно «поплыла» к мушкетерам. Те сразу сообразили, кто оказал им честь своим присутствием, и начали ей кланяться, выставив кто правую, кто левую ногу вперед и размахивая шляпами перед ее ногами. Это уже почти спектакль! Тут все, кто стоял за кулисами, захлопали и вывалились на сцену. Они тоже хотели быть причастными к успеху. Появились и ученики из параллельного класса, которые еще в начале концерта показывали испанский танец.

Вместе с ними почему-то вышел завуч. Анатолий Иванович громко объявил, что на Кубе произошла

революция и победили коммунисты. Теперь и на том полушарии тоже был социализм. Это всех обрадовало. Сидящие в зале встали и громко зааплодировали. А участники концерта не придумали ничего лучше, как снова исполнить все, что уже сыграно. В мушкетерских-то костюмах это было веселее, и всем стало еще интереснее.

Долго-долго тянулись первые годы учебы. Менялись классные руководители, уходили одни одноклассники, приходили другие. Кто-то так и не мог приноровиться к иностранному языку, кто-то получал квартиру и менял школу на ту, что поближе. Появилась новая отметка, которой награждали прогульщиков – «тройка в четверти за поведение». Страшное дело – удовлетворительно! Обычно всем ставили или пятерку или четверку. Ничего другого и представить себе было невозможно. Только «хорошо» или «отлично». Это что ж такое нужно было вытворить, чтобы твое поведение стало *удовлетворять* всех окружающих?

К седьмому классу все стали гордиться своей школой. Тогда уже многие могли трепаться по-французски, запросто применяя даже сложные обороты в кондишонель или в сюбжонктив. Но говорить по-настоящему, с «прононсом», почему-то стеснялись. Особенно мальчишки. Зато уж если осмеливались... Получалось так же красиво, как у нового преподавателя истории. Тогда все с наслаждением слушали непривычный в школе мужской французский язык. От такого тембра и произношения млела даже математичка, вообще ничего в этом не понимающая. Что уж тут говорить про девчонок. Они все тогда разом влюбились в историка. Мальчишкам оставалось только ждать, пока они перебесятся.

В классе на стене висела большущая карта Парижа, которую привез из Франции учитель истории. Там был виден каждый домик, каждый переулок и, конечно, все архитектурные памятники. Каждому ученику отводился конкретный кусок этой карты, и он должен был все зазубрить на память. Кто когда что построил, что там сейчас, как туда пройти... Например, как добраться от Нотр Дам к Триумфальной арке. Или посложнее: от Вандомской колонны до вокзала Аустерлиц. Богданову достался Латинский квартал, а Вовке Спиваку – весь район Елисейских полей. Учитель вызвал обоих к доске и предложил экспромтом составить диалог двух случайно встретившихся друзей. Тема простая: здания, строительство, памятники архитектуры, история... Да так, чтобы все это пересекалось, чтобы «прозвучали» обе части карты Парижа – и Серегина, и Вовкина.

– Bonjour, Serge. Comment ça va? (Здравствуй, Сергей. Как живешь?) – сказал Вовка и весело хлопнул приятеля по спине.

– Bonjour, Voldemar (Здравствуй, Володя). – Сергей чуть присел от неожиданности, повернулся лицом к Вовке и, насупившись, произнес первое, что ему пришло в голову по заданной теме: – Et combien d'étages y-at-il dans votre maison? Je suis oublié déjà (А сколько этажей в твоём доме? Я что-то позабыл). Богданов принялся с индифферентным видом перебирать пальцы на руке, как бы считая.

Группа взорвалась от смеха. Учитель, как выяснилось, тоже имел довольно развитое воображение, золотая заколка на его бордовом галстуке так и подпрыгивала в такт со всеобщим ликованием. Казалось бы, что особенного? Однако достаточно представить себе, что на самом деле встречаются два приятеля и вдруг, словно больше им не о чем разговаривать, пускаются в рассуждения об этажности своих домов. Любой человек со стороны подумал бы, что это больные или непроходимые дураки.

В поведении семиклассников появилось что-то до сих пор неведомое и необычное. Новые чувства приводили к дрожи в коленках и блеску в глазах, заставляли и учить уроки, и прогуливать их одновременно... Богданов вдруг ни с того ни с сего превратился в скромного и застенчивого мальчишку, то и дело краснеющего по любому поводу. Вовка Спивак все писал кому-то записки непонятным почерком или специально придуманным шифром, чтоб не дай Бог, кто-нибудь посторонний ни о чем не догадался! А Лисочкин... Ну, тот все свои новые ощущения, казалось, хотел заглушить раз и навсегда: на всех переменках он убегал в спортзал и там один толкал штангу. Тем не менее, похожие перемены происходили со всеми. Сначала они искренне, от чистого сердца делились друг с другом своими секретами. Но постепенно приходило понимание того, что чувства эти – не предмет для обсуждения вслух. У каждого появились свои первые тайны от друзей, постепенно прежние отношения, привычные с самого детства, перерождались во что-то новое.

Скромность, застенчивость, боязнь, хорошо выученный урок, победы на соревнованиях... Это первая школьная любовь. Каждый делал первые шаги, пусть и неуверенные, но зато какие сильные! Такая любовь может быть и счастьем, и огорчением, и стимулом к чему-либо, и большим разочарованием. Прекрасно, когда любовь взаимна, ужасно, если нет. Но и в этом была своя прелесть. Они это поймут позднее. А пока... Им нужно время, чтобы прислушаться к себе и к своим переживаниям.

Богданов, конечно, был влюблен в Аленку. А той... нравился Лисочкин. Лисочкин же никого пока не любил, но был не прочь поухаживать за кем угодно. Так, для тренировки, как со штангой. По кому сох Вовка Спивак, никто не знал. Но то, что он был влюблен, это точно. Все, кому не лень, обсуждали, почему

это Богданов так часто краснеет. Причем чаще всего, когда его вызывают к доске или просто поднимают с места, то есть, когда внимание обращено именно на него. Ну, вряд ли это происходит от того, что он, как обычно, ничего не учил и теперь выкручивается на тройку... Наверное, в этот миг посмотрит Она и все увидит... Другие ничего не поймут, а Она догадается.

В эту субботу уроки закончились раньше. Не было математики, последней по расписанию. Все радовались, что математичка заболела, а Аленка, наверное, больше всех. Ливанова просто ненавидела как алгебру, так и саму учительницу. У нее, у отличницы, впервые за все школьные годы в третьей четверти начинала вырисовываться четверка. По алгебре. За последний месяц ее дважды вызывали к доске решать задачи и дважды ставили четверку. Явный перебор.

Аленка с видимым удовольствием собрала свой маленький сиреневый портфель и уже было направилась к выходу из школы. Она наклонилась, чтобы затянуть развязавшийся узел на зимних ботинках и мельком, будто шпион, взглянула в сторону большой деревянной скамьи около входа в школу. Там всегда в конце уроков стоял Сережка. В этот раз он тоже был на месте, смотрел на нее и чего-то ждал. Это было написано большими буквами прямо у него на лбу.

– Сережа! Пойдем прогуляемся. Проводишь меня? – громко сказала Аленка, подзывая Богданова рукой.

– Пошли, – подчеркнуто безразлично произнес Богданов. – Сейчас догоню.

Он дождался, когда Аленка прошла вперед, и быстро направился за ней. То ли не хотел, чтобы видели, как он за ней ухлестывает, то ли ей демонстрировал, что не так уж ему это и нужно: таскаться за тридевять земель... Но одно только вот это «Сережа» в ее устах, а не привычное с первого класса «Богдана», уже вызывало в нем трепет, красные от легкого мороза щеки стали совершенно пунцовыми.

Так или иначе, но через минуту они уже шли вместе и нельзя сказать, что в сторону ее дома. Он молчал. Она тоже. Он нес ее портфель. Свой он часто оставлял в классе, чтобы не носить туда-сюда. Домашнее задание он все равно делал в школе, прямо перед уроками.

«Ну, нельзя же все время молчать! Нужно что-то говорить...», – всю дорогу в отчаянии думал Серега. «А чего говорить-то? Про погоду – глупо. Про любовь? Ну, уж нет! Вот почему не учат в школе самому главному?»

Они уже больше часа шли к проспекту дальней, окружной дорогой. Начинались сумерки. Желтым светом зажглись уличные фонари. Вдоль всего тротуара тянулась аллея высоких берез. Их голые тонкие ветки свешивались под тяжестью сверкающих замерзших капель. Свет преломлялся в этих каплях и образовывал разноцветные круги, похожие на маленькие радуги. Такое явление редко встретишь. Нужно, чтобы утром долго шел дождь, а вечером температура снизилась, ну хотя бы до минус пяти. Ребята, не говоря ни слова, одновременно остановились, пораженные этой красотой.

Аленка обняла его за шею. Ее теплые, нежные ладони заскользили сначала по Серегиной шее, потом прошли мимо ушей и остановились где-то посередине: на его красных щеках и на шее. С закрытыми глазами она сначала прикоснулась губами к холодной Серегиной щеке. Ее теплое дыхание, почему-то пахнувшее топленым молоком, приятно щекотало только появляющийся пушок на его скулах и подбородке. Легкий озноб, учащенный пульс. Казалось, что все поры на коже лица широко раскрылись и с наслаждением вдыхают Аленкины запахи. Ее опустившиеся на щеки длинные ресницы сразу забрали весь жар его губ. Он принялся их целовать быстро-быстро, ничего не соображая. Лишь потом он остано-

вился на мгновение, опомнился и крепко поцеловал ее в губы...

Никакого особого чувства у него это не вызвало. Он даже не отдавал себе отчета в том, что это не она, а он ее поцеловал. Значительно приятнее было прикосновение ее ладоней и ресниц. А поцелуй? Ну, во-первых, он больше думал о том, как бы выполнить все правильно. Как учили... А уж потом чувства, ощущения и тому подобное. Он почему-то вспомнил «Мадам Бовари» Флобера. Одна пяточка мелькнет или полоска голого тела между рукавом и перчаткой... Все, этого достаточно. А поцелуй! Слишком сильно. Забивает чувства. Зашкаливает...

Аленка мягко отодвинула Сережку, поправила сначала свой шарф, потом его шапку, съехавшую набок, улыбнулась, и ему стало так легко, как будто все это время он таскал какую-то тяжесть, а теперь взял и скинул лишний груз. Он еще вспомнил о Лисочкине с его штангами: «Вот дурак-то!»

Они вдруг заговорили разом и об одном и том же, быстро, не ощущая никакой тяжести в общении, как когда-то, в первом или третьем классе. Обсудили всех одноклассников и всех преподавателей. Богданову показалось, что Аленка слишком интересуется Юркой и еще тем, как это Вовка Спивак так здорово знает алгебру и как его любит математичка. Весь остальной путь до своего дома она говорила про свою будущую четверку в четверти. Какой, мол, это ужас, и как ее будут ругать родители.

Из-за поворота показался Аленкин дом. Пошел снег. Его мягкие, пушистые хлопья попадали ей на ресницы, надолго задерживались там, наверное, мешая ей смотреть, потом все-таки таяли от тепла ее глаз и тонкими ручейками стекали по щекам. Сереге казалось, что Аленка плачет... Этот же снег накрыл замерзшие капли на ветках берез, и свет фонарей больше не преломлялся в них всеми цветами радуги...

На лестничной площадке, около окна и теплой батареи, они поцеловались еще раз, потом еще и еще... Сережка был счастлив.

Он вернулся в свой двор, и там, как будто по заказу, для него звучала новая песня: «Этот сумрачный белесый свет то ли есть, то ли нет, и стоим с тобою рядом мы на пороге тьмы...».

3.

Приятеля подолгу сидели после уроков в подвале школы и перебирали все возможные и невозможные способы исправления отметок. Вообще-то никакого критического положения не было, ничего особенного не происходило. Подумаешь, тройки в четверти. Эка невидаль. Просто Серега всех накрутил, живописно разрисовав жуткую картину их беспросветного будущего, давил на самое святое. На их совесть и ум, не тронутый муками творчества и зубрежкой. Решили позвать Филю. Он-то должен быть больше всех заинтересован в исправлении ситуации. Ему светила пара по алгебре. Только Вовка Спивак вроде как оказался не у дел. По математике у него всегда пятерка. Троек всего три. Три тройки – это же правильно. И даже изящно. Но все понимали, что он мог пригодиться. «Еще как! Всегда чего-нибудь да придумает...». Да и самому ему интересно.

Петька Филиппов сразу все понял, и через секунду у него был готов план, который все поддержали. Нужно только решить, кто полезет в учительскую вместе с Филей. То, что он должен открыть форточку, это и так всем было ясно. Но вот кто второй? Юрка почему-то сам вдруг вспомнил, как он недавно присутствовал на собрании учителей, где обсуждали его прогулы. Так что все закоулки учительской комнаты ему знакомы. А уж где журналы стояли, знал любой,

кого хоть раз перед уроком учитель просил принести из учительской классный журнал.

– Вот Ливанихе повезет, – с досадой произнес Лисочкин. – Она всем плачется из-за своей будущей четверки. Надо с нее потом что-нибудь взять... А? – Ему достаточно было взглянуть на Богданова, чтобы раз и навсегда заткнуться. Такой пылкости у своего приятеля он еще никогда не подмечал. А Серега вдруг подумал о том, что Аленка, может быть, и Юрку тоже просила подумать. Может, и просила так же, как и его? Однажды, после уроков...

– Все ползем, – заключил Сергей.

Время тянулось медленно. Прошло еще две недели. Нужно было торопиться – скоро весенние каникулы. Наконец-то наступила ночь с субботы на воскресенье.

...Когда все уже были в помещении учительской, разбрелись по углам и внутренне торжествовали над всеми учителями страны, послышался шум шагов в коридоре. К такому обороту мальчишки были не готовы. И никакого плана «Б», то есть плана внезапного отхода у них не имелось. Началась паника. Все видели, как Вовка Спивак, теперь уже не боясь на шуметь, с сильным треском от ломающейся ножки стола вылез-таки из западни между столом и стеной и уже через секунду оказался на подоконнике. Богданов ясно слышал, как он что-то прокричал. За Вовкой бросился Филя. Пока он бежал к окну, из-под его рубашки уже начали с шумом выпадать классные журналы. Он спотыкался о них, но все равно очень быстро добрался до спасительного окна. В помещении еще было темно. Богданов находился в дальнем углу огромной комнаты, за шкафами, и никого не видел, а Юрка Лисочкин с нетерпением ждал, пока с окна слезет Филя. Так и не дождавшись своей очереди, он спрятался за тяжелой портьерой. В ту же секунду зажегся свет.

Серега, понимая, что его обнаружат через несколько мгновений, бросился к самому дальнему шкафу с глобусами и картами, открыл одну из его дверок, вытащил наружу черный глобус с белыми звездочками, влез между двумя нижними полками и накрылся плохо свернутой картой Арктического бассейна. Скрывшись, он неимоверными усилиями умудрился носком ботинка прикрыть дверцу шкафа. Только одну. Сердце стучало так сильно, что мальчишка испугался и даже подумал вылезти из своего убежища. Все равно услышат и найдут.

Из-за окна доносилось хныканье и сопенье Петьки Филиппова.

Войдя в учительскую, Васильич на секунду приостановился и нажал на кнопку выключателя, который находился слева от дверей. Большая комната сразу вся залилась ярким светом. Впереди, над шеренгой столов, блестели стекла окон. Только одно из них чернело, и через него в помещение врывался холодный весенний воздух. Оттуда же доносился приглушенный плач. Учитель быстрыми, уверенными шагами подошел к окну, взглянул вниз и совсем рядом увидел мальчишку, висящего на ослабевших руках. Он наклонился, опираясь на подоконник.

В это время спрятавшийся за шторой осторожно вылез из-за нее и украдкой, тихо ступая по паркету, начал было обходить Васильича, чтобы незаметно покинуть эту злополучную учительскую, выйти в коридор и там уж... Услышав шаги за спиной, Учитель, нагнувшись и еще протягивая вниз, в сторону Петьки Филиппова, свою единственную руку, вдруг резко повернул голову к свету и лицом к лицу столкнулся с...

– Лисочкин!.. – сурово произнес он, узнав своего ученика. – Вы почему здесь?..

Все разрушилось как карточный домик. Поначалу так везло: оставалось только тихо, не привлекая внимания, уйти с места преступления... Теперь его узна-

ли. Все! Огромный заряд злости вдруг выстрелил, переполнил все его сознание и теперь вымещался на нем самом, на Филе, продолжавшем пиццать за окном, на этом учителе-инвалиде с тремя блестящими цветными колодками на лацкане поношенного пиджака...

Юрка, не понимая, что делает, снова шмыгнул за портьеру. Учитель чуть повернулся и сделал маленький шаг в сторону. Портьера вдруг резко натянулась и сорвала с оштукатуренной кирпичной стены массивный деревянный карниз вместе с шурупами, ввернутыми в деревянные пробки. То ли трудовик наступил на тяжелый бордового цвета занавес, то ли...

Одним концом карниз сильно ударил Лисочкина прямо по голове, а другой с еще большей силой упал на шею Васильича. Центр тяжести на мгновение сместился, ноги трудовика оторвались от паркетного пола, приподнялись... А еще через мгновение учитель исчез за окном...

На следующий день после ужасного случая начался кошмар следствия. Целый месяц всем мальчишкам из семи последних классов приходилось часами сидеть на допросах у следователя. И в школе, и в милиции, и с родителями, и без них. Было ясно, что кто-то убил, столкнул из окна учителя труда. Кто это мог сделать? Ответ очевиден. Тот, кому были нужны классные журналы. Тот, кто для этого взломал окно, шкаф с журналами, выкрал их и хотел унести. Но учитель помешал, и потому убит. Все-таки пропали два журнала, в том числе злосчастный талмуд седьмого «Б». Кроме журналов из учительской, исчезла еще и золотая авторучка в подставке из какой-то ценной породы камня, выточенного в виде Эйфелевой башни. Подарок делегации министерства образования Франции.

Поиски быстро привели к Петьке Филиппову. Разорванная школьная форма, ссадины на руках, глубокие царапины на животе, сломанные ветки березы, да

и кровь была повсюду. И его, и Васильича. А известные всем в школе плохие Петькины отметки в третьей четверти убеждали, кого хочешь. Мотив налицо.

Уже позднее, со слов Филиппова, следствию стало ясно, что учитель помогал ему, беспомощно висящему на дереве, влезть обратно в учительскую. Видимо, Петька так сильно схватил Васильича за правую руку и потянул его на себя, что тот не смог удержаться, ведь другой руки у него не было, и вывалился из окна. Эту концовку Филиппов отрицал. А свидетелей не нашлось. Ни за, ни против.

Учителя труда похоронили, а Филиппов загремел по 89-й статье УК РСФСР на полтора года в трудовую колонию для несовершеннолетних, что находилась рядом с Ленинградом, в городе Колпино. На суде присутствовали Петькины родители. Их хоть увидели все наконец-то. А то все бабушка в школу приходила. Надо же, специально прервали командировку. Они сидели оба такие важные. Видимо, надеялись на своих знакомых адвокатов. Мамаша вообще была в каком-то непонятного цвета платье, будто на балу. В конце она разревелась, а отец Петькин только зубы стиснул и не проронил ни звука. Уже покинув зал суда, они потом долго и громко спорили о том, кто же это не уследил за сыном.

Адвокат сделал то, что мог. Все было настолько очевидно, а сам факт настолько вопиющий, что на суде выступал чуть ли не сам прокурор города. В воспитательных целях на суд вызвали весь класс.

Филя подтверждал все, что ему вменяли... Кроме смерти учителя и авторучки. В конце заседания судья поднялся и быстрым голосом, привычной скороговоркой, пропуская отдельные буквы, начал зачитывать приговор. Все встали. Филя стоял, гордо подняв голову, и смотрел на сидящих в зале даже с какой-то искоркой в глазах и с прищуром. Как у Ленина, в кино. Он как бы говорил всему классу: «Ну вот! Я опять

яркая личность. Как тогда, в первом классе... Разве нет?»

Конечно, у троих «подельников» был благородный порыв. В какую-то секунду им захотелось вскочить во весь рост и громко так... заявить о своем участии. В какую-то секунду... Но, во-первых, эта секунда очень быстро закончилась, и, во-вторых, Филиппов так на них посмотрел, что всем стало ясно: «Молчите в тряпочку, а то всем еще хуже будет». Ну, конечно, сын юристов. Ему виднее. Если в группе и по предварительному сговору, то до шести лет! А тут еще и смерть... Правда, ее Петьке так и не смогли вменить в вину. Вот именно тут, наверное, его адвокаты и расстарались.

Вовка Спивак особенно переживал и сильно мучился из-за того, что они промолчали и, как он считал, не помогли Филе. Во время оглашения приговора он все крутился рядом со своим стулом и тихо так, шепотом, повторял: «Нечестно, нечестно, несправедливо!»

«Эх ты, — отвечал ему Лисочкин, — а еще пятерка по математике. Один — явно не четыре!» И Филиппову было лучше сказать, что он был один, да и всем остальным — тоже. Мальчишки во время допросов следователям так и отвечали. Были, мол, у Вовки дома и готовили уроки. Он как раз тогда жил один целых два дня. Вовка это, конечно, подтвердил. «Ты чего теперь-то завелся? — продолжал Юрка. — Тоже — правдолюб! Ничего не знаем! А Филя?.. Он нам не товарищ. Двоечник...».

После приговора у всего класса осталось тревожное ощущение какой-то вины. Все-таки вместе учились столько лет. У троих мальчишек — тем более. Но только неясно, перед кем. То ли перед Васильичем, то ли перед Филипповым. И еще... Они остро переживали непонятную для всех гибель любимого учителя — трудовика и какую-то особую форму предательства. Они еще не знали, что такое бывает. В фильмах про

войну предатели совсем другие. Они предавали свою Родину. А тут... Ну, они же хотели встать рядом с Филипповым на суде. Ведь хотели же! Они знали из книг, что если кто-то берет все преступления на себя, то тем самым он отдувается один за всех. Конечно, потом, после его возвращения, остальные преступники обычно вручают отсидевшему его долю добычи. Но здесь не было ни денег, ни Родины, ни добычи. Кроме какой-то, не пойми, откуда взявшейся злополучной золотой авторучки. Да и двойка-то светила по математике только одному Петьке Филиппову.

Сначала все эти события сблизили ребят. Они постоянно говорили о том, что произошло, перемалывали все нюансы своего поступка и в конце уже договаривались до того, что Филиппов-то, оказывается, даже не из их двора, а из большого сталинского дома, где все квартиры отдельные и вообще с ванной. И что он прибил-то к ним совсем недавно. И года не прошло, как в первый раз напросился с ними за город на речку жечь костер и варить на огне картошку в кастрюле. Именно он тогда прыгнул с берега на их плот, после чего все плюхнулись в воду, а потом совершенно мокрые вернулись домой и получили взбучку от родителей.

То есть обосновали: Петька им не товарищ! Как заявили — так и есть! Да и вообще Филиппов, сколько его помнили, всегда приносил неприятности, какую-нибудь, пусть маленькую, но беду. Еще в первом классе он не пришел на праздник, где у всех были расписаны роли литературного монтажа. Тогда Аленка, говорившая свои слова после него, наверное, минуту стояла и молчала, не понимая, что делать. Как можно произнести: «Есть коробка у меня...», если до этого не прозвучало: «Нарисую я коня...». Она хлопала ресницами и беспомощно озиралась по сторонам, размахивая коротенькими косичками с белыми бантиками на концах. Она ждала Петькиных слов, и только Вовка

Спивак решился. Он уверенно вышел из строя на встречу всему залу, заполненному родителями и преподавателями, и без спросу громко произнес вместо Филиппова все, что положено.

До школы родители заставляли Петьку много играть на скрипке и еще больше читать. В пять лет он уже запросто проглатывал всякие взрослые книжки. А в первом классе учительница часто его вызывала к своему столу и оттуда, будто с трибуны, он «с выражением» читал всему классу «Незнайку» или «Волшебника изумрудного города». Маленького роста, щедушный, с очень большим белым воротником вокруг длинной и тонкой шеи, с большой октябрятской звездочкой на груди. Чуть загнувшаяся, вырезанная из красной фольги, она была прикреплена большой булавкой прямо к гимнастерке. Широкий ремень с огромной пряжкой подпоясывал форму слишком высоко, где-то совсем рядом со звездочкой. Из-под ремня, будто на девчоночьей юбке, спускались длинные, небубренные складки гимнастерки.

Филиппов сразу почувствовал свою исключительность среди сверстников и всегда старался ее чем-то подкрепить. Но чем дальше, тем это становилось все сложнее и сложнее. Фора, данная ему в детстве, заканчивалась. Уже все умели и читать, и писать, а играть на скрипке вроде бы и не нужно было никому.

Вскоре отделились от остальных явные гуманитарии – любители русской и французской литературы. Группка – человек пять. Точно закрепились в качестве «математиков» Вовка Спивак и еще две девчонки, которые, хотя и появились в школе с четвертого класса, но, тем не менее, по-французски уже могли сносно говорить. Одна пришла в их класс, другая – в параллельный. Начинало сказываться социальное расслоение. Эта дочь балерины, а та – капитана дальнего плавания. У той вообще фамилия двойная и пишется через черточку. Большинство же ребят жили

вблизи, в коммунальных квартирах, в домах, построенных еще в тридцатые годы вблизи огромного завода, или в двухэтажках с деревянной лестницей, которые строили пленные немцы сразу после войны. Их даже в первый класс в какую-то «французскую» школу родители не хотели отпускать. Боялись, что потом детей отправят на чужбину, в жаркую Африку, в Алжир, на худой конец – во Францию, прямо в НАТО.

Тогда Петьке, быстро растерявшему свой былой авторитет, больше ничего не оставалось, как начать прыгать с парты на пол, будто в воду, как морской дьявол из кинофильма «Человек-амфибия». Еще он сам ножницами отрезал воротник у школьного пиджака, отрастил длиннющие волосы и стал похож на Битлова. И поскольку этого было явно недостаточно, он умудрялся во время обеда набрать полный рот горчицы, тихо сидеть пол-урока, а потом повернуться ко всем, медленно открыть рот и с индифферентным видом высунуть язык... Это надо же! Ждать аж двадцать минут, ради самоутверждения. Наверное, давали о себе знать усидчивость и терпение, привитые с раннего детства при игре на скрипке. Ну, и, конечно, его звали на подвиг приятные воспоминания о первом классе, когда он был особенным, первым, а может, даже и вообще – главным.

Пошли сплошные контрольные. Правда, в отличие от ответов у доски, их хоть можно списать. Аленка получила за контрольную по математике пятерку. Ну, и ее же в четверти. Мальчишки ничего толком не исправляли в своих отметках. Контрольные прошли как обычно с переменным успехом. Когда-то удавалось списать все решения, когда-то – только часть.

Детство, детство... Через год всем в классе сообщили, что Филиппов умер в колонии. За проигрыш в американку молодые отморозки заставили его проглотить «ежика» – связанную проволокой горстку

маленьких гвоздей с торчащими в разные стороны острыми концами.

После этого известия троица, будто от взрыва, разлетелась в разные стороны. Подальше друг от друга. Они никогда не оставались вместе, старались даже на дни рождения к девочкам из класса не ходить, хотя раньше считали это для себя обязательным делом. Наверное, каждому из них казалось, что он испачкан кровью, что эти бурые пятна всем видны, их не оттереть и не отмыть. Они непонятно где – на любой одежде, даже на белье, на теле, как у Петьки после падения с дерева. Внутри, в желудке, в пищеводе... Жуткое состояние. Стоило только случайно оказаться рядом всем троим, как Филиппов вставал перед ними словно живой, такой неуклюжий, тщедушный, в некрасивой школьной форме с неубранными складками спереди, с огромным белым воротником и криво вырезанной звездочкой из фольги на груди... Хотелось скорее уйти куда-нибудь подальше и не видеть друг друга.

Спивак отдалился первым. Через шестнадцать лет ожидания у его родителей подошла очередь на новое жилье. Все Вовкино семейство: мать, отец, младшая сестра и он – наконец-то уехали из четырнадцатиметровой комнаты в коммуналке в отдельную квартиру на последнем, пятом этаже, в новом микрорайоне в Сосновой Поляне. После этого Вовка каждый день опаздывал на первый урок, потому что ехал из дома на электричке, потом остановку на метро и еще от метро шел пешком. Он ходил в грязных лыжных ботинках, но его не ругали. Все учителя понимали: Сосновая Поляна – не подарок. Она далеко, и там всегда и всюду непролазная грязь. И зимой, и летом. Туда даже такси не ездят. И он же самый молодой в классе. Его могли не принять в тот год из-за даты рождения – 28 сентября. Но он уже тогда соображал очень хорошо и так несколько раз согнул свидетельство о рождении на месте лишней цифры, что из двух осталась

только одна. Ну, такого грех было не взять в первый класс на два дня раньше положенного срока. К тому же, он математик, отгороженный от реальности формулами и теоремами. Задачки щелкает как орехи, так переворачивает всякие сложной формы пирамидки, что любому сразу становилось ясно, как рассчитать их объем. Ему положено ходить в нечищенных сапогах.

Кроме того Спивак посещал в университете лекции, которые читали для старшеклассников всякие чокнутые первокурсники. Они это для себя читали, тренировали правильную научную речь, часами лопотали что-то про комплексные числа, закрытые и открытые множества. Девчонки из школы, которых тоже относили к юным математикам, рассказывали потом, что главное – не что-то конкретное понять, а научиться напрягать мозги и пытаться уследить за логикой лектора. Когда становилось совсем неинтересно – это значило, что слушатель вырубился, уже мышей не ловит и ничегошеньки не понимает. В начале цикла лекций, это происходило почти сразу, к концу – все позднее и позднее. В том все и дело.

Учительница математики Вовку всем ставила в пример. Отчасти поэтому другие уроки Спивак вообще не воспринимал. Наверное, кроме французского. Он так и говорил: «Это пустая и никчемная трата драгоценного времени». Конечно, не хвалят, не ставят пятерки, а только ругают, ругают и ругают. На таких уроках Вовка часто разрисовывал учебники понравившимися ему математическими выкладками, а потом громко и безапелляционно отвечал на замечания учителей: «Книжка м-о-я: что хочу, то и во-ро-чу. Захочу – в печке сожгу». Однажды на уроке истории он также привычноотреагировал на возмущение преподавателя. Только на этот раз вместо алгебраических формул он нарисовал нечто другое. На рисунке «Ленин в Разливе» под вождем пролетариата на месте пенька красовался большой горшок ярко-синего цвета...

Вовку исключили из комсомола. Родители, чтобы не травмировать психику сына, сразу перевели его в другую школу, тем более, что она была рядом с их новым домом. Но это обстоятельство не повлияло на его планы. Во-первых, на новом месте его «туда» снова приняли. Вернее, отменили предыдущее решение. Взяли на поруки и отменили. Куда бы они делись? А через два года он все равно, как и мечтал, поступил в университет на матмех. Причем с первого захода. Даже не пригодился заполученный им в первом классе лишний год до призыва в армию.

Он вообще был импульсивный, резкий, совершенно нетерпимый к тому, что его раздражало. Не нравится урок или учитель – все! Нет его. Отобрали комсомольский значок – да и ладно! Точно так же он относился и ко всему, что ему нравилось. Он самостоятельно освоил дифференциальное исчисление, за месяц научился играть на пианино двумя руками. Правда, только «Лунную сонату». Только ее. Потому что нравилась! Потом сам быстро выучил английский, а уже позднее быстро женился...

А Лисочкин и Богданов по-прежнему были вынуждены каждый день лицезреть друг друга на уроках. Мальчишеская дружба их уже закончилась, но совместная тайна продолжала давить, то сближая их на время, то – наоборот – отдаляя. Могло ли что-нибудь накрыть их прошлое большим покрывалом и позволить полностью отдаться какому-нибудь новому и большому делу? Все усугублялась нетипичным треугольником: Серега – Аленка – Юрка, где все были влюблены как бы цепочкой: Сережка – в Аленку, а та – в Юрку.

Более того в отличие от Спивака, да и многих других одноклассников, ни Лисочкин, ни Богданов еще совсем не задумывались над тем, что они умеют, чего хотят и куда им идти. Как будто время вырезало целый пласт из их жизни, и они снова, как в детстве, до

той злосчастной ночной кражи, а вернее, вообще до школы играют вместе в войну или ходят по двору обнявшись. Юрка Лисочкин, Серега Богданов и Вовка Спивак. Их матери, будто сговорившись, открывают форточки и зовут домой. Тогда друзья громко запевают всем известную песню – «Три танкиста, три веселых друга...», мамы улыбаются и отстают от них еще минут на десять...

В предпоследнем, десятом классе, наконец-то все определились. Юрку почему-то несколько раз навещали какие-то мужики в строгих костюмах. Прямо во время уроков его выводили из класса, долго с ним где-то беседовали и потом, в конце концов, уходили довольные. Потом он по секрету всем сказал, что после одиннадцатого класса будет поступать в Высшую школу КГБ, учить арабский и все остальное, что там положено. Он действительно был похож на сирийца или иракца, да и дед его вроде бы работал раньше в НКВД. Ему сам Бог велел туда идти, а потом уехать куда-нибудь за кордон и там, притворившись арабом, защищать Родину.

А Богданов ударился в химию. У него почему-то была пятерка именно по этому предмету. Что ж тут теперь поделаешь, раз пятерка!

4.

Что значит: почему-то? Просто однажды в десятом классе, зимой, ночью, на кухне коммуналки, взобравшись в валенках на закрытую железной крышкой газовую плиту, Богданов в полном покое предавался изучению закона Менделеева. Холодильник в виде деревянного шкафа с дыркой под окном не мешал. Валенки и конструкция в виде плиты и табуретки делали свое дело. Соседи спали, и, слава Богу, никто не норовил посреди ночи поставить на плиту чайник.

«Когда не мешают, наверное, все можно выучить», – задумчиво произнес Сергей и раскрыл «Метафизику» Аристотеля вместо учебника химии. Когда предстояло что-нибудь сложное, он всегда под рукой имел до боли простые вещи: телевизионную программку или вот как сейчас... «Вот, где все ясно, и ничего не нужно доказывать. Не зря этого Аристотеля ЮНЕСКО считает самым умным мыслителем всех времен...», – подумал Серега. Пребывая в хорошем настроении и млея от комфорта, Богданов полностью забыл, зачем пришел на кухню, и о том, что завтра будет контрольная. Впрочем-то, ему было на нее наплевать. При любом раскладе получил бы он свою тройку. А может и четверку... «А может и собаку, а может и... козу!» Серега тихо затянул нечто похожее на песенку. Он предавался мечтаниям.

А вот если бы во втором классе мне не поставили двойку в тетрадке, если бы из-за этого не пришлось делать домашнее задание не дома, а на подоконнике лестничной площадки и я не получил бы потом за него кол... Он помечтал еще немного про то, что бы было, если бы... Сергей ведь даже мог бы стать отличником. Как Валька Прохорова или Танька Бадарина, с которой за первой партой в левой колонке неизменно все школьные годы просидел Лисочкин. Вот эти две девчонки всегда были готовы пойти к доске и с какой-то патологической радостью отвечать домашнее задание. «Какие несчастные люди! – с искренним сожалением подумал Богданов. – Им незнакомы переживания человека, который ничего не знает, а идет на урок как на подвиг, где каждую секунду его ждет провал. Быть троечником – большое искусство. Суметь вывернуться, изловчиться, ответить хоть что-нибудь. Ровным, спокойным голосом начать излагать решение задачи, которую совсем не знаешь, как решать... Да! Лисочкину переучиваться не придется, будет работать как профессионал...».

Богданов получил за контрольную по химии пятерку. Это была не просто обычная оценка знаний, которую выставляли за ответ у доски, – отметка за республиканскую контрольную работу. Она, полученная так своевременно, сама все определила в его дальнейшей судьбе...

Электронные облака, сродство, валентность и энтропия наполняли его бытие в течение шести следующих лет. Череду этих сложных явлений прерывали сначала выпускные экзамены, затем вступительные, ну, а уж потом – стройотряды и ставшие привычными для его одноклассников дни рождения. Не все, конечно. А, как и раньше, только Аленки, Нинки и Таньки. Здесь хочешь – не хочешь, а встречались. Не прийти – значило что-то из ряда вон выходящее: или случилось что, или не хочет человек общения со свидетелями своего детства. Встречаясь, сидя за столом с яствами – винегретом, селедкой и оливье, приготовленными заранее пришедшими девчонками, они наперебой рассказывали каждый о своей науке, о своем вузе, хвастались друг перед другом свежими знаниями.

После окончания школы прошло почти три с половиной года. Все хотели посмотреть друг на друга, почувствовать все более четкие различия.

– Кому на Руси жить хорошо? – спрашивает Некрасов, а Маяковский в своей поэме «Хорошо» отвечает... – начала озвучивать тему нового сочинения Маринка, одна из филологинь.

– Кому, кому? – слесарю, насколько я понимаю, – вставил Вовка Спивак. – Во-первых, пролетарий и ему нечего терять, а во-вторых, перед ним весь мир открыт – через любую дверь пройдет...

– А я писал про больного физика, – небрежно встал Юрка Лисочкин. – У нас из двадцати нужно было набрать минимум девятнадцать баллов. Ну, это для выпускников средних школ... Так что я расстарался.

Он на два дня приехал из Москвы, пришел на день рождения и сразу уселся рядом с именинницей Смолиной. Подвыпив, Юрка пытался как-то изловчиться и хоть чуточку пообнимать Нинку.

А вообще, все уже захмелели и не вполне отдавали себе отчет, кто и что говорит. Все пытались рассказывать, одни соседям, другие тем, кто сидел напротив. Аленка с Серегой как всегда забились в угол и, попивая кофе, сладко ворковали о вечном, о жизни и об общечеловеческих ценностях. Еще бы! Три года жизни за одной партой. Причем самые чистые, самые лучшие годы, когда все постигаешь без малейшей натуги.

После того как Вовка так лихо разобрался с животрепещущим вопросом Некрасова, у него в голове еще долго крутилось одно и то же: «Ей Богу, здесь какие-то несовместимые множества... Или вообще психушка... Тем хорошо и этим хорошо. Какие-то все простые... Или просто я их всех давно не видел? Все-таки шесть лет прошло! Три – в школе и три после».

Вовка пришел на вечеринку последним. То ли оттого, что из Сосновой Поляны ехал, то ли забурел от своей математики и теперь позволял себе задерживаться. Было неясно. Но что-то в нем явно изменилось с тех пор, как он сменил школу. Он это хорошо понимал. А вот остальные – вряд ли. Да они и не хотели ничего понимать. Им было хорошо.

Вальки Прохоровой, золотой медалистки, в этот раз не было. Она вышла замуж на третьем курсе за доцента из того же института, где и сама училась. Зато пришла ее серебряная конкурентка Танька Бадарина. Они всегда и почти во всем соперничали. Одна расстраивалась, если другая уже получила очередную пятерку, а ей еще только это предстояло. Причем это не зависело от того, по какому предмету. По любому. Вернее, по всем. Пятерка-то будет точно. Ну, а вдруг... Прямо как на серии пенальти в финале футбольного чемпионата. Одна, в общем-то, не влюбленная в Юрку

Лисочкина, всегда завидовала тому, как на него смотрела соперница.

И все же первой в классе всегда оказывалась «золотая». Особенно после того, как она вернулась из ГДР, где жила два года вместе с родителями. Первой стала краситься, делать прическу, надевала всякие импортные блузки, через которые просвечивал бюстгальтер. Да и вообще она источала какой-то иной запах. А может, это просто такие духи... Неудивительно, что за ней бегали старшеклассники, и потом она так быстро выскочила замуж.

Правда, вторая, «серебряная», тоже не заставила себя долго ждать. Однажды, буквально через месяц, она без предупреждения пришла к подруге. Та уже успела ассимилироваться в кухонную среду, возилась с ужином для своего дорогого супруга, в фартуке, непричесанная и ненакрашенная. Танька прямо без подготовки выпалила.

– Ну что ж, Вальюша, я тоже теперь с супругом. Вон он стоит под окнами.

Валька молчала. У нее в голове крутился только один вопрос: «Кто же это такой? Кого это она нашла себе?». Танька, будто услышала и тихо добавила, что он – детский писатель.

– А... Бык рогами тык...

– Завтра поедem в Телу, к его родителям, – закончила Татьяна, сделав вид, что не расслышала Валькиной оценки писательского творчества ее мужа.

– А где это?

Сдерживая радость и боясь спугнуть едва обозначившуюся удачу, произнесла «золотая». На ее лице медленно расплывалась улыбка от предчувствия того непреложного факта, что у подруги муж из какой-то дыры.

– Да во Франции, около Тулузы.

В тот день рождения Лисочкин весь вечер лез к Смолиной. «Усы отрастил, легкий он какой-то... Ему

бы еще тельняшку, грудь волосатую и гитару, – подумала Аленка, глядя на то, как будущий разведчик вербует именинницу, – вот тогда все было бы на своих местах».

Раз Ниночку провожать не нужно, то Юрка намылился было уйти с Танькой Бадариной, своей вечной соседкой, но ту прямо у Нинкиного подъезда уже ждал ее муженек, француз по имени Доминик. Богданов в тот раз ушел очень быстро. У него болела мать, и нужно было отвезти лекарства, подменить старшего брата. Сергей даже не остался пить чай с пирогами. Попрощался тихонько с Ливановой и смылся...

Лисочкину ничего не оставалось, как пойти провожать Аленку. Всю дорогу он трепался о всякой ерунде. Уже было довольно прохладно, стоял ноябрь. Узнав, что у Ливановой родители уехали в Киев, в командировку, Юрка напросился в гости. У него еще оставалось три часа до ночного поезда на Москву. Он взял у Аленки ключи, сам открыл дверь, нашел проигрыватель, включил. И потом танцевал с ней под пластинку-сорокопятку Джонни Холидея. Танцевал медленно, хотя песни почти все быстрые. Снова чего-то все время без остановки лопотал. Наверное, их этому специально обучали. Джонни начал петь «Penitence», а Юрка взял Аленку на руки и понес на тахту... Ту самую тахту, про которую Сережка еще в первом классе гадал: кровать это или диван?

Глава 2

1.

Закончив химический факультет университета, Сергей по распределению попал в Арктический и Антарктический институт и сразу же на четыре месяца – в полярную экспедицию в Чукотское море. Оттуда – в море Бофорта, что над Аляской и Канадой, потом в Берингово... Впрочем, прошел полагающуюся закалку и, как заправский полярник, перековался из химика в географа. Пошли первые научные публикации. Его заметили и стали брать в новые экспедиции. Появились первые деньжищи. В промежутках между «полями» Богданов встречался с одноклассниками. Почти со всеми. Только не с Аленкой.

Однажды, когда Серега еще учился на четвертом курсе, Юрка, будучи уже лейтенантом, снова приехал в Ленинград к родителям на один день. Они встретились, и Лисочкин ляпнул ему что-то про Ливанову: «Она же ребенка вроде как заимела. Ты что не знаешь? Уж, не от тебя ли, Сереженька?»

С тех пор Сергей стал избегать Аленку. Хотел однажды навестить, но так и не решился. С другими встречался. Где-нибудь в пышечной около ДЛТ или на Невском в «Лягушатнике». Богданов душевно рассказывал про шторм и ломающийся под лыжами самолета лед прямо на Северном полюсе. А девчонки, затаив дыхание, ели мороженое и внимали его байкам. Расплачиваясь, он показывал не привычную для них коричневую сторублевку и приговаривал: «Это

гробовые и штормовые. Час полета – три шестьдесят две, как бутылка водки, первичная посадка на лед – червонец каждому».

Зная об отношении Сереги к Аленке, одноклассницы не решались говорить с ним об этом. Хотя наверняка знали все, или почти все...

Теперь без Богданова не улетали в «прыгающую» с посадкой на неизвестный толщины лед экспедицию, с ее обилием научных данных и кучей денег. Потом Антарктика, спасение теплохода «Обь», застрявшего во льдах. Впервые за всю историю дрейфующих станций «Северный полюс – 19» разместились на ледяном острове. И опять-таки Серега Богданов участвовал. Куда ж без него? Награды и уважение. Опять уважение и награды... А еще через год...

Кто-то в районном комитете партии, видимо, удовлетворяя свои должностные интересы в пополнении номенклатуры, решил израсходовать целое «место» на инженерно-технического работника. Он, словно небесную благодать, спустил эту квоту для приема в партию институту, где работал Сергей. Теперь наступало самое главное. Нужно, чтобы все совпало. Выделенное дефицитное место и кандидатура инженера Богданова. А для этого самому Сереженьке нужно считаться, как минимум, «хорошим».

В этом смысле все полярники подходили под эту категорию. Там естественный отбор. Рядом с дерьмом никто не будет месяцами качаться на волнах или в центре Арктики «садиться» в самолете на лед, не зная его толщины... Однако Сергей вдобавок был еще и молодым специалистом, да плюс активным комсомольцем. Вот его такого, совсем положительного, и решили принять в партию.

Богданов даже не сомневался, нужно ему все это или нет. Отец у него член партии. А во время войны партбилет однажды даже спас ему жизнь... Рассуждая так сам с собой, перебирая мысленно основные этапы

своей короткой жизни, он заметил одну особенность. Когда он занимался общественными делами, в комсомоле, в стройотрядах или в полярных экспедициях, его жизнь сразу наполнялась энергией, интересными встречами и переживаниями. Если же он погружался в учебу или в свою химическую, а потом и географическую науку, будто что-то обрывалось в приятной череде событий. Он погружался в узкий, как ему теперь казалось, мирок с электронами, молекулами и подводными течениями... Тоже интересно, но... Здесь требовалась особая, систематическая тяга к познанию, – причем познанию того, что нельзя применить сразу. Постепенно формировавшееся у Богданова утилитарное отношение к действительности требовало других переживаний. Иногда Сережка говорил сам себе. «Ну что это? Самописец нарисовал на диаграмме два пика вместо привычного всем одного. Ай-я-яй! Ну статья в журнале, ну диссертация. И все!?»

Совсем другое дело, когда тебе приходится что-нибудь менять в отношениях с людьми, просто с ними общаться или совместно думать, решать, действовать. Такая работа увлекала и оттого часто была успешной. Это же очень рано увело его от бездны всепоглощающего детского социального инфантилизма.

Сергей не мог ни работать, ни учиться усидчиво и систематически. Он принадлежал к такой категории «процессников», которые могли получать удовольствие от всего, что они делали. Но главное, чтобы это деланье было энергетически насыщено и потому непродолжительно. Стройотряды, экспедиции в Арктику – именно то! Два – три месяца пахоты, когда каждая минута в делах, решениях, отношениях, и оттого она всегда в радость.

Если дело Богданову по-настоящему нравилось, и он увлекался им, то он входил в состояние «потока», и весь остальной мир для него исчезал. Тащить на плечах сразу два шестиметровых бруса, целый день

вкатывать с разбегу на второй этаж тачки с раствором, по этим самым двум несколоченным брусам... И все это не просто так, а в дождь и слякоть. Выпрыгивать на лед из самолета, когда тот кружит по льду, и знать, что он вот-вот взлетит, оставив его одного, как только все поймут, что толщина льдины меньше двадцати сантиметров. Разговаривать, собирать информацию, смеяться, щуриться на яркое арктическое солнце... И жить только этим.

Теперь, после приема в партию, у молодой романтической личности появился новый документ, который означал допуск к карьерной лестнице. Он, будто специальный штамп в пропуске на режимное предприятие, означал «свободный проход». Маленький, синенький, почему-то перевернутый, то ли «стаканчик», то ли «рюмочка» – этот значок сильно выделялся своей таинственностью и опасным либерализмом. Красовалась «рюмочка» в одном ряду с цифрами точно указанного времени «входа» и «выхода», обеденного перерыва и категории вредности производства.

2.

В июле 1967 года, впервые пройдя через КПП закрытого подмосковного объекта, Юрка Лисочкин влился в число абитуриентов 2-го факультета Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Контрразведка. Наряду с военнослужащими и уже прошедшими службу в армии абитуриентами сюда принимали также выпускников средних школ. Но конкурс для таких, как Лисочкин, вчерашних одиннадцатиклассников, был отдельный и запредельный.

Юрку приняли.

Пройдя отбор, счастливицы оказывались за колючей проволокой, которой был огорожен заветный вуз.

Чему их здесь учили три года шесть дней в неделю? Учебный день начинался в восемь утра с часовой физической подготовки: бег по пересеченной местности, гимнастика, плавание, борьба, лыжи. Занятия в классах проходили с девяти утра до шести вечера с часовым перерывом на обед. Здесь давали отличное образование. Гораздо позднее стали говорить – «четыре в одном флаконе»: специальное, юридическое, языковое, среднее военное. Но основу обучения составляли именно юридические и специальные дисциплины. Спецдисциплины – то, что ныне называется оперативно-розыскной деятельностью, юридические – уголовное, а также административное и международное право. В итоге – юрист-правовед со знанием иностранного языка.

Юрке достался арабский и персидский. Да плюс его французский. Английский был факультативным.

После окончания Высшей школы КГБ – полтора года опером в районном управлении. Потом курсы специальной подготовки, еще год для изучения страны, нюансов языка, религий, традиций... Теперь для Лисочкина, как говорят дипломаты, не только обозначились, но и уже отчетливо проявились на горизонте, контуры заграничной командировки.

Однако еще до отъезда ему нужно жениться и ехать за кордон уже вместе с женой. Таковы правила. А у Юрки никого не было. Все время в казарме, ни минуты свободного времени. С Аленкой он после того дня рождения ни разу не виделся... И почти ничего про нее не знал. Да и разные города...

Лисочкин вообще ни о ком ничего не знал. Хотя это как-то неестественно для его работы. Он, пожалуй, просто не хотел знать. Ему предстояла трудная и интересная пахота. Не каждому давали такую возможность – через три года после Вышки поехать за кордон. Ему повезло. Но вот теперь все могло сорваться из-за такой мелочи...

Еще в феврале, находясь в полной неопределенности, Юрка взял да и позвонил в Ленинград... Только почему-то не Аленке, а Нинке Смолиной на домашний телефон. Та заканчивала шестой год обучения в Первом меде, и ей предстояло распределение куда-нибудь в Караганду. Вот так и соединила их простая случайность. У обоих именно в этом году в жизни намечались изменения.

Теперь, после регистрации брака с Юркой, Нинка была почти счастлива. И главное, как все вовремя! «А что? Плохо разве? Заграница, валюта, работа по специальности, да и он такой весь из себя... в форме и с погонами». Раньше он Смолиной даже нравился. Недолго, правда. Юрка это знал от своей вечной соседки, серебряной медалистки Бадариной. И то, что нравился, и то, что разонравился – тоже. Танька для него давно служила кем-то вроде раз и навсегда завербованного агента.

Все просто в этом мире. Первого июля Нинка, неизменная санитарка и участница всех мальчишеских войн во дворе, в установленном порядке выехала по месту службы своего мужа и уже через месяц трудилась терапевтом в местной медсанчасти советского гарнизона в Дамаске.

У Ливановой рос сын, она благополучно закончила свою учебу на биофаке, обойдясь без «академки». После защиты диплома ее оставили на кафедре в университете. В день отъезда новоиспеченной четы Лисочкина – Смолиной Аленкиному сыну исполнилось ровно два года. Хотя ему пока еще было только два, но она все мечтала, как он пойдет в их, французскую, школу. Ей очень этого хотелось. Там работали те же преподаватели. Остался учитель французской истории. Даже математичка младших классов, которая отнимала у мальчишек пистолеты, тоже еще работала. Катька, председатель совета их пионерского отряда, сразу после пединститута вернулась в школу учитель-

ницей русского языка и литературы. Она уже второй год всех обзванивала, но на Первое сентября выпускники их лет уже не приходили. Вот она одна за всех и стояла с табличкой в руках: «1967 год» И за класс «А», и за «Б».

В Сирии Лисочкин официально числился помощником одного из советских военных советников Вооруженных сил Сирийской Арабской Республики. Одновременно с этим он входил в состав посольской резидентуры как член спецподразделения контрразведки. Эти сотрудники были разбросаны по различным городам, в которых находились крупные гарнизоны и военные объекты. Они следили за разведками США, Франции, Англии и Израиля, стараясь оградить от их происков тысячи советских военных специалистов, работающих в Сирии. Те в свою очередь разрабатывали их, конечно же, зная всех своих противников в лицо. А за всеми ними пристально наблюдала сирийская контрразведка, безуспешно пытаясь выявить своих соотечественников, помогающих и тем, и этим...

А в это время в Ленинграде все шло своим чередом. Прошел год. Потом другой и третий. Следуя незатейливым принципам, заложенным университетом, Богданов получил второе высшее образование, закончив заочно факультет океанологии Гидрометинститута, и защитил кандидатскую диссертацию по географии. Женился.

Волей-неволей опять вернулся в науку. Из-за нее родимой пропустил целый ряд интересных экспедиций с друзьями. Начальники ему говорили: «Раз ученый, так иди в библиотеку. Там и сиди! Изучай отчеты экспедиций». Он так и поступал.

Тогда его избрали секретарем партийного бюро отдела океанологии. Он стал изучать и эти новые для него премудрости. Что такое контроль деятельности администрации? Во что можно влезать, а во что – нет?

В чем состоит, например, воспитательная работа беспартийного начальника лаборатории? Надо сказать, они что-то правильное делали, пятнадцать коммунистов отдела. Раз уж к ним приехали перенимать опыт участники Всесоюзной научно-практической конференции «Могучая и созидаящая сила социалистического соревнования». Тогда про Сергея напечатали целую полосу в «Ленинградской правде». Это вам не химия с молекулами и атомами и даже не океанология с сумасшедшими формулами, якобы описывающими течения в океане...

Сразу после всего этого фейерверка совсем новых успехов, никак не связанных с наукой, Сергея Богданова вызвали сначала в партком института, а потом в райком и предложили стать инструктором промышленного отдела районного комитета партии.

Там, в отделе, будущие коллеги, видя тщательно скрываемые раздумья Богданова, быстренько просветили его, рассказав о номенклатуре. О том, что с чем едят. Как это все вкусно. И «квартиру дадут, если нету». И «все санатории и дома отдыха у твоих ног». Будто только за этим туда и тащили. А через год-другой, пройдя очень полезную школу партийной работы, можно будет вернуться в свой или какой другой институт, но уже на большую должность, стать руководителем и гораздо с большей отдачей реализовывать свои недюжинные способности организатора науки.

– Здорово! Обалдеть! Вот рай-то где! Ну так, райком же! – размышлял Богданов.

В конце всего этого потока рассказов, басен и анекдотов каждый говорил одно и то же, будто специально вся «машина» аппарата райкома была заведена на его вербовку: «Только не отказывайся. Только не отказывайся. Только не отказывайся...»

Через два дня Сергей Богданов пополнил стройные ряды ответственных работников районного ко-

митета КПСС. Нацеленный на героические свершения, он, пока еще в кроличьей ушанке, но уже в черном аккуратненьком финском пальто, вошел в кабинет, где не было ничего, кроме трех одинаковых столов, трех сейфов и большого, метр на полтора, портрета Брежнева, висящего на стене в деревянной раме. «Да-а-а! Загадка, – подумал тогда новоиспеченный инструктор. – Как из этого незатейливого набора сделать жизнь советского народа лучше и веселее в одном отдельно взятом районе?»

Пустующий стол оставлен явно для него. Два других занимали «орговик» и «идеолог». Они вместе курировали одни и те же штук тридцать различных предприятий и организаций. То есть их партийные организации, разумеется. Но каждый по своему направлению. К примеру, «орговик» отвечал за правильное содержание районной парторганизации, за сохранение процентного соотношения рабочих и инженерно-технических работников. Шесть к одному! И никак иначе. Это с его легкой руки четыре года назад в институте, где начинал работать Богданов, появилось редкое и столь желанное для его руководства «место» для приема в партию ИТР.

Бедный «орговик»! Кто бы пожалел его за такую самоотверженность. Теперь-то, видя, как коллега напротив мучается, Богданов все прекрасно понимал. Ведь после такой щедрости инструктору орготдела предстояло шерстить по заводам и фабрикам и срочно компенсировать доставленное какому-нибудь «итээру» удовольствие помечтать о карьере великого географа. Нужно искать шесть рабочих, очертя голову рвущихся в партию. Иначе ведь произошло бы самое страшное: нарушилось бы установленное «сверху» процентное соотношение между рабочими, крестьянами и ИТР. А отсюда недалеко и до вырождения самой сути рабочей партии. Партии тех, кому нечего терять.

В том же самом университете, только на математико-механическом факультете, учился Вовка Спивак. За все время обучения он ни разу не встречался со своими бывшими друзьями. Ни с Богдановым, ни с Лисочкиным. Кроме того случая на третьем курсе, когда на дне рождения у Нинки Смолиной собрался почти весь класс. Он никогда не ездил в стройотряды. Зато каждое студенческое лето уезжал вместе с женой и друзьями куда-нибудь далеко в Сибирь, на большие реки – спускаться на плоту вниз по течению, лазать по скалам на крутых берегах.

Плот, резиновый агрегат, в ожидании нового лета всю зиму занимал в их распашонке целую комнату. Гости его старательно и с уважением обходили, спотыкаясь о толстые веревки и металлические весла. Там же, на обоях висели прикрепленные кнопками фотографии. Здесь Спивак на плоту проходит Енисейские пороги, там по колено в красной икре во Владивостокском рыбном институте... А вон большущая фотография, где Вовка с настоящим медведем, который прет прямо на него. По всему видно, что они живут в своем, закрытом мире, оберегая его от всего того, что их окружало в городе. По обстановке в квартире, по тому, что в ней не было телевизора, по целой куче каких-то рюкзаков в углу, всегда набитых чем-то под завязку, по настроениям в семье, готовой в любой момент сорваться куда-нибудь. Уехать куда угодно! Только бы не видеть и не слышать все это... Раньше в школе, потом в университете, теперь на работе, на улице...

Однажды, вернувшись из поездки по Сибири, Вовка прогуливался по Невскому проспекту. Коротко стриженный, в потертых джинсах и черной футболке, он беззаботно шагал по тротуару и с непривычки оглядывался на спешащих куда-то, по разному оде-

тых прохожих. Через плечо у него на связанных шнурках висела пара лыжных только что купленных ботинок. К нему подошел милиционер, аккуратно взял за локоть и, ничего не говоря, повел куда-то в сторону, в глубь территории за Гостиным Двором.

– Тс-с-с, – зашипел сержант и шепотом добавил: – тихо, тихо, тихо, тихо... Спокойненько идем со мной.

– А что случилось? Куда Вы меня тащите? – взбрыкнул Спивак.

– Ничего не случилось, все очень хорошо, – отвечал милиционер, будто разговаривая с сумасшедшим.

Минуты через три они вошли в пикет милиции около метро «Невский проспект». Сержант открыл ключом дверь маленькой комнатки. Там почти ничего не было, даже окон. Маленький стол с одной тумбочкой стоял посередине. На нем торжественно стоял старый черный эбонитовый телефонный аппарат. С разных сторон от стола – табуретка и стул. Они вошли. Милиционер щелкнул выключателем на стене, усадил Спивака на табурет, обошел стол и с шумом привычно плюхнулся на деревянный расшатанный стул. Он смотрел на Спивака, наверное, с минуту, непрерывно переворачивая с грани на грань спичечный коробок, всякий раз слегка постукивая им по столу. Потом сержант медленно с расстановкой произнес.

– Ну что? Украл, сука?

– Я?... Н-не понял...

– Чего ты не понял? Чего ты не понял, я тебе говорю. Ботинки где взял? Документы есть? Или только справка? Освободился давно?

– Да нет у меня никакой справки. Документов тоже нет. Я с собой их не ношу. Не обязан. Причем тут ботинки-то? Я их только что купил здесь рядом. Могу показать...

– Документы, значит, не носим. Ой, как мило... – мягко пролепетал сержант и вдруг вскочил и закричал, – как фамилия, где живешь? Адрес?

Вовка сначала засуетился и растерялся от неожиданного напора стража порядка. Но потом спокойно назвал свой адрес и номер домашнего телефона. Милиционер, ничего не говоря, стал усердно крутить диск телефона. Диск крутился и скрипел, будто ржавое колесо телеги. Наконец противные звуки закончились.

– Зачем сейчас звонить? Дома никого нет, – заговорил Вовка.

– Ну, конечно! Что это я, на самом деле. У тебя и дома-то, должно быть, нету.

– Можно бабушке позвонить: она точно должна быть у себя. Это на Московском. – Милиционер снова занялся, казалось, своим любимым делом – крутить диск телефона. Он это проделывал обстоятельно, как хороший пианист, наклоняясь всем телом по ходу вращения рукой. Лицо его при этом источало абсолютное усердие.

На другом конце кто-то ответил. Но потом, после того как сержант назвал себя, этот кто-то, видимо, испугался.

– То есть вы не знаете Спивака..., да, Спивака. Я правильно вас понял, гражданочка? – милиционер с удовольствием вслушивался в слова говорящего на другом конце телефонного провода. Улыбка, нечеловеческая, а иезуитская какая-то тихонечко обозначалась на его лице. От нее загорались глаза, начинала двигаться голова, раскачиваясь из стороны в сторону, словно маятник. Товарищ в своем сознании уже явно смаковал приятное для него сочетание слов: сначала «старший», а потом уже «сержант».

– Может, ошиблись номером? – Уже как-то неуверенно зачастил Вовка.

– Может, и ошибся. Только больше вот не ошибусь... Петров! – крикнул сержант. Дверь раскрылась, появился молодой парнишка в форме. – Чего делаешь?

– Протокол вчерашний. А чо?

– Да ни чо. Плюнь. Прими-ка этого, отведи к нашим, – он мотнул головой в сторону сидящего напротив Спивака. – Я попозже подойду – оформим.

– Да вы что? Я буду жаловаться. По какому праву. Дайте мне, я позвоню...

Вовку вместе с лыжными ботинками двое милиционеров отвели в отделение и заперли в обезьяннике вместе с пьяницами и дебоширами.

Часа через четыре появился сержант вместе с гражданским. «Наверное, опер или следователь», – подумал Вовка.

– А вы, молодой человек, зачем устроили драку в отделении милиции? Неймется! – сходу спросил тот, что был в штатском. При этом он помахивал какими-то листками бумаги. – Вот на вас уже и жалобы поступили...

«Опер или следователь» за это время уже все для себя уяснил, все проверил. Сам дозвонился до бабушки, потом до университета, посылал проверить в отдел спорттоваров... Нужно отпускать. Но Спивак угрожал, что будет жаловаться. А это уж ни к чему, ни в какие ворота. В отделении сроченько смастерили заявки от «отдыхающих» и теперь могли заводить дело на очередного «хулигана и дебошира». Конечно, если этот дебошир вдруг не сообразит, что лучше покаяться в чем угодно и забыть все как дурной сон. Спивак вспомнил тогда, как один таксист, разговорившись с ним, откровенничал: «Никогда не нужно отличаться от других. Я, например, если еду через КПП на въезде в город... Что ты! Руки кладу ровно на руль, снимаю очки, поднимаю козырек от солнца, скорость делаю ровно шестьдесят и улыбаюсь всем своим видом. А что? Запросто могут остановить и задержать до выяснения часа на три. Это по закону... А могут ведь и нарушить или просто ошибиться и отправить куда-нибудь далеко-далеко. Года через полтора найдут, поймут, разберутся... Мне это надо?»

«Да уж, – подумал Вовка, – вот так! Отличился... Отличился от толпы. Выделился из стаи... Все! Теперь без паспорта никуда! И справку еще возьму, что учусь. Костюм – только серый. Или лучше в полосочку, как у зеков. И ну его, этот Невский с „Сайгоном“. Обойдусь бочковым кофеем». Этих рассуждений оказалось достаточно. Милиционеры поняли, что задержанный проникся уважением к их работе, получили с него подпись в том, что он не имеет никаких претензий ни к ним, ни к кому бы то ни было вообще на всем белом свете и отпустили бедолагу на свободу.

Только для Спивака ощущение свободы, и так-то слишком относительное, теперь, после этаких мытарств прямо в центре города, стало совсем эфемерным.

Все эти мироощущения усугублялись тем, что Вовка являл собой натуру тонкую и ранимую. К примеру, он любил «Гамлета», но только в переводе Пастернака. Лозинский – не годился. В оригинале читал Корнеля и наизусть знал монолог Сида. Он мог декламировать по-французски речь Фигаро на суде из Бомарше так, что даже не требовалось перевода. У него все было понятно по мимике и интонациям... Что уж тут говорить о толерантности или хотя бы о следах конформизма... Еще в восьмом классе, своеобразно и, надо сказать, не вполне осознанно выразив свое отношение к идейному идолу государства, он уже не мог остановиться. Всякий раз, как только предоставлялась такая возможность, он нисколько не стеснялся и выказывал полное свое пренебрежение хоть к преподавателям, хоть к студентам, хоть к стражам порядка, хоть ко всему, что его окружало. Если только оно пахло идеологией или тривиальным хамством.

Неудивительно, что отработав после университета программистом ЭВМ шесть лет в закрытом институте, всегда помня о своей национальности и не видя впереди ни малейших проблесков для карьерного роста,

он уволился. Он понимал, что рискует. Очень рискует. Кто изначально гордо и категорически не принимает порядок, действующий в сообществе развитого социализма, кого удачливая судьба ни на грош не наградила толерантностью, тот очень быстро и безжалостно отторгается сообществом. Подняться потом может далеко не каждый, это Вовка тоже знал. От родителей, еще с детства. Однако уволился.

После увольнения Спивак долго был не у дел, подрабатывал переводами, где придется. Постепенно отсутствие официального места работы подбиралось к опасной черте – к четырем месяцам. Внешне иронизируя над этим неотвратимым фактом, постоянно напоминаям о себе 209-й статьей УК РСФСР, Вовка всегда одинаково оправдывался перед самим собой. Он повторял поговорку, напечатанную на последней странице ленинградской комсомольской газеты «Смена»: «Если тебе вдруг захотелось поработать, ляг, полежи. Это пройдет». А потом еще добавлял всем известную народную мудрость, только сформулированную куцым языком человека из точной науки: «Работа не является волком, в лес бег не осуществляет».

Постепенно его энергия сконцентрировалась в одном направлении. Категорически, осознанно и активно он занялся диссидентством. Распространял самиздат, участвовал в маленьких демонстрациях вблизи американского посольства в Москве в поддержку политических заключенных. Он не интересовался различиями между словами «диссидент», «правозащитник», «инакомыслящий» – в его сознании все три понятия давно и безнадежно перепутались. Уже в начале восьмидесятых он часто переводил для информационного бюллетеня «Хроника текущих событий».

Это называлось – «копил потенциал» для подготовки оснований к предоставлению политического убежища. И еще Спивак ждал положенных по закону пяти лет после завершения работы на режимном

объекте. Его много раз задерживали, потом отпускали, за ним следили, прослушивали телефон... Другим доставалось хуже. Тех увольняли с работы, исключали из вуза, арестовывали, судили... Потом – лагерь или психиатрическая больница. Слава Богу, такая участь его пока миновала...

Любой акт репрессии к Спиваку со стороны властей обычно вызывал протест и негодование его новых друзей, родственников, просто людей, которых данная конкретная несправедливость чем-то особенно задела. В среде диссидентов, с их особенной корпоративной этикой, было принято, узнав, что в чьей-нибудь квартире проводится обыск, немедленно отправляться туда, дабы присутствовать при этом событии. Считалось, что это жест солидарности, примерно такой, какой трое соучастников подумывали устроить в седьмом классе на заседании суда по делу Петьки Филиппова. Нужно сказать, что тогда Спивак верил в подобную солидарность. Теперь – нет. И он особенно-то не разъезжал по проблемным квартирам.

Диссидент – человек, постоянно экспериментирующий со своей судьбой. Это такая особая культура – культура социально яркого поведения, культура поступка. К примеру, диалог между властью и диссидентами явно не имел задачи в чем-то убедить оппонента. Во всяком случае, действия последних были явно направлены на кого-то третьего, вероятно, по большей части на общественное мнение. Разумеется, в первую очередь зарубежное и уже потом – на отечественное. Хотя де-факто оно тогда фактически отсутствовало.

И вот тут у Владимира Спивака всегда возникал вопрос. С одной стороны, ему было понятно, что он такой же, как все окружающие его советские люди, не лучше и не хуже. Пил ту же водку за три шестьдесят две, гонялся по магазинам за дешевыми цыплятами за рубль семьдесят пять, до недавнего времени празд-

новал Новый год с бананами и ананасом, слушал одни и те же речи. Куда от них денешься! Это их диссидентские выступления глушили специальной станцией во Фрунзенском районе, все остальное разве что утюг не вещал. Но, с другой стороны, он все-таки был какой-то не такой. Подписывает разные петиции, после чего у него устраивают обыски, категорически отказывается принимать участие в ленинских субботниках, и вообще его вот-вот посадят. Значит, он другой? И все-таки, Спивак почему-то постоянно чувствовал неловкость за свое диссидентство перед друзьями и близкими. Почему? Никогда он не говорил обо всем этом с одноклассниками. А они, в свою очередь, ничего об этом не знали и даже не догадывались.

В конце восьмидесятого Володька нашел ответ на этот вопрос. Тогда на многое раскрыла ему глаза книга-эссе Амальрика «Просуществует ли СССР до 1984 года?» Все, что он делал, все, чем занимались другие такие же, как он, можно было назвать одним словом – «игра». Поначалу его коробило это слово. Но ведь игра – это не просто детская забава. Любая игра – еще и модель. Что же моделировали диссидентские игры? Политические платформы, которые никогда не соберут больше десятка сторонников, планы преобразований, которые, по мнению самих же авторов, никогда не будут реализованы? Диссиденты вне зависимости от их идейной и политической ориентации играли в гражданское общество. В первую, грубую и несовершенную модель такого общества. Именно такая игра при всей ее странности и необычности оказалась востребована тогдашним хрупким, несформировавшимся общественным сознанием. Амальрик очень подробно и убедительно это разъяснял.

Теперь у Спивака сформулировалась цель, ясно обозначилась идея. Хоть он априорно и отторгал это понятие, тем не менее он не мог не понимать, что идея всегда существовала и существует. Только она бывает

разная. Даже крестоносцев двигала своя идея насаждения христианской религии.

Когда на Радио «Свобода» зазвучала фамилия Вовки Спивака, корреспонденты иностранных газет иногда умудрялись его отыскать, чтобы взять интервью. Их интересовало как всегда нечто потустороннее, генезис самого феномена возникновения личности диссидента.

– Но все же, как случилось, что для вас, человека, не представляющего себе свою жизнь вне математики, оказалось возможным пожертвовать ею ради подписания нескольких политических писем? Уж не ученик ли вы Есенина-Вольпина?»

Вовке льстило, что его знают как математика, и даже связывают с известным ученым и диссидентом.

– Для меня каждый раз вопрос был вполне конкретным, – отвечал Спивак, – подписать или не подписать, попытаться что-то сделать, чтобы восстановить справедливость или не подписывать и остаться в стороне... Знаете, иногда это дело требует известного риска, отказа от некоторых своих обычных ценностей. – Володька говорил эти слова, а сам никак не мог избавиться от одной мысли: «Вот этот сейчас спросит про Петьку Филиппова, вот этот... Нет! Вон тот!». Потом он взял себя в руки и продолжил как ни в чем ни бывало. – Поверьте, порою так противно слушать оппонентов, когда отчетливо различаешь знакомые до тошноты очертания кукиша в кармане. Каждое такое рассуждение обязательно основано на логике самооправдания.

– А сын Есенина?

– Что сын Есенина? Он сейчас в Бостоне... Нет, нет. Я с Александром Сергеевичем незнаком, хоть он и известный математик и тоже оканчивал матмех, правда, в Москве и очень давно. Я хорошо знаю все его последние лекции по математической логике. Но это, должно быть, вам неинтересно.

– Владимир Борисович, вы бывали за границей? Или вас не выпускают?

– Я был в Ужгороде. Этого вполне достаточно. Хотя и у нас, но почти Венгрия. В Москве, сами понимаете, вы не можете, идя по улице, вдруг решить зайти в кафе и выпить чашечку кофе... Такое возможно у нас пока только в одном месте, в кафе «Сайгон», на углу Невского и Владимирского. А так чтобы запросто... Нет! Даже если вы отыщете кафе.... Оно либо будет закрыто на ремонт, либо там очередь, либо кофе нет. А если и есть, то из бачка. Знаете, что это такое?

Корреспонденты глупо заулыбались, не зная, что ответить. Должно быть, они радовались чему-то своему. Возможно, как раз тому кофе, что на каждом углу продают у них на родине. А может, тупые... Заготовили им вопросы и все. Остального как бы и нет.

4.

Здание райкома партии слегка желтело на фоне высоких елей. Свет становился ярче, когда на улице темнело и включались прожекторы, подсвечивающие весь дом снизу. На фасаде, обращенном в сторону проспекта, слева от входных арочных дверей умещалось с десятков памятных досок за победу в социалистическом соревновании.

Первый этаж занимали службы исполкома райсовета народных депутатов. Райком начинался со второго. Туда вела широкая парадная лестница с закрепленным на ее мраморных ступенях длинным ковром ярко-красного цвета – подарком молдавских коммунистов к юбилею Октябрьской революции. При входе на этаж – милицейский пост. Здесь ковер становился уже, но он продолжал источать свой яркий красный цвет по всем коридорам и закоулкам этажа. Он как бы напоминал всем, кто сюда попал: вот это и есть районный комитет

партии. Здесь, мол, определяется счастливое будущее района.

Начальником у Богданова был Соколов Владимир Иванович, высокий, голубоглазый мужчина лет сорока пяти с всегда аккуратно зачесанными назад каштановыми волосами. Непременно в отглаженном костюме, он, в нарушение неписаного порядка, зачастую позволял себе надевать не только белоснежные сорочки. Случались и другие цвета. Правда, всего лишь легкие оттенки различных пастельных тонов. Однако эта его маленькая вольность многим позволяла с большой долей уверенности предполагать, что дальше по партийной линии он не пойдет, а закончит свою карьеру где-нибудь в горисполкоме.

Сегодня шло совещание. Богданов, не отрываясь, с восхищением следил за плавным и завораживающим мельканием ярко-красных запонок Соколова. Он стремился всеми клетками впитывать в себя ферменты аппаратной работы, которые в избытке наполняли воздух кабинета его нового начальника. Соколов давал указания своим инструкторам и почему-то периодически, не всегда, но все же снимал трубку своего прямого телефона. То ли чувствовал, что это важный звонок, то ли просто реагировал на каждый третий. Одновременно он умудрялся подписывать или визировать кучу справок, подготовленных наверх работниками его отдела.

Иногда, вероятно, в зависимости от того, чья первая виза, Владимир Иванович останавливался на мгновение, дабы просмотреть справку по диагонали на предмет какой-нибудь глупости или неправильных цифр. Такое он чувствовал по запаху, порою даже вообще ничего не читая. Ошибки сами, каким-то чудесным образом, будто тайнопись, проявлялись перед его глазами на общем темном фоне зачастую ничего не значащего текста. Никто не знал лучше него основных показателей района, какие из них следует пока-

зывать и в каких случаях. Еще бы! Четыре года в должности!

– Да, вот еще что, – начальник вдруг вспомнил про готовящийся доклад на пленум по техпрогрессу. – Первый все время говорит одно и то же: «Мало партийности, мало партийности...». Старайтесь попроще быть, попроще! Абзацы в докладе нужно начинать со слов: «Районный комитет партии, парткомы и партбюро первичных парторганизаций...». А уж, потом по тексту все, что вы там напридумывали умного. Через секунду, наверное, засомневавшись в том, что его правильно поймут, он добавил: – Ну, не каждый абзац, конечно...

После совещания начался поголовный рутинный обзвон всех предприятий района насчет выполнения плана. Это вообще самое важное. Будет или не будет выполнен план у района? Если нет, то все, буквально все, теряет смысл: поездка первого секретаря райкома в ЦК, сбор остальных «умных» показателей работы предприятий, пленум по какому-то теперь никому не нужному техпрогрессу... Да и не отпишешься перед вышестоящими по целой куче всякого рода их постановлений.

Через месяц все новые коллеги убедились, что Богданов освоился на своем месте. Он уже запросто плавал в суеде текущих дел, в отличие от своего начальника, контролировал в ней не цель, а только то, что реально несет ответственность. Будь то документ, слова или факт простого присутствия. За один-два дня он мог закрыть штук пять разных постановлений. Хоть ЦК, хоть обкома или горкома партии. То есть сбацать пяток записок, обосновывающих тот простой факт, что у них в районе, мол, постановление уже выполнено. И то, и другое, и третье... Все! Нужно так уметь крутить цифрами и совершенно разными по своей значимости фактами, чтобы они уложились в одну гладкую линию, без торчащих углов. Сложишь

все это ровненько – глядишь, целое постановление выполнил! Сложишь еще – еще выполнил!

Вначале Богданов курировал научные организации: вузы, НИИ и КБ. Однако уже тогда его частенько направляли в парткомы крупных объединений на заседания, где решались особо сложные вопросы. Во-первых, он всегда легко справлялся со своей ролью «трясущего мордой». То есть умел делать то невообразимо тупое, но столь же ответственное, что описывается двумя словами с пятью согласными подряд в каждом. Ответственный работник райкома партии, он «безмолвствуя бодрствовал» в президиуме собрания или совещания, осеняя его лишь простым фактом своего присутствия. Причем, проделывал это, не создавая никаких дополнительных проблем в любом коллективе и при любом раскладе отношений внутри него. Кроме того, он мог запросто из граненого стакана за семь копеек пить вместе с членами парткома неразбавленный спирт, политый сверху жидким азотом, и закусывать все это «удовольствие» куском колотого сахара. Пока вязкая, кипящая на воздухе жидкость с температурой минус сто восемьдесят по тоненьким металлическим ложечкам медленно стекала вниз, содержимое стакана постепенно охлаждалось, пространство вокруг него наполнялось белым и густым туманом, а сам стакан покрывался кристалликами инея. Как раз во время этого завораживающего действия Богданов успевал произнести идеологически выдержанный тост точно по теме только что закончившегося заседания.

Прошло два года. Богданова повысили. Новая должность – заместитель заведующего отделом. Раньше ее занимал очень цепкий товарищ, полная противоположность Соколову. Невысокого роста, с глубокими залысинами, с еле слышной походкой, всегда в мягких, не цокающих туфлях. Осознавая крамолу, и потому очень тайно, в отделе меж собой его называли

«Лениным». А сейчас бы сказали: «Настоящий предприниматель, все знает, все контролирует, крепко держит бизнес в руках».

Бизнесмен-то бизнесмен, только тогда денег не прибавлялось. Не вообще, конечно, а в качестве итога бурной аппаратной деятельности. Оклад и премия, и то если весь район хороший. Взятки в партаппарате не существовало на любом уровне. Тогда даже в торговле их не было, только бартер. Непрерывный оборот дефицитных товаров из одних рук в другие.

Однажды Богданову пришлось в этом убедиться. Он решил купить самовар, чтобы подарить Лариске из их класса. Та выходила замуж за какого-то военного переводчика, и они вместе уезжали на Кубу за деньгами. Тогда вообще можно было заработать или там, где очень холодно, в Арктике или в Антарктике. Или, на худой конец, – в загранке. Вот все и побежали кто куда. Нинка Смолина вместе с Лисой – в Сирию. Танька Бадарина со своим детским писателем во Францию. Теперь вот и Лариска спохватилась. Нет, не все, Аленка по-прежнему жила в своей старой квартире. Вместе с сыном жила.

Богданов подумал, подумал и отправился к своему однокласснику. Тот никогда и ничем не выделялся, ничем особенно не интересовался и ни с кем из класса не дружил. Серега даже забыл, как его звали. А вот взял и поступил незаметный ученик как-то необычно по тем меркам. Он пошел не в химию, физику или там математику с литературой и географией. Он поступил в Институт советской торговли имени Ф. Энгельса. Такого и предмета-то в школе не было.

Когда Богданов очутился в подсобке большого магазина, в маленьком кабинетике своего школьного приятеля, он просто ошалел. В углу, прямо на обшарпанном полу, было все: итальянские женские сапоги, мясная вырезка в красивом прозрачном пакете, тульский самовар, чехословацкая хрустальная люстра,

живые, ярко-красные и чайного цвета розы, арбуз, какие-то сирийские покрывала и еще много-много другого из того, чего нет, не было и никогда не будет лежать на полках отечественных магазинов эпохи развитого социализма.

За всем этим богатством вот-вот должны были прийти. У хозяина секции электротоваров в многочисленных карманах его замшевой импортной куртки лежали мятые маленькие бумажки с фамилиями: «От кого – кому». В тех же карманах неряшливо скомканные деньги. Пока Богданов трепался со своим однокашником, к тому нескончаемым потоком входили знакомые и совсем ему незнакомые люди. Однако школьный приятель пил свой коньяк со всеми. Пил без разбору и без закуски.

Поздно ночью они расстались, неугомонный торговец «счастьем» еле передвигаясь, возвращался домой. Туда, наверное, опять звонили, а он снова писал бумажки... И так до бесконечности.

Единственное, что тогда мучило Богданова, так это вопрос: «Что в этой вакханалии мог сделать инструктор райкома, курирующий торговые организации?» Одному Богу известно. Впрочем, и на совещаниях в райкоме он редко одаривал коллег своим присутствием. От него больше ждали другого: чтобы хоть раз в неделю в буфете могли продать дешевую курицу, полкило сосисок и ветку бананов. А к празднику еще и баночку красной икры с палкой сервелата.

5.

Что в действительности происходило вокруг, а не то, что показывали по ящику и воспринимали как должное почти все остальные одноклассники, Володька Спивак узнал довольно рано. Не в школе. И не тогда, когда его исключили из комсомола. Это произошло в

институте. Когда Вовка уже довольно ясно заявил о себе как о способном математике. Именно тогда отец решил все доходчиво объяснить своему сыну. Отцу стало понятно, что тот готов слушать.

Он много рассказывал про репрессированного и расстрелянного Вовкиного деда, про то, как он сам один, без родителей, вырвался и пешком пришел в Ленинград черт знает откуда. Он говорил про свою работу. Вернее, про то, как начальство его зажимало, присваивало себе его изобретения, не издавало его статьи и монографии по математике. Не по философии или истории – по математике!

Так что никаких иллюзий по поводу того, где он жил, у Володьки не было уже тогда. Более того, вся его короткая жизнь и злосчастные приключения в школьные и студенческие годы лишь обостряли формирующийся прагматизм и порой забавные юношеские нетерпимость и нигилизм.

Очень понятные слова отца потом висели над ним всю жизнь, словно какой-то огромный абажур с постоянно включенной стоваттной лампочкой. «Мы так привыкли к массовой лжи, – говорил старший Спивак, – что считаем ее не только вполне дозволенной, но и совершенно естественной и даже необходимой, якобы для поддержания общественного порядка. Мы не считаем позором и предательством не выступить в защиту несправедливо обвиненного товарища. Порой совесть требует от нас сущего пустяка, но мы отказываем ей и в этом. – Отец сделал паузу и потом процедил сквозь зубы, – получается, что мы трусливы и беспринципны. Да, гораздо больше живых, с «ампутированной личностью».

– Наверное, нужно ждать. – Вовка продолжал рассуждения отца, как бы сверяя свою логику с его. – Возможно, в конце концов и вытащат из дерьма...

– А возможно, что и не вытащат. Слишком много отговорок, помогающих успокоить свою совесть.

Один заканчивает диссертацию, другой не хочет подвести начальника, третий боится сорвать заграничную командировку. Молодой считает, что он слишком молод, старый, что слишком стар.

Слушая эти рассуждения, Вовка мысленно отвлекся и вспомнил, как в седьмом классе он тоже имел свою логику поведения, свою отговорку. Он ведь тогда в конце концов после мучительных рефлексий решил для себя, что Петька Филиппов должен один тянуть лямку. Раз такой дурак и попался! Нужно было спортом заниматься, а не на скрипке играть.

Спивак женился еще в университете. Нет, не на однокласснице, с которой всегда ездил на лекции по математике, а на ее подруге Ольге из параллельного класса. Так же, как и Вовка, она с восьмого класса перевелась из французской школы. Только ее приняли в 45-й интернат при университете, а Спивак просто пошел в школу рядом с домом в Сосновой Поляне. Она тоже закончила матмех и, как все математички, была строгая и целеустремленная. Но главное – она во всем поддерживала устремления мужа. У нее тоже репрессировали деда, а родители не очень-то насаждали в ней патриотизм и любовь к Родине. При этом они часто путали понятия: государство, его авторитарная власть и страна с ее народом. Ольга это понимала, но всякий раз повторяла: «А чего разделять! Будешь различать – пропадет взрывная убежденность, вообще забьешься в уголок и затихнешь в своих сомнениях, рефлексиях и умозаключениях. А одной математики не хватит для полноценной жизни».

Молодым, образованным и нетерпимым хотелось жить там, где нормальный климат, где горы и море, где не болит каждый день башка от отсутствия денег, перепада давления или от давки в метро. Уж так отталкивали они от себя идеологию, насаждаемую огромными стеклянными буквами на домах! До тошноты доводил их старческий маразм закоренелой власти.

Они не могли ей верить хотя бы потому, что она не уважала свой столь образованный народ. «Не нужно пытаться ему втюхивать вырванные из контекста и потому дебильные умозаключения типа: „Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!“ В мире так много ученых, и каждый третий живет именно в СССР. Они все сдавали экзамены по марксистско-ленинской философии и, наверное, знают, что как нет абсолютно неразстворимых веществ, так нет и абсолютных истин. Хотя в гуманитарных науках – хоть в естественных...»

Бывая среди своих, в комфортной атмосфере, за обеденным столом или потом, за чашкой кофе за интересной беседой о будущем страны, Спивак часто повторял один и тот же анекдот. Когда к месту, а когда и нет. Так он ему нравился. Это про червяков в навозе и в апельсине. «Есть такое слово – Родина, сынок!», – отвечал червяк-отец на вопрос сына, почему мол, они не в апельсине, как другие. Ольга при этом всегда начинала сбивать мужа на другие темы или вообще уводить вон из-за стола. К концу семидесятых у Вовки с Ольгой было уже двое детей – две девочки. Родители убрали из дома все книги Маяковского. О советском паспорте, о партии, руке миллионпалой, сжатой в один громающий кулак, о работе адовой, которая делается уже... Все! От греха подальше.

В 1981-м после двухнедельного предварительного заключения в Крестах Спивак был приговорен судом по 209-й статье УК РСФСР к полутора годам за тунеядство, а еще через два месяца, вдогонку, – к трем годам колонии строго режима по статье 190, часть 1-я – «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Отбывать наказание его отправили сначала рядом с Ленинградом, а потом, после второго приговора, под Пермь.

Вовкины родители и младшая сестра уже год как правдами и неправдами покинули страну и переселились в Израиль. А ему приходилось ждать еще два года из тех пяти, что положено было ждать после увольнения из режимного института. Вот и дождался...

Глава 3

1.

Колония строгого режима УТ № 389/35 находилась в таежной пустыне Уральских гор, в ста шестидесяти километрах от Перми около станции Всесвятская железнодорожной ветки Пермь – Нижний Тагил. Лагерь занимал небольшую территорию, примерно пятьсот на пятьсот метров, посреди леса, огороженную несколькими рядами колючей проволоки, подключенной к системе сигнализации.

Над зоной возвышалась будка, где обычно сидел дежурный офицер. Заключение в таких зонах всегда немного. Десятков семь-восемь. В то время как в «Десятке» – колонии для уголовников, расположенной в нескольких сотнях метрах, было около трех тысяч зэков.

Из лагеря под Ленинградом Спивака перевели под Пермь, но почему-то в «Десятку», а не в «Пермь-35», как полагалось по второму приговору. Видимо, местная администрация решила, что его просто переводят по 209-й в другой лагерь. А в спецчасть зоны его документы по 190, часть 1-я еще не поступили. Там никто даже и не подозревал, что какой-то шмоль, он же сука и падла в натуре – Спивак – любит «Гамлета» и балдеет от воровского жаргона баллад Франсуа Вийона, главного бандита и последнего из поэтов французского средневековья.

Что ж, так бывает. Не кричать же ему самому об этом.

Весь новый этап, в котором был Владимир, сразу направили в карантин. Официально там происходит адаптация зеков к лагерным условиям. Он это уже прекрасно знал по прошлому лагерю, где пробыл всего два месяца. За двенадцать – семнадцать дней новичков стригут, моют, выдают робу, берут анализы, подвергают психологическим тестам, знакомят с особенностями зоны. Но это все происходило только на бумаге.

Что-то неладное Вовка заподозрил еще тогда, когда один из конвоиров сказал, что они неудачно попали и что им теперь кранты. «Что значит – неудачно?» – подумал Вовка. Но не станешь ведь спрашивать конвоира.

Ждать подтверждения этих слов долго не пришлось. Не успел он еще войти на территорию лагеря, как на него посыпался град ударов. Дальше бегом, бегом с помощью пинков и дубинок их сопроводили до помещения, которое и было карантинном. Он чувствовал страх, исходивший от его товарищей по несчастью, да и от себя тоже. Двоих сразу куда-то увели по лестнице вверх. У стены, с раздвинутыми руками и ногами, остались четверо. За ними ходил сотрудник администрации с палкой и бил по ногам, раздвигая их как можно шире. Прозвучал вопрос: «Есть ли красные?» Двое сказали «да». Их увели в какой-то кабинет. Остались двое. Вовка и еще один. Пока везли, он второго не замечал. Откуда взялся? Щуплый такой, вроде киргиз. Напряжение все увеличивалось и увеличивалось. Прозвучал другой вопрос: «Обиженные есть?». И этот тоже ушел в кабинет, а после поднялся вверх. Спивак остался один и понял, что ему действительно кранты. Кто-то спросил или сказал: «А ты, стало быть, борзой». На тот момент он и сам не знал, кто он, поэтому счел за благо промолчать. Его с помощью дубинок сопроводили в тот же кабинет, что до этого и остальных. Настоящий животный страх он

испытал, когда пробежался по коридору из сотрудников. Со всех сторон его лупили дубинками, руками и ногами. Где-то посередине он получил очень сильный удар по ноге, не выдержал и упал. Удары не прекращались, прозвучал взбешенный голос: «Вставай, мразь». Еле поднявшись, Спивак побежал вполуприсядку дальше.

Из комнаты, куда его вдавливали, раздавались истошные вопли. Уже подбегая, он боковым зрением заметил у входа чье-то тело, валявшееся в крови. В самой комнате, размерами три метра на три, с обшарпанными кирпичными стенами, на корточках лицом к стене впритирку сидел весь новый этап.

Сотрудники брали каждого за шкуру и подводили к столу, застеленному красной скатертью. На ней в ряд лежали заявления. Каждый расписывался и его уводили дальше. Третьего человека до Вовки начали забивать прямо в этой же комнате в углу. Спивак видел, что не просто били, а втапывали в пол. Тот, которого забивали, отказался подписать заявление. После длительных «согласительных процедур» этого бедолагу куда-то унесли. И вот настала очередь Спивака.

Вовка грешным делом подумал сразу расписаться, да и дело с концом. Но он знал, что заявление – это крест на его диссидентской карьере. Когда его подвели к столу, он гордо смял три листка, лежавшие перед ним, и бросил на пол. Спивак тут же рухнул вслед за ними. Удары по голове были такой силы, что, казалось, били молотком. Вовка потерял сознание.

Очнулся он в каком-то бетонном склепе, с единственной лампочкой на потолке за решеткой, весь в воде. Увидев, что у непослушного зашевелились глаза, сотрудники карантина спокойно вошли в каменный колодец и снова принялись его методически избивать. Это их спокойствие еще больше усугубляло положение Спивака. Потому что это было не буйство

чувств, а обыкновенная работа. Ну, как покраска стен с перерывом на обед.

Самое неприятное ощущение «ампутации личности», о котором ему говорил отец. Точно проволокли тебя мордой по щебенке и совсем не осталось никаких твоих характерных черт или примет. Особенно заметно это при длительном пребывании в одиночке. На прогулку не ходят, кормят через день, лампочка где-то в нише, у самого потолка, еле-еле потолок освещает. Теплой одежды не полагается. В углу параша – просто дырка в полу, из которой всегда прет вонь. Дверь почему-то ярко-синего цвета.

Первые двое суток для Вовки еще существовали и ночь, и день. Днем он ходил взад-вперед, а ночью старался заснуть. Но однообразие, холод и голод брали свое. К этому добавлялись сильные боли там, куда особенно били. Мышцы в местах ушибов скукожились и не распрямлялись. Такие шишки, с яйцо величиной, на плечах, на спине. Если не двигаться, вокруг них накапливалась жидкость. Все это сразу увеличивалось в размерах и давило на нервные окончания. Получалось, что нужно интенсивно двигать руками и ногами, чтобы жидкость рассосалась, а мышечный ком уменьшился хоть чуточку... В результате меньше болело и меньше ощущался холод. Теперь можно было дремать минут пятнадцать-двадцать. Затем опять вскакивал от боли и минут сорок бегал и размахивал руками. Больно! Потом опять дремал минут пятнадцать прямо на полу, спиной упершись в стену... Постепенно чувство реальности утрачивалось. Тело деревенело. Спивак превращался в какой-то неодушевленный предмет, производящий тупую, тянущую, острую, подергивающую, вообще любую боль во всем теле сразу.

Вовку держали в цементном колодце сначала пять дней, потом еще неделю. Потом еще... Он впадал в забытие, вскакивал, бегал, снова уходил куда-то... Ему трудно было понять, чье тело лежит прямо перед его

глазами на бетонном полу. Оно ему не повиновалось. Его мысли ему тоже не принадлежали: они приходили и уходили сами собой. Когда били, становилось лучше. Острая боль, вонзающаяся в тело от удара сапогом – счастье. Во-первых, известно, что она такой не останется, она наверняка постепенно пройдет. Во-вторых, она свидетель того простого факта, что ты еще живой. А еще это значит ни много ни мало: ты еще ничего не подписал.

Постепенно пятна грязи на серых бугристых стенах колодца, которые он созерцал уже много дней, начинали сливаться. Потом, как в мультфильме про волшебного художника, из них стали возникать какие-то лица, предметы. Они разговаривали друг с другом, хвастались своими длиннополыми шляпами или острыми клиньями бороды, брали с пола огромные ведра, полные черного винограда... Вон тот, с шевелюрой и длинным носом, как у Сирано де Бержерака, поднял его на плечо и понес куда-то... Спивак тихо, почти шепотом крикнул ему вслед: «Оставь немного. Оставь...»! Но тот только взмахнул своей шпагой, посмеялся и... остался стоять на месте. «Нет! Это же Богданов в мушкетерском плаще и в шляпе... Как я сразу не догадался... У него такой нос... Ну, не такой... Но похож... А там в углу, лежит, будто катком расплюсцен... Тоже в плаще... Вон развевается на ветру... А профиль-то, профиль... Вылитый Юрка! Арамис.»

– Вы чего здесь? – непроизвольно произнес Спивак... Никто не отвечал. Он повторил громче: – Вы чего здесь? Потом помолчал немного и будто сам себе сказал: – А Портоса, как не было, так и нет...

Вовка еще долго их разглядывал, расспрашивал... Он не мог зацепиться за что-то одно. То он говорил с ними как Атос, то как Вовка Спивак. То спрашивал про одноклассников, то про королеву... То про Аленьку Ливанову, то про революцию на Кубе... Они вроде бы ему отвечали. Он даже спорил с ними...

– А где же все-таки Портос? – опять мелькнуло в голове у Спивака. Всю стену обнюхал и прощупал руками. И так поглядит на нее и этак... Ничего! Он уже было совсем разочаровался в безнадежных поисках, как прямо перед собой заметил новое лицо – с длинными волосами, без шляпы, без плаща и очень маленькое. Совсем не похожее на здоровяка мушкетера. Тем не менее что-то особенное в этом лице, и даже знакомое, приковывало Вовкино внимание. Он пытался задавать ему вопросы... Бесполезно. Только вся стена насупилась и жутко молчала. Потом она вдруг вся сразу пошла не него... Спивак закричал... Но крика не было. Голос его уже давно сел, а Вовка этого не знал. Он снова и снова звал на помощь...

– Этот маленький... Это... Филя? Петька Филиппов, – сверкнуло в глазах у Спивака, будто он прямо перед собой соединил два разных электрических провода. Он не думал про то, что это совсем не Портос и что этот маленький до сих пор молчал и совсем не разговаривал с остальными обитателями стены. Вовка вдруг почувствовал, что это расплата... Она пришла как раз вовремя...

– Один за всех, – медленно и с надрывом прошептала тень Петьки Филиппова. Богданов молчал, а Лисочкин как лежал, так и остался лежать, только вдруг тихо вымолвил: «Я не толкал Васильича, я не толкал. Он сам...» А Спивак, лежа в грязной луже, весь мокрый и скрюченный от нестерпимой и непрекращающейся боли, ошалелыми глазами впился в изображение Фильки над парашей. Он отчетливо видел, как шевелятся губы говорящего Филиппова, как тот медленно поднял на него глаза, как в них мелькнули его хулиганские искорки...

Это тусклый свет от лампы проскользнул по каплям влаги, сконденсировавшимся на стене и еще не успевшим упасть обратно в огромную грязную лужу на цементном полу одиночки.

Вовка внутренне сломался. Во время очередной передышки ему просунули бумагу, и он подписал.

Несмотря на полученную подпись, в лагерь его все равно не выпускали. Еще неделю ему пришлось провести в одних трусах в камере, где воды было по щиколотку. Потом предоставили сухую хату, но одежды все равно не давали. Только на третью неделю выдали ему замызганную робу. Так вышибали остатки человеческого духа.

«В чем отличие?» – спрашивал себя Спивак. Подпиши он сразу эту проклятую бумагу, не пришлось бы испытать ад бетонного колодца. Зато не прошел бы через ад! Теперь он знал, что это такое. Он мог ориентироваться: где ад, а где так, пустяки, издержки профессии.

Подводники в начале похода всегда опускаются под воду и выполняют команду «Осмотреться в отсеках!» Видимо, узнать свой предел – универсальное средство для желающих выжить. Заполнив все клеточки незамысловатых «психологических тестов» карантина, Спивак наконец-то вошел в лагерь.

2.

Этот день для Богданова не задался с самого начала. Рано утром его разбудил телефон. Звонила Аленка. Он не видел ее уже лет десять. Она говорила из Владивостока, и было плохо слышно. Он успел только понять, что его соседка по парте вышла замуж. И все... Их разъединили. После этого сумбурного, неожиданного звонка мысли сбивались в кучу и снова разбегались в суматохе. «Зачем она звонила?» – думал Серега. «Я понял бы наших медалисток. Те просто не могут не состязаться. Такой уж заряд заложен еще в детстве. А я-то здесь причем? Ну, дружили, ну, нравились мне ее ресницы. И сейчас, наверное, тоже...

Владивосток-то тут причем?..» Впрочем, что-то произошло, а что, он никак не мог себе уяснить. Это давило на Богданова и мешало. Поганое состояние усугублялось уже успевшим закрепиться чувством раздражения и недовольства собой, которое возникло сразу после тупого обзвона всех предприятий района.

В десять весь аппарат вызвали в зал для заседаний бюро райкома. Второй секретарь без всяких вводных, словно обычную разнарядку для инструкторов, начал объявлять адреса для посещений.

– Каких еще посещений? Мало пишем что ли? У каждого штук по двадцать. И все со сроками и все с выездом, – тихо прошептал Соколов, но достаточно громко, чтобы его слышали свои. Он явно переживал за доклад на пленуме и просто не мог себе представить, как это все его инструкторы и даже заместитель возьмут и уйдут куда-то на целый день.

Итак, они два раза в неделю приходили только к двенадцати. Каждый имел поручение контролировать ход строительства своих двух девятиэтажных домов, что возводили в новом микрорайоне. Осенью все целыми днями напролет ходили в резиновых сапогах по колено в грязи, подогнув брюки и таща с собой на шнурках через плечо чистенькие ботинки. Следили, как «итээры» районных предприятий убирают грядки с морковкой в подшефных совхозах. Весной – как скалывают лед на тротуарах и проезжей части, где вот-вот должен был проехать первый секретарь обкома.

Второй монотонным голосом продолжал формулировать задачу. Он скрупулезно вычеркивал из текста таблицы только что озвученное. Кому конкретно нужно будет идти, по какому адресу, чтобы донести информацию населению.

Оказалось, нужно посетить пятнадцать квартир в их районе и проинформировать жильцов о гибели родственников. Самолет, видите ли, ночью разбился под Ленинградом. В самом деле, не по телевизору же

об этом говорить. Тогда это событие. А так – ребята сбегают, «потрясут мордой», глядишь, погасят...

Всегда одно и то же. Если что-то не поддающееся систематизации, что-то внезапное, не запланированное или с неба свалившееся, – значит райком крайний. А как же? Значит, не все учли! Аппарат – ноги в руки и вперед.

По первому адресу, выданному Богданову для посещений, никого не было дома. Медленно, боясь спугнуть «пруху», он направился к другому. Позвонил. Открыл низенький мужчина средних лет. Часов двенадцать, а тот явно навеселе. В комнате слышны голоса. Человек пять сидели за столом и пили. Какое-то торжество: на столе бутылок больше, чем посуды.

Сергей отозвал мужчину, открывшего дверь, в кухню. Там еще две женщины вертели у плиты. Из комнаты послышались голоса: «Куда ушел? Иди сюда. Кто там приехал? Молодой папаша, наверное. Наконец-то». Но мужик видел, что это совсем не «папаша».

– Чего тебе, парень? Кого надо?

– Да я из райкома...

– И что? С нами с утра выпить пришел?

– Да подождите вы. Меня к вам послали...

– Так выборы уже были... Ты чего!

– Петр Васильевич Ложкин тут живет? То есть я хочу сказать: он погиб сегодня, вот.

– Мужик резко замолчал. В его голове начали постепенно совмещаться два необычных события в один день. Торжество и приход вот этого...

– Что значит?... Ты чего? Где Петя?

– Самолет разбился сегодня рано утром на подлете к Ленинграду, – и, как бы подтверждая это, Богданов открыл свое райкомовское удостоверение и сунул его мужику в лицо. – Я же говорю, я из райкома...

Сергей вдруг подумал: Получается будто, если райком, то должны поверить в смерть близкого человека,

а если, к примеру, исполком совета народных депутатов – то ни в жисть! Пожалуй, тут сработает любое удостоверение. Так приучены.

– Пстой! Ты чего? Да кто ты такой, что бы нам говорить такое? – не унимался родственник. – Катя! Лена! Идите сюда. Да скорее же. От кухонной плиты подошли две молодые женщины. Богданову пришлось снова все повторить. Только теперь на него, не мигая, смотрели три пары вытаращенных глаз.

– Вот номер телефона. Вы можете туда позвонить. Вам все скажут, – пробубнил Сергей, – мне нужно идти, извините.

Инструктору показалось, что в глазах слушающих его людей испарилось прежнее веселье, затем слетела и дымка недоумения. Вместо них появился страх, неверие и агрессивность. Мужик, открывший ему дверь, обошел Сергея и закрыл собой входную дверь.

– Нет, ты пстой. Я не понял... И что дальше? Ты давай говори: что, почему, куда идти? Вон им говори, – мужик показал на сидящих за столом. Там, наверное, были родители и молодая жена. – А то сует мне ксиву свою... Ишь, в галстук! Пришел, насрал и бежать!.. – Мужик стал животом заталкивать Богданова в комнату, потом выхватил у него из руки удостоверение и бросил на кровать. – Нет, ты посмотри, Клава, чего вытворяют! Посмотри, посмотри! – кричал мужик и все время показывал головой на валявшиеся на подушке райкомовские «корочки». – Ходят по домам и жизнь поганят.

– Помолчи ты, – тихо и с угрозой в голосе произнес пожилой мужчина, видимо, отец того, что разбил. – Клава, утоми этого. – Он поднялся из-за стола, подошел к кровати, взял удостоверение и, не рассматривая его, направился в сторону Богданова. Потом остановился напротив и долго смотрел на Сергея в упор, тоже не мигая. Только глаза у старика становились все уже и уже, а нижняя губа, подрагивая, медленно на-

езжала на верхнюю. Изредка он резко поворачивал голову в ту сторону, где пожилая женщина, должно быть, его жена, бесполезно сутилась, пытаясь встать из-за стола, и уронила на пол пару бутылок. Рядом с ней стояла Клава. Она редела и орала одновременно.

– Дядя Вася... Дядя Вася! Не слушай этого... Не слушай! Вот сволочи! – она снова заревела и начала размахивать кулаками, будто сражаясь с нечистой силой. – Тетя Клава... Ты-то хоть не слушай. Вот поганцы... – Она даже не смотрела в сторону Богданова, хотя и продолжала махать руками.

Левой рукой старик держал лацкан своего пиджака с разноцветными колодками орденов и медалей, а правая, опущенная вниз, держала «ксиву».

Сейчас ударит. Прямо удостоверением врежет. Да уж лучше пусть бьет, чем смотреть как на... – Богданов не успел придумать, на кого он сейчас похож, и инстинктивно сжался.

– Иди, парень, – резко произнес старик. Он махнул рукой в сторону дверей. – Ты, наверное, даже не понимаешь, что ты сейчас наделал. Так вот просто пришел и... – Старик затряс головой и еще сильнее замахал рукой. – Иди, иди отсюда. Не знаю, кто ты такой и не хочу знать. Но то, что ты делаешь сейчас... Я даже не пойму, как это называется. Так не делают... Это не по людски!

Сергей повернулся к дверям. Что-то говорить было бессмысленно. «А, черт!», – вспомнил он про свое удостоверение. В это время мужик, открывший ему двери, вдруг оказался совсем рядом и ногами вытолкнул Богданова из квартиры.

– Вали отсюда, говно в галстук. И без тебя, охладомна, все узнаем. Правда, батя? По ящику скажут. Как положено. Может, все и не так вовсе. Ишь, засранцы всякие ходят... Верьте им, люди!

Сергей сбежал по лестнице с четвертого этажа за несколько секунд, а потом долго стоял внизу. Его колотило. Это было что-то похожее на роль палача.

В первые мгновения на тебя смотрят именно так. Ну как же? Был человек, а ты приходишь и объявляешь, что его нет. Вроде как ты и виновен в этом. Как почтальон во время войны, когда он приносил похоронку. У того хоть похоронка имелась, а тут... одни слова. Тогда у всех было одно большое горе, и многие видели, как другому приносят страшную весть. Но почему райком? Почему не депутаты, например. Их все-таки выбирали и вообще-то должны знать... Понятно, если бы из Афгана. Тут уж военкомовские ходят. Они брали – они и возвращают. А здесь... Получается, вроде как, если партийные работники ходят по домам и разносят, то значит партия и виновата... Удостоверение то как? Надо вернуться... Затаскают ведь!

На четвертом этаже открылась форточка, и через мгновение на снег прямо перед Сергеем, упали его «корочки».

В последнем адресе была пожилая женщина, мать того, кто погиб. Как только Богданов появился в дверях, комкая в руках свою ушанку, и еще не успел ничего сказать и показать, женщина застыла на месте и через несколько мгновений тихо заплакала.

– Я знала, я чувствовала, всю ночь не спала. Ведь что-то случилось? Да? Что-то с Игорьком? Где он? Что-нибудь с самолетом?

Сергей молчал, опустив голову, и думал: вот уж глупо говорить, что ты из райкома. Какая ей разница. Просто неожиданность его прихода совпала с тем, что матери погибшего привиделось еще ночью. Ей не нужно было большего. Женщина стояла в дверях и громко плакала. Открылась соседняя дверь, и какой-то мужчина средних лет с длинными рыжими волосами осторожно высунул свою голову, осмотрел вокруг, остановил глаза на плачущей женщине, потом на Богданове и тихо закрыл дверь.

Сейчас милицию вызовет, – подумал Сергей, а у него никакого документа нет о катастрофе. Скажут,

ходит, пугает людей... Милиция вообще любила задерживать всяких с удостоверениями. Особенно, когда ими начинали размахивать.

Женщина вдруг быстро повернулась и пошла в комнату, взяла черный вязаный платок и повесила зеркало, что висело на стене в прихожей. Прошлась, посмотрела вокруг безразличным взглядом: на самодельный приемник на подоконнике, фотографию сына с невесткой на комод... Вернулась и сняла платок с зеркала. Потом опустилась на стул и, ничего не говоря, взяла со стола еще горячий чайник, наполнила кипятком две чашки, подвинула ближе к центру стола стеклянную корзиночку с тремя конфетами «Мишка на севере» и тихо произнесла: «Посидите со мной».

Сергей снял шапку, присел на краешек стула и принялся, обжигаясь, пить кипяток. Он не осмеливался поднять глаза и даже подумать о том, что это не чай. Так молча и сидели, наверное, с полчаса. Милиция не появилась.

– А вы точно знаете, что с Игорьком? Вы сами видели? Может, и ничего пока? – Быстрым, срывающимся голосом заговорила женщина. Ответов она не ждала, только всхлипывала и время от времени подносила к влажным глазам белый платок...

Женщина рассказала, как еще в конце тридцатых забрали ее мужа, простого инженера, как она одна выжила в блокаду, как потом, уже в пятидесятых взяла на воспитание мальчика из детдома...

– Ведь никто больше ничего не скажет, правда?

Сергей закрыл глаза и покачал головой.

После таких походов Богданову совсем не хотелось думать ни о каком развитии предприятий, совершенствовании форм и методов партийной работы или о выполнении решений очередного пленума ЦК. К вечеру все, кого посылали, вернулись в райком. Об эмоциях их или тех, к кому их посылали, никто не спрашивал. Докладов о выполнении поручения тоже не

требовалось. Слышали только, что инструкторшу орготдела прямо из адреса забрали в Свердловку с сердцем, родственники погибшего – ничего, а она вот так. Еще одного инструктора из их отдела чуть не забрали в милицию, но тот сам справился...

Рабочий день продолжался.

Уже больше получаса в коридоре райкома сидела пожилая женщина с гладко зачесанными седыми волосами, в тонких очках и с маленьким портфельчиком на коленях – профессор, доктор наук, член партии. Она ждала ответственного за ее выступление на пленуме. Богданов – кандидат географических наук, ему и карты в руки, он отвечал за выступления ученых и вообще всякой интеллигенции.

Впопыхах открывая дверь, здороваясь и извиняясь за опоздание, Сергей предложил женщине войти в кабинет и присесть. Он взял в руки текст ее выступления. Вобщем-то, для нее это было дело привычное. Всегда лучше, если посмотрит кто-нибудь из райкома, а то потом хлопот не оберешься.

– Я тут вначале сказала про Брежнева, назвала все его должности, – начала было профессор.

– Да, да. Конечно, спасибо, – промямлил Богданов, понимая всю убогость этого «спасибо». Но увидев, что Брежнев упоминается только один раз, он напрягся. Требовалось два. В начале и в конце выступления. Правда, называть все регалии нужно только один раз. И все-таки...

Сергей знал, как наиболее искусные мастера в горкоме умудрялись в пятиминутном выступлении своих подопечных ввернуть слова про Брежнева аж три раза. Причем так, что этого почти никто не замечал. Настолько хорош был текст. Не просто: «Как сказал Генеральный секретарь, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Леонид Ильич Брежнев», и далее по тексту то, что он сказал, а изощренно, с изяществом. Сначала то, что требуется озвучить по

существо, а уж после: «Так учит партия и к этому нас призывает ее генеральный секретарь...» Получалось ненавязчиво. Вроде бы это и не его слова. Все остальное чаще всего никому и не интересно.

Однако это прокол, – подумал Сергей, вспомнив про Брежнева, – потом не отмажешься.

Замзав сидел за своим столом и смотрел на известного ученого. Она что-то говорила про науку, про свой институт, про выступление... Он ее практически не слышал. Его сознание было переполнено сегодняшним походом по квартирам и всякой белибердой про аппаратные идеологические ухищрения. Да еще Аленка... Чего она звонила-то? Все резервы психики для борьбы с отрицательными эмоциями истрачены. Чувства начинали вываливаться наружу: еще немного, и он не будет успевать гасить их проявления выдержкой.

Рассказывать пожилой женщине правила поведения на пленуме, все эти уловки и ужимки «орговиков» и «идеологов» – просто абсурдно, да и стыдно. Тем более, что она так похожа на ту, с которой он совсем недавно, полчаса назад, молча сидел и пил «чай».

3.

Уголовный уклад в лагере выглядел формализованным, жестким и живучим. Он хоть и являлся неотъемлемой составной частью новой культурной общности под названием «советский народ», но все-таки отличался от того, что обычно понимали под этим словосочетанием.

Главными после администрации здесь были «воры», то есть любые уголовники крупного пошиба, не только совершившие кражу, но и бандиты, грабители и убийцы. Они не работали. Они – блюстители «воровского закона». Потом шли «мужики», случайные

преступники, работающие и за себя, и за «воров». В самом низу – «чушки» или обиженные, сословие рабов, изгоев и отверженных. Сюда попадали люди малодушные или опустившиеся, дебилы или, наоборот, чересчур интеллигентные: сюда же относили многих попавших в лагерь по сексуальным статьям и, что самое важное, здесь можно было запросто очутиться за любые серьезные нарушения воровской морали. «Чушков» можно и должно подвергать всяческим унижениям, издевательствам и побоям. В качестве рабов они должны обслуживать «воров», исполняя любые их прихоти. «Чушок» – покорный и незаметный как дух, как тень, всегда в синяках, бледный, с ужасом в глазах. Их становилось все больше и больше. Они выделялись самой лагерной средой. Правда, внутри своей группы они мгновенно имитировали ту же самую систему лагерной иерархии. Из их среды выделялись те же три касты: свои «воры», свои «мужики» и свои «чушки»...

Все три категории зеков отличались друг от друга не только поведением или правами. Они все по-разному одевались. Не дай Бог перепутать, и, к примеру, «мужику» вместо синей робы напялить на себя одежду черного цвета да еще обувь с каблуками. Это поползновение на неотъемлемое и исключительное право «воров». Мало не покажется. Здесь строго. Вмиг перед тобой окажется свой «милиционер» и как и тогда на Невском начнет подбрасывать коробок спичек и придумывать, что бы с тобой такое сотворить. Хотя все наказания здесь тщательно продуманы заранее. Самое простое и незамысловатое – наказание статусом. Мгновенно и переоденут, и переобуют, и «перекрасят». Только теперь уж во всякую рвань серого цвета. «Чушкой» будешь! Это наказание будет и экономическое, и политическое, и какое хочешь.

Вобщем-то, в грубом приближении осужденные пытались создать то, что они утратили. Здесь постепен-

но вырисовывалась некая модель общества, из которого они изъяты. Конечно, это сообщество велосипеда не изобрело и не оно выдумало модель, по которой строило свои законы. Оно лишь скопировало те отношения, которые почитают или не почитают, но исповедуют в свободной жизни. Правда, в более жесткой форме.

В первом его лагере под Ленинградом Спиваку здорово повезло. Прознав про него, что он вроде как умный, его сразу взяли в библиотеку. Там не били. Там он позволял себе предаваться размышлениям. Почему власть в лагерной зоне принадлежала «ворам»? – Ответ был очевиден и, главное, приятен Спиваку во всех отношениях. Потому что они сплочены и связаны жесткой дисциплиной, воровским законом. Дальнейший вывод напрашивался сам собой: в этом отношении они подражали правящей партии с ее иерархической структурой, ее дисциплиной и уставом, с вытекающими из членства правами и обязанностями. Ну, правильно. По его логике, малолетки, будущие воры в законе, своего рода комсомол, кузница кадров. «Мужики» должны добросовестно трудиться. Они облагались подоходным налогом, выплатив который могли жить спокойно, с уверенностью, что их никто не обидит, а если такое случится, можно обратиться к «ворам» как к власти за помощью...

Надо сказать, что у «воров» – своя несложная идеология. Если «вор» отнял у «мужика» шмотки или передачу, то это правильно. Так и должно быть, но если он прихватил еще и пайку хлеба, то именно за этот поступок может быть запросто переведен в «чушки». Самый способ своего существования здесь оправдывали просто: «все воруют». Все общество, по общему убеждению, строится только на воровстве и на блате. Так что и здесь Спивак вроде как был прав. За помощью, случись что, нужно ползти к ним. К «ворам».

Спиваку представилось почему-то, как девчонки в классе ревели, получив четверку. И еще больше пере-

живали в первом классе, когда получали тетрадки после проверки учителем. Любые. Хотя по арифметике, хоть по письму. Если к обложке не была прикреплена красная звездочка из фольги – все! Конец света. Он вспоминал с горечью и жалостью. Не к себе, из-за того, в синяках и кровоподтеках, а к ним.

Что тебе до них, Вова? Встревал внутренний голос. Не здесь же они будут жить, а там... Они давно уже все тую-тую. Кто на Кубе, кто во Франции, кто в Сирии... Даже совсем незаметная в классе Маринка, и та вышла за англичанина... Вот ведь что выделяет знание языка. Хорошо еще, что таких школ мало. И правы были родители, боявшиеся отпускать туда своих отпрысков в первый класс: «Уедут на чужбину, уедут...». Так ведь и уехали. Один ты, придурок упертый, остался...

Бараков в «Десятке» было как раз десять. Отношения между ними регулировал смотрящий за зоной. Если этого не делать, они приняли бы вид отдельных зековских кланов, а не единого преступного механизма. Как правило, лидером становился самый волевой и уважаемый арестант с сильным характером. Таких людей видно сразу. Это самый справедливый зек, прошедший все жизненные испытания. Его слово пользовалось безукоризненным авторитетом. Именно он ставил точку в решении всех сложных вопросов в лагере. Хотя с ворами в законе, хоть между самими зеками. Даже с администрацией зоны. Особенно, если ее отдельные представители слишком нагло и чересчур часто «находили» в передачах наркоту или еще что из недозволенного.

Например, неделю назад утренняя проверка надолго затянулась. И новенькие, недавно поступившие осужденные, не нашли ничего лучше, как сломать ограждения и самим, без команды, зайти в барак. После этого на сходняке по решению братвы главный по зоне сам примерно наказал смотрящего за карантинном.

Мол, при списывании из карантина в лагерь не доглядел и не воспитал. Не выяснил, кто порядочный человек, кто красный, а кто обиженный. Короче, пропустил в лагерь полных придурков. Для чего, спрашивается, ему давались три недели? Теперь с него следовало спросить. Спросить – спросили, а замену еще не выбрали. Вот администрация и пошла на беспредел в карантине. Справедливого контроля-то нет!

Когда Спивак узнал об этом, он только тогда и понял, что имел в виду конвоир из воронка. Вот так. Это называлось: попал в пересменок. Но приход из карантина в лагерь совсем не значит – домой. Здесь своя проверка на вшивость, свои правила бытия. Так как ходка у Спивака была первая, его сразу стали качать на устойчивость все кому не лень. Начали баламуты. Они провоцировали новенького на ссору, задавали каверзные вопросы и требовали стандартные, принятые на зоне ответы. Один вежливо пытался заставить стирать свои шмотки, другой – заправлять шконку, третий – поменяться местами. Все это сопровождалось элементарным избиением ногами под милым названием «прописка». Правда, как и положено в таких случаях, били в легкую, не облакачиваясь руками о шконку. Ссмотрящий по бараку обычно не лез в «рыночные отношения», но за этим важным обстоятельством следил всегда. Ведь бить ноженьками, опираясь на что-нибудь, и дурак сумеет. Отрядник – тоже себе не враг. Хотя уж этот-то был сотрудником администрации и должен проводить всякие разъяснительные беседы: ну там, о вреде курения и алкоголя, а также о том, чтобы всякие там «безобразия не безобразничали». А на самом деле он ограничивался лишь подготовкой бумажек на комиссию по УДО. Так как очень любил это делать за деньги.

Прямолинейная логика событий постепенно превращалась в геометрическую прогрессию, и та уже неотвратимо влекла Вовку к самому святому месту в

лагере, к санчасти. Конечно, если бы он умирал и все делал по понятиям, за него как один встряли бы все смотрящие на зоне. И по карантину, и по отряду, и по изолятору... Но ведь его просто попросили постирать, а он завелся и грубо ответил. Так нельзя. Выдержка нужна. А ее-то как раз всегда не хватало Спиваку. Слишком легко ранимый да и гордый донельзя. Здесь выживали те, у кого полностью атрофирована мимика и кто каждый божий день, вышивая на машинке рукавицы, умудрялся обозначить на них свой узор, хоть какой-нибудь, хоть крошечный... А у Спивака же все наоборот! Даже его монолог Фигаро из Бомарше можно было понять без перевода. По одной лишь мимике и интонациям. Такой не доживет. Других спасала выдержка. И обязательное внутреннее глубинное противление тупому и однообразному образу жизни.

Всего в синяках, со сломанным ребром и ключицей, без верхних передних зубов и с порезанной шеей, Спивака наконец-то поместили в санчасть. Надо было очень постараться, чтобы туда попасть. Порой слабому зеку приходилось глотать всякую гадость, только бы его выдернули из отрядного ада межличностных отношений. Хоть на несколько дней.

Вовка неподвижно лежал на белой простыне. Но она все равно постепенно становилась бурой от пятен крови. Шевелиться было нестерпимо больно, хотя его не били уже пять часов. Он смотрел в потолок, на белые крашенные металлические балки, и не верил этому... Не верил в действительность. «Наверное, повесить хотят... На этих балках... Точно! Там как раз удобно. Вот этот хочет», – мелькнуло в сознании у Спивака, когда вошел санитар. Он инстинктивно съезжился. Тотчас острая боль пронзила его живот, потом ушла куда-то вбок и затихла.

Санитар – амбал в халате непонятного цвета держал в руке мокрую тряпку, с которой стекала на пол

вонючая желтая жидкость. Он достал из кармана три таблетки, положил их на тумбочку, потом уложил тряпку на горло Спивака около ключицы. Вязкая жидкость выползала из-под тряпки и растекалась по всему телу.

«Зачем это? Это не исправит ни ребро, ни ключицу...» – подумал Спивак, когда острый запах карболки заполнил все помещение. Осознав, что все-таки соображает, не все отшибли, он обрадовался до невозможности.

На память сразу пришло детство, его первое пребывание в больнице, после того как он объелся ложными лисичками. Утренняя тарелочка с кучкой сахарного песку и кусочком масла. Не зная, что это понадобится потом для чая и бутерброда, он принял все это за завтрак и начал через силу поедать. Незабываемое впечатление... Зато в тот раз ему не пришлось сидеть в коридоре поликлиники вместе с одноклассниками и, слушая бормашину стоматолога, ожидать своей участи...

Сейчас бы он по полу дополз до зубного врача. Только бы он был. «А где этот? – Вовка с ужасом вспомнил о санитаре. – Он наверняка ждет где-нибудь рядом... Ждет, когда я отключусь... Где? Где он?» Никого вокруг не было. Как ни силился Спивак крутить глазами во все стороны – никого! Он неподвижно лежал на медицинской шконке один на всю камеру.

Вовка Спивак расслабился, и на его глазах выступили слезы. Боже мой! Ну неужели только так, только такой ценой достается справедливость? У него не было больше никаких других мыслей. Только эта. За последние несколько месяцев его жизнь круто изменилась, и теперь эта самая жизнь быстро и с необыкновенной легкостью ломала его характер, насаждала новые ценности и мотивации, закрепляла свежие рефлексy. Нет, нетерпимость не исчезла. Она по-прежнему питала основу его поступков. Но теперь будто кто-

то непроницаемым коконом накрыл все возможные и невозможные проявления этого устойчивого чувства. Даже слезы, появившиеся у него на глазах, собравшись в две крупные капли, не скатывались вниз по впалым щекам. Какая-то новая, еще неизвестная ему мощная внутренняя сила противилась законам тяготения и не отпускала их.

Через минуту санитар опять вернулся. Теперь он привел мужчину. Весь скрюченный, маленький, со сморщенным лицом пепельного цвета, очень больной человек медленно взобрался на соседнюю больничную кровать и наконец-то с протяжным стоном улегся, как-то неуклюже, на правом боку, спиной к Спиваку. Двое зеков, которые помогали санитару вести больного, поставили на тумбочку поллитровку с водочной этикеткой «Столичная» и положили пару плавленых сырков.

– Петро Игнатьевич, мы вот тут оставим вам... эта... бульончика. Настоящий куриный, не жирный, – с особым пиететом пролепетали зеки. – Завтра еще найдем. Что нужно, то и притащим из общей коробки. Может, лекарства, какие от желудка...

Молодой надзиратель тихо стоял поодаль, безразлично глаза на суету осужденных.

– Хорош, хорош... – выдавил больной и, повернув голову в сторону высокого, лысого, с кучей всяких татуировок на руках и даже на шее, добавил. – Идите уже, я сам. Чуть что – сразу ко мне! Не смотрите, что прихватило. День-два, и пройдет. Я знаю...

Санитар сделал укол. И все тихо исчезли. Скрюченный поморщился, покряхтел и затих. Через мгновение он уже храпел. А Спивак по-прежнему лежал не шевелясь. Он не смотрел вокруг и никого не видел. Не было никаких мыслей. Одно тупое спокойствие безмолвно бодрствующего еще живого существа.

Теперь вошел смотрящий по санчасти. Его все знали. Самый любимый человек всех времен и народов.

Его звали «Сталин». Он поморщился от запаха Вовкиной тряпки, потом внимательно осмотрел кровать его соседа, поправил одеяло, положил в тумбочку какие-то ампулы. Уходя, взглянул на Спивака, увидел его открытые глаза, остановился и произнес.

– Ты смотри тут, шелупонь, не балуй, на.... А то переведу в общую и аспирин не дам. Главный тебя, можно сказать, осчастливил, на... Понимать надо.... Вообще, на... сразу кричи, если что. Увидишь, что ему хуже – сразу кричи. Понял ты, на...?

Вовка глубоко вздохнул два раза, как делают в армейском строю перед тоекратным, протяжным «Ура-а-а!», скривился от боли в груди и тихо, будто умирающий, коротко выдохнул: – ...онял. – Букву «п» ему было не произнести.

Он по-прежнему лежал на спине и даже не догадывался, что этот, который рядом с ним громко храпел и охал во сне, может запросто, одним взглядом круто изменить его жизнь. Причем в любую сторону. Вовка, хоть и знал уже основы зековской иерархии, но представить, что рядом с ним лежит смотрящий по всей зоне, он не мог при всем своем желании.

А это действительно был главный зек на зоне. Не «вор в законе». Нет. Этим на воле хорошо, а здесь в лагере – главный именно он. Самый уважаемый – точно. Все знали про его жизнь в «Десятке» и пересказывали ее друг другу, будто выдержки из букваря. А Спивак не успел узнать. Когда все время быют, нет возможности впускать в голову другую информацию, кроме той, что хоть как-то связана с возможностью увернуться от очередного удара.

Петро Игнатьевич, как его называли осужденные, попал в лагерь на Чусовой семь лет назад. Никто из местных не знал, за что. Откуда – тоже покрыто мраком. Сидел ли он раньше? Поступил с воли или из другой зоны? Никто ничего этого не знал. Неправильного шлейфа за ним не было. Администрация тоже не

распространялась по его поводу. Так что здесь достаточно было его собственного авторитета.

Все знали только одно. В карантине его не били, а попросту убивали. За то, что он по документам был злостным отрицалой. То есть ни на что не колотся и никого не выдавал. Он терпел до предела, понимая, что крайние меры надо использовать только в крайнем случае. И вот когда он уже не соображал, где находится и что с ним происходит, а из ушей, носа и рта ручьем текла кровь, интуиция подсказала, что момент настал. Будущий лидер «Десятки» нащупал языком припрятанную бритву и, разбежавшись, прыгнул рыбкой в окно. Головой он пробил два проема и упал на землю. Весь изрезанный осколками, вскочил и для верности вспорол себе вены на обеих руках. Конечно, сотрудникам карантина на это было глубоко наплевать, хоть все себе отрежь. Но брать на себя ответственность за труп никто не хотел. Поэтому нового зека прекратили избивать, заштопали порезы на руках и отнесли на носилках в санчасть. Только там, а не в карантине, как это положено, узнали о его язве желудка, которая иногда, особенно после таких встреч, запросто превращается в прободение, заражение, перитонит и еще кучу всякой дряни, несовместимой с жизнью вообще, а в лагере на Чусовой в особенности.

Но этот жилистый, ссохшийся вор выжил. Он всегда выживал, в любых условиях. Терпение и выдержка, заложенные в нем, должно быть, еще с детства, всегда спасали его, а уже позднее – заставляли уважать. Как на «Десятке», так и раньше, в Нижнем Тагиле, а до этого в ростовском лагере, в ИТК-12. И под Ленинградом, у малолеток...

Через час начиналась утренняя поверка. Но она не касалась этих двоих. Они тихо лежали на соседних больничных шконках. Один, скрючившись, спал. Другой, тот, что смотрел в потолок, все время чего-то ждал...

Через три года работы Богданов стал ясно отдавать себе отчет: все, что его окружает в аппаратном сообществе, – враждебная среда, а все, кто вокруг него, – чуть ли не враги. Никто никогда не придет и не скажет: «Вот, Серега, текстовка для доклада, или, дружище, возьми новые цифры по предприятиям»... Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных. Слишком быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные – так, для удобства работы.

От каждого нужно ждать только плохое. От заявителя – повторного письма, от соседей – двукратной жалобы по абсолютно любому поводу, от коллеги – конкуренции в росте, от начальника – кучу дел, от секретаря парткома первички – массу ошибок, от директоров предприятий – письма от районного КГБ о том, что Богданов, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Богданова – обостренное чувство опасности и способность ее чувствовать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку. По всему тому, что может двигаться и изменяться. А главное, ни во что не вмешиваться и, случись что, переходить на другую сторону улицы.

– Не выделяться! – Соколов прямо кричал на непонятливых новеньких. – Никогда не высовываться. Если прокол – немедленно стать «прозрачным»! Иначе это «наглость». Ну, кто ты есть такой? – Спрашивал начальник, подражая Чапаеву. – Ведь не руководитель

коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти. Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать. Но, что интересно? В чем таинственность и радость нашего существования? А в том, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто ее имеет... В этом – момент истины! И еще: умудришься ты сохранить человеческие качества, находясь в нашем серпентарии или нет.

Правда, к пониманию истины каждый приходил в свое время, кто быстрее, кто медленнее, кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу, будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела ее всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее, неприятный и приглушенный хлопок надолго оставался в памяти всех, кто был рядом.

Кто, когда и кем станет? Известно почти что сразу. Но только руководству. Все зависит от набора твоих личностных качеств, биографии и от отсутствия проколов. Вот Соколов, например, из рабочих. Он точно мог бы дослужиться вплоть до члена Политбюро. Но сорочки, сорочки не те носит.

– Определенность, как вы понимаете, дорогого стоит, – шеф любил повторять эту истину, потому только, что почти всем и почти всегда хотелось все знать наперед обо всех и о себе родимом, в особенности. – Ты сейчас об этом ничего не должен знать! – Обычно говорил Соколов, завершая тему о будущем. – Кроме того, что ты ничего не должен знать! – Ему нравилось цитировать Вайса – Белова из фильма «Щит и меч».

Чтобы не иметь проколов, нужно меньше суетиться и четко выполнять только то, что поручено. На любом посту. Да и посты-то ты получаешь лишь для

реализации понятия «расстановка». И где бы ты ни проходил эту самую «расстановку», главное чтобы, в конце концов, ты стал «изотропным», то есть по всем направлениям одинаково гибкими и понятливым. Тогда тебя можно с легкостью встроить в сложную конфигурацию следующего «эшелона» вертикали власти.

На каждой ступеньке твоего роста – вездесущие идеологические и организационные отделы. Они фиксируют и анализируют все твои поступки и проступки, все проявления чего-то необычного, нестандартного, из ряда вон выходящего. Вроде и несложная у них работа, но походи догадайся, к примеру, какой ширины должна быть черная траурная лента на хрустальной люстре или минимальный размер белых букв на красном транспаранте метр на три. А если два на восемь? Узкая лента – явный факт неуважения к «видному» деятелю. Даже если он не «выдающийся», а пока только «видный». Все равно! Слишком маленькие буквы – вообще кошмар. Тут и неуважение, потому что никому не прочесть, тут и косвенное подтверждение отсутствия руководящей роли партии в лице райкома и принижение им значения решений очередного пленума ЦК.

Позднее Богданов поймет, что все это благообразие работает только в центре. Как оно выглядит в глупинке, он еще не видел и даже не догадывался.

А в огромном живом организме под названием Государство проходила своя игра. Ушел один выдающийся деятель, на его месте появился другой, пока еще только «видный». Новый начал с дисциплины и, в частности, с партийного набора в КГБ. Как когда-то очень давно, после смерти Ленина, на село отправили

двадцатипяти тысячников – коммунистов из городов, с заводов и фабрик, так и теперь...

Спустили разрядку и в райкомы. Забирали Богданова. Во-первых, потому что замзав. С другого уровня сложнее: пришлось бы искать соответствующую номенклатуре должность в органах. Во-вторых, кандидат наук, причем его первая специальность была связана с ядерной физикой и радиохимией. Иностранный язык опять же.

Но, как и везде, в так называемых силовых структурах всегда есть какая-нибудь слабина. Это когда одна маленькая деталь может все перевернуть.

– Вы согласны идти к нам работать? – Спросил Богданова полный мужчина в форме с генеральскими погонами.

– Да! Согласен. Это большая честь и... доверие.

– Вы понимаете, что это совсем другой вид деятельности, придется учиться?

– Да! Понимаю. Я готов.

– Как у вас со здоровьем?

– Да!... То есть, здоров...

Генерал наконец-то поднял глаза и внимательно посмотрел на работника райкома партии, потом на капитана, что стоял рядом, и сказал: «Проведи-ка его по нашим медикам».

Один Серегин глаз видел чуть слабее другого. Чуть-чуть. Половина диоптрии. Но, наверное, как раз тот, который больше всего нужен для того, чтобы прицелиться. Вот и все! Затрещали всюду утвержденные планы-графики подбора кадров. Пришлось направлять запрос в Москву, испрашивать разрешение на нарушение какого-то пункта инструкции «по глазам» будущих агентов.

В общем, пока суд да дело, пока делали запрос, пока ждали ответ, жизнь не может стоять на месте. Богданова через ЦК послали в командировку.

В Афганистан. Помощником советника по партии.

Это была командировка на три месяца. Три недели в Москве на специальных курсах и два месяца в Афганистане. В Кабуле начальство с Богдановым особенно не церемонилось. Уже на следующий день мушаверы-советники провели с ним собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Народно-демократической партии Афганистана Сергею показали его будущего начальника, бывшего первого секретаря одного из московских райкомов партии, ознакомили с документами. Выдали «калашникова», «макарова», массу пропагандистской литературы на русском языке. Ну и, конечно, поставили первоочередные задачи...

Потом со всем багажом его вместе с начальником втолкнули в «вертушку», и через два-три часа они уже в местном аэропорту в тридцати километрах от Кандагара. В этом городе в одном из домов на окраине им предстояло провести целых два месяца.

Моджахеды здесь почти не воевали, а только отрабатывали американские деньги. Днем на полях гнулись, мак окучивали, а как стемнеет, начинали постреливать. Стреляли и днем, но как-то не зло, чтобы не всех убивать, а то не за что зарплату будет получать.

Так уж повезло и советнику, и его помощнику. Там, где они жили, скорее можно было получить пулю или гранату в окно от «своих», от крайне радикальных представителей другой фракции НДПА – пуштунов. И это всякий раз, как только местный комитет решал что-нибудь не так, как тем хотелось бы. А в комитете большинство из другой фракции – «Парчам».

Жил Сергей вместе со своим начальником в маленьком неприметном каменном доме с одной комнатой, с одним входом и двумя окнами. Так решил советник: «Главное – не в гостинице. Там нас быстренько разыщут все, кому нужно и кому не нужно». Дверь в доме была заколочена и изнутри обложена мешками с песком. Окна прикрыты железными листами. Только

одно окно могло открываться. Жара хуже, чем в каюте на корабле во время шторма. Но зато, в отличие от экспедиции в Чукотском море, здесь никто не курил и не выжигал на моржовой кости никаких национальных мотивов. Только прямо в доме на земляном полу советник раз в неделю жег всякие документы. На это время окошко осторожно приоткрывали. Сразу застоявшийся гнилой запах разбавлялся врывающимся снаружи горячим воздухом. А Богданов через щель в окне рыскал глазами из стороны в сторону – не видит ли кто струйку дыма из-под крыши их неказистого дома.

Через это окно, кстати, советник и выходил наружу, прямо в подошедший вплотную к окну бронетранспортер. А Богданов оставался в доме печатать бумаги на маленькой пишущей машинке «Аурика» и рисовать всякую ерунду. Запас бумаги имелся небольшой. Но советник каждый день его обновлял. Листы были очень тонкими и даже почти прозрачными, зато копирок хватало, хоть отбавляй. Можно было пять-шесть экземпляров сразу набирать. Столько бумаги он еще не изводил за всю свою жизнь. Для Сергея это означало только одно: хотят этими его бумажками заставить людей жить по-новому...

Совсем близко располагались и крайне напряженные участки. Рядом был и героизм, а куда от него, проклятого, деться. Но больше всего Богданова и его начальника напрягал повседневный быт. Туалет внутри дома, прямо в полу простая яма. От жары и вони никуда не спрятаться. Еще советник хоть иногда попадал в большие кабинеты с кондиционерами, а здесь сдохнуть можно! Чистой воды очень мало. Только чтобы пить. Для мытья – совсем другая. Цвета хаки. А еще вши, блохи... Водка не помогала! Ни снаружи, ни внутри.

Новая жизнь на новом месте для Сергея началась с того, что ему сказали: «Не надо из дома выходить

наружу. Ни к чему это!». Нужно всего несколько месяцев поработать по специальности – помочь советнику по партии готовить выступления для него или для местного руководителя НДПА, заполнять разные клеточки со схемами, рисовать структуру организации партии в областном центре, инструкции и строчить отчеты своим. Из местных можно общаться только с переводчиком, руководителем партийной организации и с его заместителем.

С советскими армейскими офицерами лучше не встречаться. Не любили они советников. Да и не особенно различали, военный он или политический.

Поздно вечером советник возвращался и заходил в дом тем же способом – через окно. Он привозил еду, бумагу и чистую воду. Это главное. Они вместе смотрели подготовленные Богдановым документы. Советник аккуратно складывал их в свой железный портфель. Потом ужинали. А перед сном, постепенно уходя в расслабленное состояние, временный начальник долго рассказывал Сергею все премудрости их работы.

Из ночных разговоров Богданов понял, что проблема состояла в том, что никакой коммунистической партии в Афганистане в общем-то и нет. Она, как таковая, почти никогда и не существовала. Сразу же после создания, в шестидесятых годах раскололась на две части, причем ни той, ни другой фракции не удавалось создать себе базу среди верующего мусульманского населения.

– Когда ввели наши войска, здесь сразу же появилось много всяких советников, – рассказывал бывший секретарь райкома. – А недавно – один за другим в Кабул стали прибывать спецы по партийному строительству. Вроде как помогать делать партию.

– А нашего Первого забрали в Узбекистан. Мы думали, потащит всех за собой. А он вернулся и взял только районного судью, прокурора и военкома.

– Там не лучше. Тоже надолго, и точно так же могут шлепнуть, – откликнулся советник и продолжил. – Ну там хоть свои... А у этих много лет не было даже устава. Тоже мне, партия! Никаких правил, инструкций, принципов. Да! Пока не забыл. Инструкцию о делопроизводстве не забудь завтра отдать мне перед отъездом.

– Да сделаю, конечно! – ответил Сергей, понимая, что это вежливая форма приказа работать всю ночь.

– Знаю только, – продолжал советник, – что не можем мы установить власть здесь. Не с кем. В центре – еще куда ни шло. А в провинции – полный бардак, – советник покачал головой и что-то промышчал про себя. Сергею показалось, что услышал мат.

– Значит, от вас много чего зависит...

– Что зависит? От тебя много зависит в твоём районе? – Советник, не дожидаясь очевидного ответа, продолжил. – Как скажет руководство, так и будет! И от меня не зависит. Тебя учили произносить единственную «спасительную» фразу: «Сафарате шурави – Советское посольство». Это главное. А ты говоришь...

Потом советник показал Сергею фотографию: «Вот смотри – я и мой подсоветный. Признаки интеллекта, как и героизма, близки к нулю...»

Уставший, намотавшийся за день секретарь райкома еще долго рассказывал Богданову обо всем наболевшем, пока он находился здесь, за речкой Аму-Дарья. Он был слишком откровенным. Наверное, ежедневные и вполне реальные опасности уже необратимо зашунтировали его осторожность, привычную для всех отечественных аппаратчиков. А Богданов после того, как советник вырубился, прежде чем приступить к написанию инструкции о делопроизводстве, еще долго размышлял над его словами.

За стеной дома слышался топот копыт и приглушенные голоса на пушту. Сергей мгновенно накрыл тряпками перевернутую табуретку, где стояла керо-

синовая лампа. Он вскочил и бросился к окну. Чуть отодвинув железный лист, сквозь узкую, почти незаметную щель посмотрел наружу. Там было темно, но по громкому дыханию лошадей и бряцанию оружием он понял, что метрах в ста от их дома толпились моджахеды, человек сорок. В том месте находилась гостиница, где жили начальники отделов местной партийной организации, несколько военных советников и всякие приезжие из столицы. Богданов увидел яркие вспышки от выстрелов и только потом услышал автоматные очереди.

Советник уже стоял рядом. Как только зазвучали выстрелы, он мгновенно проснулся и уже успел занять место у окна, возле Сергея. Здесь же лежали всегд готовые два автомата и четыре гранаты.

– Ну что, написал инструкцию? – Неожиданно спросил начальник, наблюдая через щель в закрытом окне за передвижениями моджахедов. Те продолжали стрелять по окнам гостиницы, но в саму гостиницу входить боялись.

– Какую еще инструкцию?

– Про документооборот....

Советник нервно засмеялся и принялся в потемках шарить руками по полу в поисках железного портфеля. Наконец он его нащупал, открыл и вытащил телефонный аппарат космической связи и антенну.

– Консульство? Дежурный?.. Это пятнадцатый... У нас нападение на гостиницу... Мы в порядке... Да... Нет, не обнаружили... Ждем. – Советник сложил телефонный аппарат и оставил его рядом с портфелем.

«Вот, почему железный, – понял Сергей, – а я-то думал, чтобы мои бумаги не сгорели...». Они лежали на полу у окна и ждали. Абсолютно мокрые. То ли от жары, то ли от страха. Богданов, хоть и готовил себя психологически к подобным ситуациям, тем не менее, всерьез происходящее не воспринимал. Он просто не мог поверить, что все это наяву. С ним!.. Он же не

выходил никуда, как приказывали, ни в кого не стрелял, вообще, войну видел только в кино.

Они лежали, положив головы на «калаши», и ждали, что будет дальше. Завяжется бой или моджахеды, как обычно в этих местах, постреляют и уйдут. Они ждали своих и старались не думать про то, что их могут увидеть, или, в худшем случае, – уже знают про их «крепость». Вот сейчас закончат с гостиницей и перейдут к ним... Что такое два автомата против этой своры с ног до головы вооруженных и накурившихся вояк?

Но завязался бой. Стрельба усилилась. Уже горело левое крыло гостиницы. Из окон прямо под автоматные очереди, начали выпрыгивать постояльцы. Было хорошо видно, как люди бежали в разные стороны, как упали человек пять и уже не вставали. Моджахеды начали стрелять из пулемета. Видимо, понравилось. Слева, на стене соседнего дома, освещаемой огнем от пожара, промелькнули две тени. Двое, низко согнувшись и не отстреливаясь, бежали в их сторону. Вспышка от разорвавшейся гранаты на мгновение осветила бегущих. Богданову показалось, что это были русские, с непокрытыми головами, правда, не в армейской форме, а в одинаковых темных пиджаках. «Почему в одинаковых?» – мелькнуло в голове у Сергея. Все внимание сосредоточилось на том, когда те двое окажутся рядом.

Богданов, не спрашивая начальника, чуть отодвинул лист железа на окне и крикнул в темноту: «Сюда! Быстро!».

– Только не вздумай стрелять, – сказал советник, положив свою руку на Серегин автомат. Через мгновение двое оказались внутри их убежища.

– Ну и вонища! – первое, что услышали на русском языке Богданов и его начальник, и только потом: – Кто такие?

– А вы кто такие? – спросил советник.

Битва КГБ за страны третьего мира постепенно подходила к концу. Непосильные для советской экономики вложения в страны «социалистической ориентации» проваливались, как в черную дыру. Одних «верных друзей» во главе развивающихся стран смели военные перевороты, как это случилось в Чили, Боливии, Судане, Индонезии и Алжире... Другие оказались ненадежными союзниками, научившимися разговорами о социализме и «антиимпериализме», как было в Ираке, «разводить» легковых московских идеологов.

На Ближнем Востоке, поменяв три страны, за неполные девять лет Юрка Лисочкин дослужился до майора. Симпатичный, с черными густыми усами. Ну, прямо, Саддам Хусейн в молодости. Дважды за какие-то особые заслуги ему присваивали очередное звание досрочно.

Так майором, год назад он и был переведен в Ленинград, в резерв. Вместе с женой, естественно. Но когда уже через месяц Лисочкина перевели из Ленинграда во Владивостокское Управление, они развелись. Как сошлись – так и разошлись. Запросто. Иногда на короткое время его направляли в различные командировки, подобно многим в то время офицерам спецслужб... Вроде для поддержания формы...

– Мы из гостиницы, – напыщенно произнес один из гостей, тот, что был повыше ростом и с усами. Видимо, главный. Он сразу, как только проник в помещение, лег на землю сбоку от окна, окинул взглядом убогое убранство берлоги, увидел пачки бумаги на кривом столе, пишущую машинку и теперь внимательно вглядывался в хозяев случайного убежища. В руках у него оружия не было. У второго – тоже.

– А вот вы наверняка «политические», – попыток жил главный. – Я всегда чую, когда за спиной ровное дыхание нашей родимой партии. – Потом, будто

вспомнив о чем-то важном, он резко повернул голову в сторону своего напарника, – Саня, ты посматривай. Они скоро уймутся...

Тот, кого усатый назвал Саней, лежал с другой стороны окна, рядом с Богдановым. Он и так все время, не отрываясь, глядел на площадь перед гостиницей, оставив своему начальнику бремя дипломатических переговоров с хозяевами. В это время главный, заметив аппарат для связи, потянулся к нему...

– Не наглей, товарищ, – наконец-то вымолвил советник.

– Нужно сообщить, – оправдываясь, сказал усатый.

Богданов, не говоря ни слова, переглядывался с советником и мысленно рассуждал: «По повадкам, по наглости в поведении и по уверенности угадываются военные. Форму могли не успеть надеть... Хотя надели же костюмы... Не из наших – это точно. Советник бы знал. Ишь ты. Без оружия вроде как... Может, особисты из гарнизона. Или приезжие. Все равно – не иначе – чекисты».

Вот так с полуборота и те, и другие вычислили друг друга. Опыт. И обостренное чувство опасности. Оно, как ничто другое, быстро прогоняет мысль по всем извилинам и выдает результат.

– Сообщили уже. Ждем-с, – встрял Богданов. Он приподнялся со своего места у окна и направился в сторону наглого гостя. Советник в это время от греха подальше стал укладывать телефон в портфель. А напарник усатого, слушая весь этот разговор и неотрывно глядя в щель в окне, уже понял, что они попали к своим. Только одно, казалось, не давало ему покоя, и он все время морщил нос и крутил головой, будто отворачивался. В этой случайной для них крепости всюду пахло дерьмом и гнилью...

Минут через пять, хоть и казалось, что прошло не меньше получаса, бой за железным листом в окне стал затихать. В щель было видно, как моджахеды свора-

чивались и уходили за окраину города. Дело свое они сделали, денежки честно и результативно отработали. Можно расслабиться.

Тот, что оставался смотреть у окна, повернулся в сторону керосиновой лампы, потянулся и даже зевнул. Наверное, у него это было нервное. Лампа, прикрытая почти со всех сторон тряпками, наброшенными на перевернутую табуретку, бросила луч тусклого света на Сергея, подбирающегося к главному гостю.

– Постой-ка. Дай отгадаю, – усатый остановил глаза на Богданове и теперь уже не отпускал его из поля зрения. Концы усов вдруг приподнялись, в сумерках затемненного помещения ослепительно засияли безукоризненно белые зубы.

– Вот это, к примеру, явно Серега... И я даже знаю его фамилию...

– Лиса... Дурило! – Теперь и Сергей вспомнил, где он видел раньше такие усы. Ну, не у Хусейна же.

– Почему же сразу дурило?

– А чего шляешься где ни попадая?

– Вот те раз! Почему это где ни попадая? Как раз там, где нужно. Подожди-ка... Как там? Если люди идут вперед по большаку, а не виляют потаенными тропами...

– ...они обязательно встретятся... Ну, ты... – сказал Серега, и они обнялись. Потом тихо засмеялись и в то же мгновение оба вдруг тихо засвистели известную мелодию из кинофильма «Добровольцы».

– Значит так, приятели, – советник вдруг вспомнил, что он все-таки первый секретарь райкома партии, а не какой-нибудь рядовой чекист или даже начальник районного управления КГБ. – Я так понял, что снаружи все завершилось. А посему даю вам пять минут на трепотню, и расходимся. – Он встал и для пущего авторитета поднял с земли автомат. – Мы вас не видели, вы – нас. У нас свои инструкции. А ваши... Ну, они еще хуже... Вдруг помощь подоспеет... Потом не отпишемся.

Лисочкин понимающе посмотрел на советника, потом повернулся к своему Сане, поднял указательный палец и, улыбаясь, потряс им. Мол, партия все верно говорит. А то как же!

Юрка и Серега сидели на корточках, как настоящие афганцы и, не видя ничего вокруг, предавались воспоминаниям. Они говорили одновременно, но, тем не менее, слышали и понимали друг друга. Они выравнивали свои информационные базы данных про одноклассников. Привычное дело. На днях рождения это всегда проделывали в отношении отсутствующих. Вспомнили всех, быстро, без эмоций, будто делали работу. Ровно за пять минут. Не говорили только про Аленку. И тот, и другой. Наверное, еще не забыли о последнем разговоре десятилетней давности.

Через пять минут неожиданные гости встали, сдержанно попрощались с хозяевами, пожав друг другу руки. Лиса мягко толкнул кулаком плечо Сереги, посмотрел на него в последний раз, замялся, словно хотел что-то еще сказать, совсем другое...

– Удачи, Серый! – Юрка резко развернулся, приставив ногу, будто исполнял команду «Кругом!», потом его подчиненный отодвинул железный лист, и они оба растворились в темноте.

«Это он для моего начальника выпендрился, – подумал Сергей, когда Лисочкин так красиво ушел. – А что? Разве не молодец мой Первый? Еще какой молодец! Голова! Никого не слушал и все время повторял еще в Кабуле, что гостиница не нужна, будем жить отдельно, в каком-нибудь заброшенном и полуразрушенном доме, хоть в помойке».

– При чем тут инструкция-то? – вдруг вспомнил Сергей, когда закончил мысленно восхвалять своего начальника.

– Да это я так... Все-таки наше родное партийное «оружие массового поражения». Не иначе! Столько наворотили с этой бумажкой. Ее придумали, чтобы все

делалось быстрее, а упустили главное – когда в одном месте соединяют подготовку решения и контроль, то обязательно жди сначала мелких нарушений, затем – коррупцию и, в конце концов, кризис. А что поделаешь, если с двадцатых годов в самом Уставе партии все перевернуто вверх ногами. – Советник мог бы еще долго говорить об этом, но остановился, показал на окно и спросил. – А с этим учились вместе? Нагловатый парень.

– Один двор. Один класс, – ответил Богданов. – А судьбы... – Он вспомнил, что ему только что сказал Юрка про Вовку Спивака, и замолчал.

Свои в ту ночь так и не подошли. Гостиница вся сгорела. Погибших подобрала местная полиция. Утром военные из гарнизона подъехали на газике. Двое вышли, походили, посмотрели, ничего не сказали и уехали. Вокруг того места, где стояла гостиница, еще долго болталась местная детвора.

На следующий день советника как обычно забрал БТР. А Сергей, после того как начальник уехал, еще долго вспоминал его слова: «Говорят, если хочешь познать чужую страну, растворись в ней. Легко сказать... А как это сделать, если находишься, как ты, в заколоченном доме, или, как я, в бронетранспортере за восемью миллиметрами брони?»

Двух месяцев заточения с одним только зондом, прощупывающим внешнюю среду, в виде уставшего и разочарованного во всем советника, Богданову было достаточно. Вполне достаточно, чтобы сделать для себя выводы.

Мы считали, или, вернее, нам казалось, что приобретаем отсталую страну к цивилизации. Но мы никогда не задумывались над тем, какое влияние оказывает Афганистан на нас. На тысячи советских солдат, офицеров, партийных и военных советников... Или таких же, как он, или как Лисочкин... Трудно определить, чему нам удалось научить Афганистан. Значи-

тельно легче увидеть, как изменились те, кто приехал туда воевать или работать. Одним мановением руки они были брошены в страну, где подкуп, спекуляция и наркотики привычнее, чем у нас очереди в магазинах. А эти инфекционные болезни поопаснее...

С такими мыслями Богданов возвращался в Ленинград. Наверное, он чем-то помог советнику по партии. Ему хотелось так думать. Помог хотя бы тем, что слушал, психотерапевтическим эффектом присутствия. Набрался совсем других эмоций, приобрел навыки постигать внешнюю среду бесконтактным способом. Только по настроениям, мимике и словам своего начальника, да сидя рядом с водителем БТР и слушая его байки... Узнал новое о друзьях детства...

И главное! Та случайная встреча с Лисочкиным... «Если люди идут по большаку, а не виляют потаенными тропами...». «Если бы мы встретились в Ленинграде? Ей Богу, никаких эмоций... А тут! Что-то в этом было не просто романтическое. Чувства другие. Не те, привычные для всех после фильма „Добровольцы“. Вернее, не только те. Да и мы-то вовсе никакие не добровольцы... Кстати, ему, с синими погонами, именно такими тропами и нужно шастать. Чего это он?»

Тогда Богданову еще не приходило в голову, что эта короткая командировка и случайная встреча с одноклассником на мгновение позволила взглянуть на его жизнь, на то, что делал он сам и его коллеги, совсем по-иному. С каких-то более общих позиций что ли. Видя причину событий, а не их следствие, находясь над процессом, а не, как обычно, внутри него. Будто он снова очутился на капитанском мостике маленького суденышка, беспомощно кидаемого из стороны в сторону накатывающимися на него огромными волнами вечно штормового Чукотского моря...

Позднее эти впечатления закрепятся и превратятся в силу, которая только и способна будет изменить привычный для него ход событий.

Глава 4

1.

После такой расстановки – в Афган – конечно, вверх! Вверх по карьерной лестнице... «Барышня, Смольный, пожалуйста...». Сразу перед глазами «человек с ружьем» в драной шинели и с чайником, матросы, пулеметы, снова матросы. Ой! Нет. Стоят на входе, такие аккуратненькие, с синими погонами, как у Юрки, и металлоискателем. За ними люди ходят – все одинаковые. Впрочем, как и в райкоме. Дамы немного отличаются. Цветом платьев и длиной юбок. А мужики все как один. Костюм, белая сорочка, галстук. Костюм, сорочка, галстук... Галстуки все в полосочку. Только одна обязательно красная или бордо. Не иначе – близится демократия! Целая куча буфетов! Но пока еще по ранжиру: эти для этих, а те для тех. В те, что подальше от входа, вообще никогда не попадешь. Туалеты! Все, как у Первого в райкоме. И уборщицы... Эти важно катят перед собой пластмассовое ведро на колесиках со съемной шваброй и с автоотжимом.... На дверях кабинета уже красовалась табличка с Серегиной фамилией. Инструктор отдела науки и учебных заведений. Оперативно... Власть!

Сразу в отпуск. Первый раз за последние три года. Полноценный отпуск – тридцать календарных дней! Такое возможно, только если внизу еще есть горком и райкомы, если есть подчиненные и нет конкретной работы. Это может быть только там, где нет красных штампов на документах, кричащих тебе о жутких

сроках, где вообще нет ни одной бумажки с твоей фамилией, кроме той, что вставлена в рамочку на дверях кабинета...

«Наконец-то можно отправиться куда-нибудь всей семьей... Всей семьей... Отправиться... Куда-нибудь... Куда?» Дальше мечты не двигались. Сергею что-то мешало. Его явно не отпускала одна тревожная мысль. Она, несмотря ни на что, копошилась у него где-то глубоко в недрах сознания и сдерживала проявление уже прилично подзабытого чувства обычной человеческой радости. «Как это они, бумажки родимые, будут лежать в приемной и дожидаться меня из отпуска целых тридцать дней! Так не бывает...». Его сознанию аппаратчика это было неподвластно. Непостижимо, как круглый квадрат.

Тем не менее, Богданов сподобился отогнать от себя эту напасть. Он вновь вернулся к мыслям об отпуске и вдруг понял, что в первый раз за несколько лет он подумал о семье. Не о тыле, как принято ее называть, и не о том, что обычно интересовало Контрольную комиссию. Он уже несколько лет не ходил с женой в театр, не выезжал на природу с сыном... Он, в принципе, знал, как тот учится, но как, например, зовут его учителей, даже не догадывался. Сергей за все время только один раз был в его школе. И то на родительском воскреснике. Там он нечаянно разбил форточку, и больше его не звали. Свою школу он уже давно не посещал, с одноклассниками не встречался. Ни с кем. Только вот Лисочкин...

Отдельные фрагменты семейной жизни продолжали появляться из дальних закоулков памяти и, будто в кино, быстро проскакивали перед Сергеем. Он вспомнил, как четыре года назад, летом, по воскресеньям навещал семью, которая жила на даче. Там он учил французскому языку жену, а она затем в течение всей недели как-то умудрялась все это передавать восьмилетнему сыну. Их мальчик должен был перейти

из одной школы в другую, с французским языком, и ему предстоял непростой экзамен.

Тогда каждый понедельник, в шесть утра, заместитель заведующего отделом райкома партии, в выглаженном костюме, в белой рубашке с галстуком и с огромной сумкой на багажнике с трехлитровыми банками клубничного варенья, катил на детском «Орленке» пять километров до остановки автобуса на Ленинград.

Увертываясь от рефлексии, Богданов невольно попытался представить себе, как выглядела супруга начальника отдела райкома или его бывшего заместителя. Но довольно скоро сообразил, что он просто ни разу их не видел, даже ни разу не слышал ни одной фразы ни о них, ни о детях.

У успешного аппаратчика Богданова постепенно начинали накапливаться какие-то непривычные для него эмоции. Будто он что-то потерял, или еще страшнее – «прокололся». Он даже удивился и вслух произнес неожиданно точно сформулированную истину: «Как ножом срезало целый пласт жизни!»

Сергей невольно содрогнулся. Емкая и до боли однозначная мысль на мгновение пробудила в нем отцовские инстинкты и всколыхнула застоявшиеся простые человеческие чувства. Она заставила его осознать собственную вину и, наверное, впервые задуматься о жуткой реальности существования в «системе»... Но проскочила секунда, другая, и приобретенные за последние годы рефлексии быстро вернули его в суррогатный аппаратный мир.

Уже через два дня всех выдернули из отпуска abruptly. Опять помер генсек.

Многолетнее отсутствие фактической выборности как в партии, так и в государстве постепенно и не-

обратимо подвигало общество к выборам всех и вся. Наверху начинали ценить свежее мнение. Оно еще не звучало, но уже ценилось.

«Свежее мнение. Интересно, откуда оно может взяться? – спрашивал себя Богданов. – Наверное, откуда-то издалека, из недр науки и прогрессивных технологий, – отвечал он сам себе. – Там, где одни самые лучшие ученые умы неустанно изучали замысловатые следы развитого социализма, а другие безуспешно пытались автоматизировать добротное отечественное производство, так и не определив, чем все-таки отличается робот от манипулятора.»

В это же самое время там, на самом верху, мечтали о том, что де вот придут новые, сильные и культурные и все поменяют. Прекратится «застой», и начнется «ускорение». Для того чтобы хоть одним глазом взглянуть на них, новых и культурных, еще только вылупляющихся из скорлупы, нужно совсем немного. Приоткрыть занавес и взглянуть в глубины бедной, но, тем не менее, по-прежнему передовой советской науки. Нужно было пройти за кулисы сцены и вернуться к тому времени, когда по всей стране разыгрывался эпохальный спектакль под названием «Развитой социализм».

Да все никак не удавалось...

Есть такое замечательное слово «пусть». Его часто употребляют, когда не ясно, как и кто должен что-то изменить. Пробовали и так, и этак. Не получается. А изменить нужно обязательно. Иначе «станок» окончательно заржавеет, и «управляемая система» будет давать не просто уже привычные для власти сбои, а сорвется с фундамента и полетит, сбрасывая и корежа все, понастроенное над ней за последние десятки лет.

Как раз тогда, совсем в другом измерении, там, где жила вся остальная страна, зарождалась отечественная социология. Сразу после первого дождя гласности через плотно укатанный асфальт общественного мне-

ния стали стыдливо пробиваться первые неформальные объединения. Это там, за бугром, социология была в расцвете, а у нас проснулась только при новом генсеке. И надо же! Это случилось при старом первом секретаре обкома. Нутром чувствуя крамолу, райкомы нещадно наказывали ученых. А обком еще больше наседали и требовал окончательно искоренить социологическую скверну.

Социологов тогда еще как бы не было. Были психологи, философы, на крайний случай, математики или физики. Этим до всего есть дело. Почти каждый день в обком приходили письма ученых с предложениями, а на них красовались резолюции: «Когда закончим с этой семиодинамикой? Доложите. Срок: три дня». Бдительные рецензенты-«специалисты» обвиняли эти новые направления теории самоорганизации естественных систем в покушении на марксистско-ленинскую диалектику. Действительно, даже простое сочетание трех слов «самоорганизация естественных систем» – уже крамола. Как это «само...»? А где же роль партии? И что это значит – естественные? Естественными могут быть только отправления физиологических потребностей.

Участников научных семинаров, конечно, отлучали от преподавания, от пагубного, так сказать, влияния на неокрепшие юные души. Где парткомы были послабее – «выдавливали» из вуза вообще. В университете, который курировал Богданов, пытались собирать в «отстойник», в Институт комплексных социальных исследований. Там была только наука, а преподавания вроде как и не было. А наука нужна всякая! Даже крамольная. В закрытом виде, конечно. Как бы для служебного пользования. Хотя бы для того, чтобы знать врага в лицо.

Тогда у инструктора обкома создавалось такое ощущение, будто он на эшафоте поправляет рубашку очередному приговоренному ученому, при этом шепотом искренне извиняется перед ним и как бы нечаянно

отодвигает от плахи. Вдруг удастся! Прямо как у Набокова в «Приглашении на казнь». Только там фэнтэзи, а тут явь.

За время работы в аппарате все привыкают к тому, что любое дело гибнет из-за отсутствия документа, или, проще говоря, от отсутствия инструкции о порядке его выполнения. Не зря у многих в отделе науки и учебных заведений на столах лежали испещренные пометками «Семнадцать мгновений весны» или томик Шиллера «Мария Стюарт». Зарождающаяся практическая социология тогда пестрела изобилием тупых вопросников, мгновенно отвечающих на любой дебильный вопрос.

Требовалось как-то организовать «пьянку», раз уж она началась. Нужно было придумать, как включить социологическую ассоциацию, какие написать документы, упорядочивающие хаотичный, порой безграмотный поток соцопросов. Тогда пригласили множество разных ученых. Долго все это дело обсуждали и кое-что придумали. Богданов подготовил постановление бюро обкома, все согласовал у секретаря по идеологии, завизировал, где положено, и сдал.

Прошло заседание бюро. На следующий день появилась публикация в «Ленинградской правде», где на первой странице довольно подробно все списано с этого самого постановления. Заведующий отделом сказал: «Все прошло хорошо, ничего не меняли в тексте. Молодец!».

А через пару дней это постановление положено было отправлять в ЦК. Сергей на всякий случай собрал в портфель все материалы по постановлению, вошел в спецкоридор, а оттуда в кабинет заведующего Общим отделом, чтобы взять проект документа и вновь завизировать у всех уже после обсуждения на бюро. Как положено.

– Ты что, не понимаешь что ли? – громко закричал на инструктора заведующий Общим отделом, прищу-

рив глаза, как на шпиона или, как минимум, диверсанта. – Решил с этой... с Залесской... за одно? – Заведующий имел ввиду профессора Залесскую. – Та лопочет, так всем ясно, кто ей за это платит... Это что еще за система проведения опросов? Вообще нет такого понятия «общественное мнение». Ишь ты! Все переделывать! Опросы только с разрешения райкомов – вот и вся система! Коротко. Один пункт! Понял?

Сказать, что Сергей удивился – ничего не сказать. У него не укладывалось в голове. Как же так? Секретарь обкома по идеологии сам проводил совещания, подробно говорил со всеми учеными и специалистами. Его заведующий отделом сказал, что все на бюро обкома прошло нормально. Да и в газете уже все написано именно так, как у него в проекте постановления. Что значит «Нет такого понятия»? Что начальник, рехнулся в своем Общем донельзя отделе?

Не понимая, как быть, Сергей продолжал стоять с портфелем за спиной перед грозным начальником. Прямо как на картине Решетникова «Опять двойка». Только вместо измученной матери на него уставились прищуренные бесцветные глаза заведующего Общим отделом, а прокурорский взгляд сестры-пионерки достойно повторял висящий на стене портрет очередного генсека.

– Как же так? Ведь уже было бюро... Это же приняли...

– Да ты просто придурок, как я посмотрю. Ты где работаешь? В аппарате обкома или... Что вылупился? Нет, если ты чего-нибудь не понимаешь, скажи. Я ведь разъясню, – как-то гаденько вежливо продолжал заведующий, видя, что инструктор в прострации. Он встал из-за стола, прошел к дверям и выглянул в коридор. Сергей обратил внимание, что он смотрел в сторону, где стоял пост.

«Бред какой-то, – у Богданова просто не укладывалось в голове. – На всех начихал. Как будто больше

нет никого в городе... Как будто никто не читает газеты... Ведь через неделю все все поймут! Ё-ка-лэ-мэ-нэ. Какая уверенность! Какая безнаказанность! Такое мог ляпнуть только Первый. А этот повторяет. Да еще со своими дешевыми эмоциями. Дебил! Но это уже не смешно. Ну вот! Сейчас еще наряд вызовет! Скажет, мол, я хулиганил у него в кабинете или, вообще, угрожал Первому. Сплошной маразм!»

– Все ясно. Можно забрать?

– Нет уж! – однозначно и очень тихо отрезал начальник. – Тут столько интересных виз. Они еще пригодятся. Наверное, не трудно запомнить один пункт. Короткий и без всяких фокусов. Повторить?

– А я запомнил, запомнил, запомнил..., – как можно более участливо, и в то же время максимально желая угодить «больному», произнес Богданов и поспешил покинуть «палату № 6».

Сергей напечатал короткий текст постановления бюро обкома партии из одного пункта и, отправляясь сразу к секретарю по идеологии, подумал: этот-то что же, тоже «дурилка картонная»?

От главного «идеолога» города трех революций и всей Ленинградской области только что вышли человек двадцать заслуженных рабочих, новаторов и передовиков производства. Богданов подумал: наверняка советовались, как завязать новый беспощадный бой с пьянством и прогулами, а заодно взять да и повысить производительность всеобщего труда.

Секретарь еще сидел за большим круглым столом, где, когда много народа, не сразу поймешь, кто главный, и задумчиво смотрел в окно. Он продолжал курить, поддерживая большим и указательным пальцем дымящуюся беломоринку. Локтем одной руки опирался на стол. Другая была далеко вытянута в сторону и лежала вдоль края зеленого сукна.

«Ну, прямо Ленин. Только с папироской», – подумал Сергей, входя в огромный кабинет. Жалко, еще

не вышел из этой роли, а прошлая уже бьет обухом по башке. Секретарь слегка вздрогнул: так далеко были его мысли о будущем. Он поглядел на короткий текст переданного ему постановления и, не поднимая глаз, произнес только одно слово.

– Кто?

– Общий отдел.

Секретарь обкома, помедлив совсем чуточку, переложил папироску в другую руку и «подмахнул» новый текст. Он погасил бедную «беломоринку» в пепельнице, аккуратно сложил руки перед собой на столе ладонями вниз. «Как зайка серенький», – подумал Богданов. Наконец посмотрев внимательно на инструктора, хозяин кабинета молча, ткнул пальцем в левый нижний угол листка – туда, где должна стоять виза ответственного за подготовку вопроса на бюро обкома.

Сергей постоял, постоял, повыпендривался, нагнул, взял авторучку секретаря обкома и подписал галиматью из одного пункта.

– Не привык..? – Вдруг спросил начальник.

– К чему? – Ответил вопросом на вопрос инструктор. Ему хотелось тут же рассказать известный анекдот. «Говорим Ленин – подразумеваем партия. Говорим партия – подразумеваем Ленин. Вот так все время: говорим одно – подразумеваем другое». Но диалог не получился: зазвонил белый телефон.

Наверняка Первый сейчас будет наставлять своего зама, как простыми крестьянскими методами нужно поднимать производительность труда, – подумал Богданов, покидая кабинет секретаря обкома по идеологии. Он спускался по мраморной лестнице с широким красным ковром, сотканным из сэкономленного сырья и, вспоминая похожие райкомовские интерьеры, продолжал сравнивать и размышлять.

Это в райкоме, чтобы жизнь не казалась медом, новое дело начинает один аппаратчик, а заканчивает

другой. В обкоме тебя выдерживают подолгу. Тут ты успеваешь и начать, и кончить. Только результат очень часто все равно один: отменить и переделать. «Но так ведь никакого здоровья не хватит, если всех удовлетворять, тех, что наверху», – мелькнуло в голове у Богданова. Или просто начнет работать могучий русский принцип: «Никто ничего не будет делать!». Как тут добьешься выполнения написанного, если даже в языке веками заложена возможность тройного отрицания. Ой! Еще можно добавить четвертое – «никогда!».

Прямо как у Ленина – уже второй раз за десять минут Богданов вспомнил вождя мирового пролетариата, – «Резолюции и постановления – все говно...»

Чтобы в этом убедиться, нужно совсем немного: или у нас спуститься вниз, поближе к земле, или побывать там, «за речкой». И то не в каменном доме, и не со страхом глядя на людей сквозь триплекс бронетранспортера.

После перипетий с последним постановлением все испытавший на своем веку заведующий отделом науки и учебных заведений срочно «повысил» Богданова до заведующего сектором. Своеобразная плата за переживания. А с целью излечения инструктора от «перегрева эмоций» буквально на следующий день новенького заведующего сектором направили от обкома куда подальше... В область, в один из самых дальних районов на празднование годовщины Великой Октябрьской революции.

Такое решение круто повернуло ход всей истории... Богдановской истории.

3.

Смотрящий по лагерю поднялся рано, как и положено всем на зоне. С годами это вошло у него в привычку. Болен, не болен – все равно. Он сам сделал себе

укол и теперь сидел на краю больничной шконки, уставившись на соседа, и ждал, когда тот прекратит свои всхлипывания во сне и проснется. Веки соседа дрогнули, через мгновение открылись глаза. Спивак глубоко вздохнул, и его тело сразу же затряслось от глубокого сухого кашля. Он только попытался приподняться, как острая боль пронзила его от головы до ступней. Спивак окончательно проснулся и снова, как и прежде, стал смотреть в потолок с белыми металлическими балками.

– А ты совсем не изменился, Вова, – тихо, как будто рассуждая сам с собой, произнес смотрящий. Сосед услышал.

– Вы ...меня ...наете? – спросил Спивак, плохо выговаривая слова и не поворачивая головы.

– Знаю, знаю. Тебя легко узнать. Я же говорю. Ты совсем не изменился. Так бывает... Когда легко живешь... А вот ты меня не узнаешь.

Вовка напрягся и, преодолевая тупую боль во всем теле, поднял руки, схватился ими за железные трубы, соединяющие шконки, и, потянувшись, повернулся к соседу лицом.

– Да. Я ...ас не ...наю.

– Конечно. Небось, списали и забыли. Может, тебе монолог Сида прочесть... по-французски? Или что-нибудь из «Незнайки в солнечном городе»?

– ...или?.. Как так? – Спивак не узнал, но понял, что перед ним сидел Петька Филиппов. Живой Филия... Только не похож. Будто совсем другой человек узнал все про их жизнь в школе и теперь пытается выдать себя за Филиппова. Но зачем?

Филя. Неужели тот самый, тщедушный и неуклюжий, с большим белым воротником поверх форменной гимнастерки, с горчицей во рту? Ну точно. Хотя совсем другое лицо. Серое, в шрамах, одно веко опускается чуть ниже, больше прикрывая левый глаз. Нос... У Петьки был тонкий и длинный нос. А у этого

приплюснутый, с кривой переносицей. Нет. Все-таки это он. Тот же прищур глаз. Как у Ленина. Главный вор «Десятки». Самый уважаемый зек в лагере.

– Фи-и-ля, – не сказал, а просвистел Вовка. Потом было видно, как он приготовился и, в конце концов, выговорил по-французски: «Comment ça va?». Его рот стал открываться, обнажая пустые верхние десны: тонкие полоски губ, сине-красные, с трещинами поперек, начали по очереди двигаться. Сначала верхняя, затем правая часть нижней, а уж после – левая. Получилось что-то вроде улыбки.

Петька встал, медленно подошел к Вовке и присел на его шконку. Он взял его правую руку и, ничего не говоря, крепко сжал. На плече у Вовки и у локтя были свежие следы порезов бритвы.

– Ничего! Вены целы – жить будешь.

Вовка второй раз за два дня заплакал. В этот раз слезы у него лились ручьем, и никакая сила не могла их удержать. Он опять лежал на спине, крепко сжимая Петькину руку, смотрел в потолок, на белые балки, потом на Филиппова... Ему было спокойно. Первый раз за четыре месяца. Он почему-то представил себе огромную цветную фотографию школьной футбольной команды. Только на ней собрались все зеки лагеря «Десятки». Впереди в кресле его одноклассник Филя. В школьной форме почему-то черного цвета, с большим белым воротником и октябрятской звездочкой из фольги. У его ног распласталась свита. Здесь же и он, Вовка, лежит на полу, подперев голову рукой, в желтой от карболки длинной рубахе и в грязных лыжных ботинках. Чуть дальше, на первых скамьях, рассаживаются бугры и угловые – бригадиры и смотрящие по бараку. Они все в черном, в отутюженных брюках, в начищенных до блеска сапогах. За ними – другие воры, но их почти не видно. А уж у самой стены, на чем попало, громоздятся толпой «мужики» в мешковатых синих робах. В двери и щели несмело

заглядывают серые, оборванные, все в лохмотьях «чушки»...

Это уже были другие слезы. Слезы умиления.

В этот день они проговорили часов пять. Филиппов, может быть, первый раз за всю свою уголовную карьеру поведал Вовке, что у него была за жизнь после того, как он очутился среди отможенных малолеток. Как его убивали, резали, насиловали, сбрасывали из окна в тумбочке, заставляли глотать «ежика»... Как он выжил, несмотря ни на что, даже на заключение врача. Как потом забурел... Но ни слова Спивак не услышал от Фильки про его дела или про поделщиков. Сказал только, что ту злосчастную золотую авторучку в учительской он не брал. И уж, конечно, всеми любимого Васильича не трогал. Наоборот, тот пытался ему помочь.

Теперь он сидел рядом, на Вовкиной шконке, совсем другой, выдержанный, обстоятельный. Кремень. Для Спивака Филя опять превратился в того неказистого мальчишку, который «с выражением», запросто читал всему первому классу «Волшебника изумрудного города». У него проснулось то же самое чувство удивления и восхищения. Как тогда. Как это? Никто не умеет, а этот в длинной гимнастерке, самый маленький... Главный вор зоны.

Все, что Вовка Спивак пытался через силу рассказать о себе, Филиппову было неинтересно, непонятно. Все равно, что ограбить сберкассy, а потом спокойно ждать ментов. Еще и причитая: «Вот смотрите. Вот он я. Пожалуйста, берите меня, мучайте. Я борец за правду». Именно ограбление сберкассы почему-то в сознании Фильки совмещалось с тем, что проделывали диссиденты. Касса государственная – рассуждал главвор зоны. Брать из нее – закон природы! А эти все пытаются из одного потока денег сделать много. Сейчас только один поток – для начальства, а они хотят, чтобы всем. Неверная позиция. Все нужно отби-

рать у всех, оставляя только крайнюю пайку. Только последнюю. Потому что убивать пока не за что. Так, как они хотят, уже хотел дедушка Ленин. И что?

Через две недели прямо из санчасти Вовку Спивака перевели в «Пермь-35». То ли документы пришли, то ли Филя расстарался для своего приятеля. Но в лагере они больше не встречались.

Три года пролетели для Спивака не без пользы. В «политической» зоне он многое познал и со многими познакомился. С такими же, как он. И с известными личностями в диссидентских кругах – тоже.

А еще через год, «образованный», поумневший, чуть изменившийся внешне, степенный и слегка поседевший, со вставленными передними зубами Вовка уверенно шел к паспортному контролю в порту города Одесса. У него в кармане лежал зарубежный паспорт на другую фамилию и туристический ваучер на круиз по Средиземноморью.

4.

Осень 1987 года пришла поздняя, теплая. Лес стоял желтый, багряный от еще не слетевшей листвы. Дождей не было. Красота. Вдоль обрыва вилась пыльная проселочная дорога. Прямо на краю росли редкие березы и молодой ельник. Внизу темно-зеленым ковром простирался нескончаемый лесной массив. Около дороги, со стороны леса, на узком кусочке земли между дорогой и обрывом стояла свежесколоченная деревянная трибуна. Рано утром на нее по очереди, как на эшафот, взобрались по узенькой металлической лестнице с перилами первый секретарь райкома, председатель райисполкома, еще кто-то и «свеженький» заведующий сектором отдела обкома.

Вокруг никого. Казалось, что ничего живого нет вообще на сотни километров вокруг. Бесконечный лес,

обрыв, неровная дорога, а с другой стороны где-то вдали разбросаны деревянные домики, в центре еле виднелся Дом культуры.

Прошло полчаса. «Где народ-то?» – недоумевал Сергей, оглядываясь по сторонам. Ему стало не по себе. Он не выдержал и тихонько, как бы невзначай и словно ему вообще нет дела до того, зачем они сюда поднялись, произнес почти на ухо первому секретарю: «А где демонстранты?».

– Подойду-у-ут, – сквозь зубы процедил Первый, и через мгновение добавил, как о чем-то потустороннем, – куда денутся, у них тоже ускорение.

Последние слова секретаря заглушил зычный голос: «Дорогие товарищи, поздравляю вас с праздником...». Первый стоял рядом и продолжал курить, привычно поглядывая по сторонам и наслаждаясь своей правильной речью, ровным потоком льющейся из динамиков. По-прежнему никто не появлялся... Через громкоговорители на весь город работал магнитофон, стоящий рядом на табуретке. «Поздравление» длилось минут десять. Магнитофон выключили. Слева, метрах в трехстах от трибуны, стали появляться темные точки. Люди! Прошло еще минут десять, и темная узенькая полоска извернулась и потекла в их сторону. Трудящиеся шли редкими парами, как в детском саду. Между парами – метра два-три, не меньше. Это пространство время от времени заполняли бездомные местные кошки и собаки. Плакатов нет, цветов нет. Портретов, конечно тоже. Проходящий мимо трибуны мужчина в одной руке нес красный воздушный шарик, а в другой бумажный цветок непонятного цвета... Он шел один, не в паре. Его праздничные атрибуты только сильнее подчеркивали аномалию всего действия. Такое в дурном сне не приснится. И некому здесь все это сглаживать заорганизованностью мероприятия.

Почти все проходящие останавливались перед трибуной и свободно обсуждали с соседями присутство-

вавших начальников, как будто те находились на экране телевизора и слышать их не могли: «А кто это там стоит, справа? Да справа же. Справа! Вроде как, новенький...». Руководство выстроилось в ряд, как на мавзолее и молча, улыбаясь, слегка кланялось.

Хватило ума хоть руками не размахивать. «Эти люди нас не поймут. Чай, не в столице и не в городе трех революций, – легко и как-то вдруг подумалось Богданову. – Вот ситуация: подойди и сбрось всех в обрыв.» Он испугался оттого, что точно не знал: произнес он эту крамольную мысль вслух или только подумал...

Вечером, перед отъездом, Сергей все же вернулся к обрыву. Так, ни за чем. Просто хотелось лишний раз убедиться, что такое бывает. Солнце быстро опускалось. На фоне заходящего за кромку леса яркого оранжевого круга утренние белые березы стояли совершенно черными, а в молодом ельнике запутались последние отблески красного цвета. Будто кто-то не загасил костер...

В Ленинграде Богданов пытался поделиться с начальством своими свежими впечатлениями. Ведь для этого же и посылали. Так сказать, получить обратную связь с действительностью. Ан, нет! Всем опять до фени. Как и в райкоме после обхода родственников погибших в авиакатастрофе. Снова суматоха, срочная командировка. Хочешь – не хочешь, нужно ехать с «горящей» туристической группой по капстранам. То есть у этой группы был руководитель, да сплыл. Его так же срочно направили в другое место.

Доверие-то какое! Обалдеть можно. Одной рукой вытаскивают «наверх», а другой тут же норовят «утопить». Даже сорок долларов дают за счет туристов, не нужно самому платить! Но вот только, если кто-нибудь «уйдет», то есть останется там, тогда ку-ку. «На гвозди!».

Такое особенно реально, если в группе есть «особи» творческих специальностей и с пятым пунктом.

А тут как раз и есть, черт бы его побрал, этого режиссера. Конечно, дадут кого-то из КГБ. Тоже, наверное, пошлют в качестве компенсации за какие-нибудь издержки производства. Богданову уже сказали, что офицер будет отвечать именно за режиссера. Даже жить с ним будет в одном полулюксе. Везет же некоторым!

Здорово! Две недели по несколько раз на дню считать всю группу с разных позиций и под разными углами. В пещере, в музее, в кафе, в автобусе, на борту судна, в номерах гостиниц... На рынке «Гранд Базар» в Стамбуле. Особенно занимательно это проделывать с колонной туристов, уходящей за поворот. Или еще круче – если за поворот и одновременно вниз.

Самое главное – паспорта! Все забрать, все сорок, и держать этот бесценный груз у себя на сердце. Валюту, конечно, можно раздать. Лучше раздать. Ну куда без нее, родимой. И ведь ради нее только и едут все. Не хватало еще каждому ее выдавать при конкретной покупке.

Наконец-то, за день до отъезда, к Богданову в Смольный пришел прикомандированный к группе КГБэшник. А-то завтра в бой – и незнакомы еще. Не хорошо.

Дверь чуть приоткрылась. Стучать было не принято.

– Богда-а-нов, – тягуче, словно песня, прозвучало из-за двери. В проходе никого не было. Сергей встал из-за стола и направился навстречу. – Это я-я-я...

Перед Богдановым, будто из-под земли, вырос Лисочкин. Он украдкой, маленькими осторожными шажками стал приближаться к Сергею, наклонив голову куда-то в сторону, но глядя именно на него и улыбаясь во весь рот.

– Ё-ка-лэ-мэ-не, Юрка, дурило, снова ты!

– Не снова, а опять. Все тайные тропы ведут... в обком.

– Зачастили, товарищ Лисочкин, в контакт вступать. Вы чего там, решили взять меня в разработку? Или, может, какую спецоперацию готовите? С моим участием? В темную...

Лисочкин чуть смутился, но через секунду ляпнул.

– А ка-а-ак же...

Они обнялись, потом посмотрели друг на друга оценивающе. Мол, как? Изменился дружбан после последней встречи четыре года назад или нет. Богданов, чувствуя, что сейчас начнется поток ностальгических воспоминаний, крепко взял Юрку за руку чуть повыше локтя и потащил из кабинета в коридор.

– Даже так? – тихо спросил Лисочкин.

– А к-а-а-к же, – подражая Юрке, ответил Сергей. – Не одни вы такие умные.

Они встали около окна, из которого был виден весь парк около Смольного. Листья уже давно облетели, деревья стояли голые, по тропинкам почти никто не гулял... Кое-где на асфальте виднелись лужи, и в них отражалось тусклое серое небо. Этот хмурый пейзаж сам по себе наводил скуку и понемногу гасил обычную в таких случаях радость от встречи старых друзей.

– Я же теперь подполковник и в Совете по делам иностранных учащихся, – начал Лисочкин. – Ты, как я знаю, их ведешь от партии, а я, так сказать, от советской власти. Впрочем, землячествами занимаюсь. Будем вместе работать. Вот они наверху и сообразили, кого послать.

– Ясно... Как вы там... потом? Обошлось? – Спросил Богданов, мотнув головой куда-то в сторону.

– Да мы с Саней быстренько и незаметно слиняли в ихнюю столицу. Только нас и видели. Все дела сделали и ку-ку... Даже не отписывались. А вы?

– Так никто и не приехал. Только утром газик проскочил. Понюхали, понюхали и смылись. А вообще, сгорела полностью... эта ваша...

– Ну и черт с ней!

– А ты тогда чего-то сказать хотел... Нет?

– Обстановочка не та была. Да и этот, твой босс...

– Теперь-то что? Или опять... Ай, ну тебя... Давай рассказывай, как дома? Как Смолина? Все лечит?

– Лечит, лечит, – Лисочкин всегда останавливался, долго думал и только потом выдавал актуальную информацию. Вроде как «антижурналист». – Только ведь я развелся... После Сирии у нас с ней были еще две страны. А как вернулись с Ближнего Востока, так и ку-ку. Вернее, после того как меня во Владик отправили.

– Чего так?

– Ай! Не спрашивай... Детей нет. Как сошлись походя, так и разошлись. Я все хочу тебе сказать... Да вот думаю, может, потом или не здесь хотя бы...

– Чего сказать? Постой! Это когда тебя во Владивосток закатали?

– Пять лет назад. Да я совсем недавно вернулся, а меня сразу к твоему режиссеру...

– Пять лет ...

– Ну да. Мы только-только расписались и сразу уехали... С Аленкой и...

Наконец-то Богданов все понял. Как до жирафа... И почему был тот утренний звонок Ливановой из Владивостока, и что все порывался ему сказать Лисочкин, когда они прощались в Афгане.

– Ну, га-а-ад! Ну... Что за привычка, все загребать, что плохо лежит.

– Что значит, плохо? Ты, насколько я информирован, женат. Что я должен испрашивать у тебя разрешения что ли? И потом... – Лисочкин что-то еще хотел добавить, но, видимо, вспомнил слова Сережки о его привычке что-то там загребать, замолчал.

– Юрка, кончай. Ты же знаешь, что я имею в виду. Мог бы хоть сказать.

– Я и хотел, да обстановка не та. И потом... Серый! Она меня любит... И раньше любила. Точно тебе говорю.

А ты для нее – «хороший» и «правильный». Все! Так что... Лучше, знаешь, приходи-ка к нам в гости. Сразу после круиза. А? Сделает тебе Аленька пироги с капустой, сырки сладкие. Она же в курсе, что ты любишь. Посмотришь, как мы живем, какой... – Юрка запнулся и сходу перескочил на другую тему, – устроим вечер воспоминаний. Лады?

Они стояли около окна еще минут десять, Лисочкин опять, как и в Кандагаре, профессионально выкачивал из Богданова информацию. Сначала о всех девчонках класса, потом о работе и напоследок о поездке.

– Ты знаешь, у меня одна задача – режиссер. Все остальное мне по боку. Группу смотрели. Ничего особенного. Только вот этот, творческий... Кстати, он хорошие фильмы делал.

– Какие?

– Ой! Ну, хоть убей, вылетело из башки. Это все после твоих наездов.

– Черт с тобой! Усатого только могила исправит.

– Ну, ты не прав!

– Значит, кто-то еще? Так. О деле. В Одессу народ везет поездом гид из «Интуриста». Ты с ними. Я вылетаю послезавтра. Все встречаемся прямо в порту за два часа до отплытия. Собираем группу, смотрим, знакомимся...

– Э-э-э. Это без меня. Что значит знакомимся? Я буду сидеть, как все и со всеми. Разве что рядом с режиссером.

– Ну, ты хоть считать-то их будешь иногда? А то я ведь быстро иссякну. Ну и присмотришь, что за люди.

– Уговорил. Считать буду. Иногда. В поезде, в буфете и в кафе. О'кей?

Они расстались. Богданов направился в Общий отдел за списком группы, а Лисочкин – к своему новому «приятелю»-режиссеру. Пить, курить, «безобразия безобразничать». «Дружить», короче!

К зданию порта Богданов приехал заранее. Он внимательно вчитывался в список группы, прикидывал, сколько женщин, сколько мужчин, сколько пожилых, кто с детьми, не дай Бог, конечно. Он дожидался, пока все соберутся и когда появится Лисочкин со своим новым приятелем. Наконец, все разместились. Юрка все время суетился и что-то хотел сказать Богданову. Но удобного случая не было. Сергей представился, усадил рядом с собой симпатичную девушку, гида из «Интуриста» и начал переключку. Пятым по списку шел какой-то инженер Глинтерник Лев Борисович. Сергей почему-то обратил на него внимание. Мужчина средних лет с черной короткой бородкой приподнялся, мотнул головой и снова сел в кресло. Представитель «Интуриста» передала ему паспорт и сорок долларов США. Потом поднимались еще тридцать пять человек. Двое из них тоже запомнились Сергею: режиссер и еще одна немолодая женщина в парике. Это профессиональное – чувствовать опасность. А она исходила именно от этих троих. Остальные для Богданова были все на одно лицо. «Лицо», обладающее паспортом, само хранящее его и свою валюту.

Вся процедура знакомства и выдачи документов длилась минут сорок. После чего толпа из сорока человек сплошной массой двинулась на паспортный контроль. Проблем на границе не было. Все прошли на судно, разместились по каютам и уже начали готовиться к обеду. Через час огромный красивый лайнер с портом приписки Барселона отошел от пристани и направился через Босфор в круиз по Средиземноморью.

– Ты видел этого еврейчика? – Спросил Лисочкин, когда встретил Богданова на палубе около висящих на шлюпбалках спасательных шлюпок.

– У нас их пять. Как и положено. Вместе с твоим Феллини.

– Я про Глинтерника. Еще в поезде меня вдруг стукнуло. Похож на нашего Спивака. Не заметил?

– Да прекрати! Чушь! Семнадцать лет прошло.

– Я тебе говорю. Только шевелюра и борода интеллигентская... Нет? Слушай, надо с ним побеседовать. Аккуратно.

– Ну и беседуй. Кто тебе мешает.

– Давай ты. У меня на роже написано, что я оттуда. – Лисочкин мотнул головой куда-то вверх.

– А я не оттуда. – Богданов точно так же мотнул головой. Слушай, если тут какая проблема, то она по твоей линии. Мне главное всех вернуть в целости и сохранности...

– А мне главное – режиссер.

– То есть ты хочешь сказать, что Вовка Спивак бежал из лагеря, поменял паспорт, оформил тур и вот только что при тебе нелегально перешел границу. Так?

– Статья шейсят четыре. Измена Родине. Пункт «а»: бегство за границу или отказ вернуться из-за границы в СССР. От десяти до пятнадцати или смертная казнь.

– Ну, ты хоть понимаешь, что лопочешь? – Богданов задумался и, не ожидая ответа, тихо добавил. – Даже, если... Он прошел границу, ты понимаешь? Все! Я что, детектор лжи что ли? Или ты. «Мы не можем ничего знать, кроме того, что мы ни-че-го не должны знать...» Что за привычка, Лиса? Ляпнул, и теперь хоть трава не расти. Поделится ответственностью. А вот ничего вы мне не говорили, товарищ подполковник. Попробуйте теперь доказать обратное. Что, радиogramму станете посылать или капитану иностранного судна доложите? Ведь здесь он самый главный. Может поженить, арестовать. Может вообще за борт выкинуть! А когда вы это заподозрили? Позвольте спросить. И молчали? Короче! Мы здесь не правоохранительные органы. Я даже не могу себе представить, как мне, например, быть, если все это именно так. Просто не знаю!

– Я вот тоже вроде как чувствую, что будет хуже, если раскрыть ситуацию, нежели пустить ее на самотек. Умышленное пересечение границы без действительных документов – до двух лет. А «в сговоре и группой» – до пяти. Мне главное – режиссер. У меня конкретная работа. Это ты у нас руководитель.

– А ты подумал, как это, вообще... Даже если это он... Вот так взять и заложить. Хоть и бывшего, но все-таки друга детства. Он же у нас из этих, из правозащитников. Сам рассказывал. И если едет не по своему паспорту, значит, хочет уйти.

– Сбежал-то он вряд ли. Эти не бегут. Им запахло, – авторитетно заключил Лисочкин.

– Ну вот и успокойся. Пять лет прошло после его увольнения из обороны?

– Всяко прошло.

– Уже плюс. И совесть наша чиста в смысле секретности. Все его знания теперь гроша не стоят. Это главное!

– Да там и так ничего не осталось от них, я думаю, – задумчиво произнес Лисочкин.

– Ну да! Наверняка, на зоне выбили не только знания, но и всю душу, – это Богданов сказал так уверенно, потому что слышал в Афгане от советника всякие жуткие рассказы о лагерях, о зонах и изоляторах. И в Союзе, и в Афгане.

– Уж зеки расстараятся. Особенно на таком экземпляре.

– Если бы только зеки... То есть стране урона он не нанесет... Нашего соучастия в измене нету! Так? – Юрка молчал. – Чего молчишь? Ты же у нас юрист!

– Мы что-то завелись, – вымолвил Юрка. – Еще ничего не ясно, а мы уже прокручиваем тексты объяснительных записок.

– Вот и я про то же. Посмотрим... Представится случай – войдем в контакт, как ты говоришь.

– Лады!

Как только прибыли в город Пиза, две дамы потеряли свои паспорта. Как дети малые, подошли к руководителю и заревели. Они первыми выбежали из автобуса и давай влезать на Пизанскую башню. Спустились, пошли кофе попить в кафешку, где жил Галилей, а паспортов нет. Нашли потом в автобусе, на полу, когда водители вернулись с заправки.

Во Флоренции, в галереи Уфицци, вся ленинградская группа любовалась видом руководителя тургруппы из Новгорода. Тот стоял посередине зала, чуть разведя руки, как будто перед расстрелом. Цвет лица его был неопределенный, нечеловеческий, пожалуй, скорее зеленый, рот открыт, глаза закрыты. Остальное в норме: белая сорочка, галстук, темный костюм... Все проходящие мимо знали: у него пропал кейс со всеми паспортами и валютой... Ну разве могут великие итальянские мастера сравниться с таким шедевром социалистического реализма?

Богданов уже третий день незаметно следил за инженером Глинтерником. И с каждым днем он все больше и больше соглашался с Лисочкиным. Да! Это Вовка Спивак. Его жесты, мимика, даже голос. Немного ссутулился, поседел, но такой же суетливый, импульсивный. Хотя почти ни с кем не разговаривает, живет в каюте с таким же инженером. Тоже, кстати, евреем. Ну не на экскурсию же он отправился после тюрьмы!

Сергею хотелось понять одно. Ведь если Глинтерник – Спивак, то уж он-то и его, и Лису всяко узнал... Они фамилии свои не меняли... Что же он тогда не идет на разговор? И почему на нем не видно никакой особой тревоги, хотя бы волнения. Нет. Ходит себе. В ус не дует. В любом случае, если наши догадки верны, то Спивак обязательно хочет уйти. Ему с его замашками надо бежать из страны как можно дальше. Тем более, что вся семья давно уже в Израиле.

«А если, действительно, он хочет уйти, – думал Богданов, – то за ним потянется целая цепочка непри-

ятных во всех отношениях событий. К примеру, из аппарата в минуту выбросят „на гвозди“. Может, пусть себе живет одноклассник с другим паспортом... Не твой вопрос. Только не надо „уходить“, по крайней мере от меня. Иначе уже явно будет моя проблема.»

Богданов по несколько раз на дню занимался вот такими рассуждениями вместо того, чтобы пересчитывать группу. Все его внимание, все мысли были только об этом инженере. Что называется: пусти козла в огород. Обо всех проблемах забудешь. С кем обсудить, посоветоваться? Не с кем. Юрка для этого не годится. Легкий, балбес.

«А с другой стороны. В чем плюс? – продолжал рассуждать Сергей. – Плюсы ведь всегда есть. Выгоны. Может, и слава Богу? Так просто, за здорово живешь, ведь не отпустят. То же что и у них, – Сергей вспомнил о Лисочкине. – Тут надо подумать вообще, по-крупному. И про семью, и про сына, и про утраченную профессию, и про суррогатную радость бытия в „аппаратном серпентарии“. Да и какая там радость? Уже давно все прошло. По инерции что-то делаю. После того бюро обкома и поездки в область у меня вообще что-то лопнуло внутри. Будто струна была натянута, удерживала что-то с чем-то. И вот, лопнула.»

Богданов сидел один в своей каюте. Огромный лайнер чуть-чуть покачивало, и обстановка сама возвращала его в Арктику, в первую экспедицию, на жутко качающееся маленькое суденышко, в гидрохимическую лабораторию. Всасываешь ртом через стеклянную пипетку одну жидкость, а уже через секунду в стоящее рядом ведро успеваешь выплевывать совсем другую. Если такое продолжалось долго, то глаза прекращали идентифицировать пересекающиеся зеленые секторы фотокolorиметра.

– Что делать-то? – громко вслух спросил сам себя Богданов. – Уйти... Только время теряю, играя черт

знает во что. Почему теряю? Уже завсектором. Глядишь, через годик – в ЦК или здесь – замзавом отдела... А там что? На гражданке... Скоро стукнет сорок лет. Науку забыл, ничего не умею. Замзав в райкоме, что был до меня, давно уже имеет свой кооператив и гребет деньги лопатой на своих конфетах.

«Кем быть-то? – эта мысль пришла следующей и остро полоснула по сердцу. – Как дитя малое... Прямо как у Маяковского в стихе. „У меня растут года, скоро будет... сорок, где работать мне тогда?“ – Сергей вытаскивал из памяти отдельные строчки стихотворения, и все они как на подбор напоминали ему что-то до боли знакомое: „Я проплавал это лето, океаны покоря... Сдавайся, полюс Южный, а Северный, наверное...“ Вот так всегда. Мне бы только по полюсу гордо шагать, менять течения рек, да высокие горы сдвигать... А многим, очень многим другим, важнее, как сделать так, чтобы этого никто не делал... Вон тот же Спивак. Ему бы как раз наоборот. Ему бы плыть на плоту по течению рек, да на горы эти влезать... Доигрался.»

Сергей уже в который раз за свою недлинную жизнь в аппарате вновь вернулся в мыслях в штормовое Чукотское море. Высокие волны. Пена широкими плотными полосами ложится по ветру. Гребни волн опрокидываются и рассыпаются в брызги. Маленькое белое суденышко, нацелившись прямо на север, беспомощно надрывается, продолжая максимально эксплуатировать все свои силовые установки. Оно остается на одном месте, не может развернуться и быстренько уйти с семидесятой параллели куда-нибудь вниз, за Чукотский полуостров.

...Богданов выходит на мостик, чтобы смотреть прямо перед собой на почему-то медленно надвигающиеся волны. Они кажутся ему такими разными. Какая из них пятиметровая? В каюте он всеми внутренностями ощущает только следствия. А тут оказывается

внутри причины: видит ее, невыносимую, со всех сторон. Да еще и сверху, и снизу. Так легче...

...В сознании Сергея опять что-то сдвинулось. Куда-то исчезает спасительный капитанский мостик. Перед его глазами резко взлетает маленький полярный самолет и тоже исчезает в сером арктическом небе. Это летчик, продолжая кружить вокруг спрыгнувшего на ходу Богданова, вдруг видит высокий столб воды из просверленной лунки и резко берет вверх, оставляя его одного.

Остаться? Но тогда – все! Будет пройдена точка возврата. После нее – ты... Как та инструкторша орготдела райкома. Ей все равно. Только бы «один к шести». Только бы «один к шести»! Как кладовщица в своей любимой кладовке. Только она знает, где, на какой полочке лежит рашпиль, как закрыть это постановление или то письмо... А что ты хотел? Ты же не задумывался над «поэтикой» твоего труда, когда запросто закрывал одно за другим постановления ЦК. А когда так же реагируют на «твое», сразу поплыл! Что, жадность заела? Нет! Не сразу поплыл. Понадобились несколько лет такой дури, поначалу даже любимой, в чем-то интересной, захватившей всего тебя. А с другой стороны, слишком часто никчемной и, наверное, все-таки бессмысленной. Так же, как задуманная мудрыми старцами военная «экскурсия» в Афган.

Кто-то сказал, что победоносные войны укрепляют тоталитарные режимы, а проигранные их разрушают. Вот и посмотрим...

– А рядом так много всякой дряни и ерунды! – почему-то опять из Маяковского громко продекламировал Сергей, ударив по задраенному иллюминатору рукой «пятипалой, сжатой в один громающий кулак». Эта дрянь переполняла его. Он был совсем один. Как тогда, на льдине, посередине холодной, враждебной и необъятной Арктики. Тогда хоть имелся карабин за спиной, а сейчас... Только бутылка сувенирной вод-

ки... Не пить же ее, единственную, да еще прямо на рабочем месте.

«Жопа... с человеческим лицом», – Богданов вдруг представил себе этакое чудо – искаженное новое понятие очередного генсека. Было тяжело. Его внутренняя «система» дала сбой. Причем необратимый...

– Да пошла она ко всем чертям, вся эта... икебана! – громко крикнул Сергей.

То ли от крика, то ли от глубокой, завершенной и однозначно сформулированной мысли, ему стало легко и спокойно. Никакая логика здесь не работала. Богданову действительно некуда было идти. И сама оформившаяся в сознании мысль об уходе – скорее не решение, а эмоциональный всплеск. Как уйдешь? Так бы все и уходили. Понабрали бы пирогов с капустой, получили бы квартиру, подыскали себе должность, может быть, для этого даже целый институт создали... Не так все это просто. Из аппарата не уходят. Из него направляют или «кидают на гвозди».

Сергей взял листы бумаги и начал писать. Он всегда, когда наплывали яркие эмоции и мозг приостанавливал свою деятельность, брал блокнот и писал записку. Прямо как робот. Что умел, то и делал. Писал логическую, обоснованную бумагу, анализирующую по возможности все «за» и «против», которые имелись в сложившейся кризисной ситуации. Сразу становилось легче. Вся неупорядоченная куча эмоций оформлялись в определенным образом структурированный поток слов.

Как самоубийца пишет последнее письмо о том, что, мол, никого не нужно винить в его смерти, так и Богданов вдруг принялся загодя готовить набор установленных документов для принятия решения бюро обкома о его освобождении от должности. Не обычное заявление об уходе... А именно такой набор: записку и проект постановления. Даже в этом у аппарата все не как у людей. Он в последний раз сбацал две

бумажки о самом себе. Потом в левом углу снизу поставил свою подпись, а сверху в правом – привычно добавил слово «секретно». И там, и там...

А вот и она! Злополучная Мальта. Площадь в центре города. На площади автобусы с туристами. Автобусы без туалетов. Площадь вся окружена колючими кустами с красными и желтыми цветами. Запах! Прелесть. Справа в углу площади батарея кабинок-туалетов. За кустами широкая асфальтовая дорога и посольство какой-то страны. Почему какой-то? США! Какой же еще! Вчера именно про него говорили на планерке у руководителя круиза.

Сергей, как положено, первым вышел из «Икаруса» и оглянулся. Народ вываливался из двух десятков автобусов крупными партиями, технологически не подвергаемыми подсчету... Это раз. Все руководители групп устремились прямо в кусты, чтобы стать последним рубежом обороны и быть способным перехватить любого незадачливого интеллигента. Это два. Богданов, поддаваясь стадному рефлексу руководителя, тоже было сунулся в кусты, но сильно поцарапался и вернулся к автобусу. Все это выглядело со стороны не очень прилично. Будто самые главные, злоупотребляя своим положением, решили справить малую нужду прямо в центре города, в кустах. А остальные, мол, пусть ждут в очереди около туалетов.

Инженер Глинтерник стоял чуть в стороне от основной массы народа, явно не в туалет. Он издали внимательно следил за действиями руководителя группы и смотрел по сторонам. Лисочкина на площади не видно. Он весь в образе – продолжает сидеть в автобусе и играть в маленькие переносные шахматы с режиссером.

Богданов впервые увидел явно выраженную тревогу на лице инженера. Тот суетился, шел в одну сторону, потом резко поворачивал и двигался в противоположную. Без чемодана, без какой-нибудь сумки или пакета.

Сергей подошел к нему почти вплотную и взглянул прямо в лицо. На него не мигая смотрели знакомые до боли карие глаза, усталые, измученные, давно уже совсем не детские, но панически ищущие ответа на, может быть, самый главный вопрос.

Как перед смертью в памяти проскакивают мгновения всей твоей жизни, так и сейчас Богданов увидел, как они идут по двору обнявшись и поют «Три танкиста, три веселых друга...». Юрка, Вовка и он. Потом Спивак делает шаг вперед навстречу всем учителям и родителям и громко произносит за Фильку: «Нарисую я коня...» Это его слова: «Несправедливо, несправедливо, нечестно». Ярко-синий горшок под Лениным...

– Иди, Вовка! – тихо, но отчетливо, произнес Богданов.

Смольный встретил Сергея свежими еловыми ветками, аккуратно уложенными на клумбе вокруг памятника Ленину. В окне его кабинета на третьем этаже сразу же после правой крайней колонны на фасаде здания почему-то горел свет. Продемонстрировав свое удостоверение, как Штирлиц в «Семнадцати мгновениях», Сергей прошел мимо прапорщиков из КГБ, быстро проскочил два этажа и остановился перед полураскрытой дверью своего кабинета. «Что за черт? Так не положено», – проскочило у него в мозгу. Двери должны быть закрыты на ключ. А ключ у того, чья фамилия набрана типографическим шрифтом на легко заменяемой полоске твердой бумаги.

Если на заседании бюро обкома пять минут назад тебя утвердили в должности то, когда ты подойдешь к своему кабинету, там уже будет красоваться твоя фамилия. Если же, разумеется, в твое отсутствие тебя вдруг освободили от нее – не обессудь, полосочка бумажки окажется чистенькой, как первый снег или хуже... совсем незнакомое сочетание букв предстанет перед тобой – бедолагой.

Богданов, не прикасаясь к ручке двери, инстинктивно вскинул голову и, быстро бросив взгляд на табличку, вслух произнес: «Ну, так и есть. Даже табличку сняли, и бумажки мои не понадобились».

Эпизод

Лето заканчивалось. Оторвались и улетели белые парашютики одуванчиков, гроздь рябины уверенно наливалась красным. Только листва берез еще сохраняла свой зеленый цвет, хотя чуть бурые сережки уже все упали на землю...

Партии, «направляющей и руководящей силы», не стало, как только у нее отобрали шестую статью Конституции, а потом и способ существования на предприятиях и в организациях. Она бесследно исчезла под музыку Петра Ильича Чайковского, вместе со всеми партвзносами и типографиями, дворцами и санаториями, зданиями обкомов и райкомов. Были сброшены так надоевшие всем искусственные постройки и надстройки: огромные светящиеся надписи на домах с давно перегоревшими буквами, свежесколотенные трибуны из необструганных досок, выцветшие пустые плакаты для соцобязательств и, конечно же, портреты членов Политбюро...

Аппарат, разлагающийся от интриг верхушки партии, постепенно превращался в «мужиков» на зоне, в своего рода кучу пауков, обволакивающих своими секретами всю руководящую «вертикаль».

Пункт «а» статьи 64 – бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы, как форма измены Родине, был признан не соответствующим Конституции.

Вожди диссидентства и партии коммунистов куда-то затерялись в бардаке перемен. Ничто более или менее идейное не выживет на пыльном подиуме свободного рынка эпохи накопления бандитского капи-

тала. Зона с ее «понятиями» заполонила страну. Других законов у нее еще не было. Их еще только предстояло кому-то придумать, принять и выполнять. Только кому?

Филиппов, который сидел уже пятый раз, прекрасно знал, что нет большего разочарования в жизни, чем освобождение из лагеря. Здесь он главный и уважаемый человек. А там... Знал он также, что больше года ему на этой проклятой воле никогда не удавалось продержаться и никогда не удастся. Потому что причины, которые загнали его в тюрьму в первый раз, загонят и во второй, и в третий.

Однако старшие авторитетные товарищи его успокоили. Они ему разъяснили, что на самом верху все перевернулось. Теперь там, мол, все наоборот. И особенно востребованы как раз такие, умелые и ловкие, что подолгу трудились на лесоповале. Нужно иметь навыки пилить и «дербанить» государственный «общак», да конкретно управлять «мужиками». Ямало-Ненецкой нефтянке нужен топ-менеджер по управлению кадрами. И номинальный совладелец по совместительству. Кто как ни Петро Игнатьевич Филиппов!

Нет никаких законов. Да, еще работает ОБХСС и по привычке сверяет строки бухгалтерских проводок. А в это время, легко используя единственный закон о собственности, руководитель крупнейшего в стране предприятия сам оценивает и объединяет государственное имущество с частными пятью рублями какой-нибудь шелупони. Получается какая-то смешная, смешанная собственность, и почти для всех, кроме государства, она очень и очень удобная.

Именно в такое время, когда нужна была хотя бы имитация порядка, главный вор «Десятки» вышел на свободу и остался на Севере. Только за другой стороной Уральского хребта. Ему всучили небольшой, но очень сладкий кусочек от огромного нефтегазового комплекса страны...

Новая власть, играя уже в свои игры, выпускала и расставляла своих умудренных жизнью питомцев. Голодные и истощавшие молодые либералы, как энцефалитные клещи, напивались до отвала из бюджетного потока – «кэшфлоу» и отваливались, уезжая за границу. Во власть помещали других, таких же неумных и решительных. Они усердно искали деньги партии и почему-то не находили. Зато после таких поисков они с удовольствием, видимым невооруженным взглядом, закрывали все уголовные дела, связанные с этим жгучим вопросом.

Вовка Спивак, перебравшись из Штатов в Израиль, жил вместе со своей семьей и родителями. Он два года искал работу в этом свободном мире на земле обетованной. Пока она не нашла его самого. Случилось чудо.

«Волшебник изумрудного города» сделал его своим главным хранителем тайны денежных потоков и закрытых счетов. Не выходя из дома, Спивак придумывал умные схемы для ухода от налогов, рассчитывал финансовые модели рисков... Он занимался любимой математикой. И делал это за большие деньги.

Лисочкин тоже, как и Петька Филиппов, не из пионерского лагеря. В его работе не было ни идеологии, ни чиновничества, ни особой морали. Только холодный расчет и совершенно конкретная цель. Этому его учили. Он этим жил. Как и многие из его ведомства. Он будто бы вышел в отставку, жил в Ленинграде с Аленкой и с их уже большим сыном.

Но вот однажды в Ленинград прилетел Филя. Он нашел Лисочкина в доме Ливановой, пока безработного, но все равно цветущего и уверенного в себе. Они встретились как раз в той самой квартире, которая когда-то так поразила Богданова. Аленки не было, сына то же. Филя запросто, как он это умел, сам вошел в квартиру, увидел Юрку, лежащего на тахте.

Тот сначала не узнал приятеля детства. Это и не удивительно. Он начал было качать права. Что, мол, за наглость, врываются в дом, вскрывают дверь, потянулся к телефону. Но потом вдруг остановился, как-то медленно осел на стул, и только после этого в его голове замелькали мысли: «Черт! Почему не сделал запрос! Опять эта лень. Нужно было точно убедиться. А он не умер. Да убьет просто и будет прав. Хорошо еще, что Ливановой нет». Он произнес быстро, скороговоркой, будто торопился оправдаться.

– Петя, я не убивал Васильича. Слышишь? Я его даже не трогал. Я сам тогда чуть не помер от этого карниза...

А Филя спокойно и очень медленно осмотрел множество книг на полках и наконец-то промолвил.

– А это я читал, и это тоже читал. Пожалуй, почти все это хозяйство мною читано. Давно, правда. Но все помню. – Он сделал паузу, быстро так с искрой в глазах бросил взгляд на Юрку и продолжил. – А ты, друг любезный, быстрее меня узнал, чем Вовка... Должно быть, рыльце-то в пушку. Ведь так?

Лисочкин молчал.

Тут Филя прошелся глазами по книжным полкам и заметил, что в пузатом шкафу с вензелями стояли только французы: Бальзак, Флобер, Стендаль, Корнель, Бомарше... Полные собрания сочинений. На одной из полок, рядом с фотографией Юрки и Аленки с сыном, сбоку, у стеночки, возвышалась небольшая статуэтка. Ее и дурак узнает – Эйфелева башня. Из ее верхушки что-то желтое вылезало сантиметров на пять.

Лисочкин впервые за много лет реально напугался.

– Не бойся. Я ведь не мстить пришел. Чего уж теперь! – сказал Филиппов, продолжая рассматривать книги, не глядя на Юрку и будто читая его мысли. – Я вообще не убиваю из мести. Только – за деньги. – Филиппов подождал еще минут пять и продолжил. –

Хочу сделать тебе предложение. Ты как? Готов? – Юрка мотнул головой. – Хорошее предложение. – Филя, наконец, повернулся к нему лицом. Тот опять мотнул головой. – Во-первых, сразу должен тебя предупредить, что от него нельзя отказаться. И не потому, что я такой злой и коварный. Просто это уже перетерто на самом верху. Ну, а во-вторых, – он снова повернулся к шкафу и показал рукой на статуэтку, – она ведь мне не нужна. Храни! Пусть она тебе напоминает о том, что я есть, а ты вот весь такой. И тоже пока есть.

Лисочкин согласился.

«Жмот!.. Не выбросил. Все – память, память. Еще Аленке показал... Дурак!» – не уставал повторять про себя Юрка. Но дело уже было не в ней. Все гораздо круче завертывалось. Используя свои связи, он будет прикрывать огромный Филькин бизнес. От всех будет прикрывать. Особенно от беспредела еще пока голодных государственных чинуш.

Вот теперь на призыв Петьки Филиппова – «Один за всех!», – который в бреду, в камере «Десятки» слышал Спивак, логично и уверенно зазвучал отклик – «И все за одного!» Почти все...

Сергея Богданов был не у дел. Науку он забыл. Одну и другую. В аппарат к либералам и монетаристам не пошел. Его воротило от одного вида этих... Он даже в Смольный больше не заходил за пирогами. Хотя его звали те немногие, что оставались работать еще из прежнего аппарата.

– Да там такие рожи, – объяснял он жене. – Не поверишь! Иногда увижу случайно через открытую дверь кабинета: люди сидят, якобы, аппаратчики. Так у них на лицах одна прямая, как доска, мысль и она же эмоция одновременно: «Ты сильный, ты умный, ты жадный, ты можешь, рви, сколько умеешь... Деньги, деньги, деньги, деньги...» После этого три четверти населения оказываются просто ненужными.

Сергей в избытке поглощал свежую информацию. Она сама лезла из всех щелей и каждую минуту больно давала о себе знать. Она противоречила старой картине мира. А новую он никак не мог себе представить. Как ни старался... Эту когнитивную ригидность приходилось чем-то гасить. Тогда, прикасаясь к рюмке, Богданов с нежностью вспоминал былые времена, когда ему доводилось это ловко проделывать с граненым стаканом после заседаний парткомов. Со спиртом, жидким азотом и куском сахара. И всякий раз он мысленно вновь и вновь возвращался в Афган, в тот убогий домик на краю Кандагара, где он встретился с Юркой Лисочкиным.

Однажды, просто от нечего делать, он заехал в родные места. Одиннадцатый дом, окна квартир, где жили Вовка и Юрка, кухня, где он учил уроки, их двор. Раньше он казался таким огромным... Те же белые статуи пионерки с горном и какого-то мужика с веслом. Но они теперь казались каким-то убожеством. Школа совсем не изменилась. Только нет больше той березы, что росла у окна в учительскую. Ее спилили, должно быть, совсем недавно, потому что из земли торчал еще свежий пенек. А на нем сбоку уже начинали появляться новые ростки с маленькими светло-зелеными листиками.

Ноги сами понесли Сергея в сторону кинотеатра к дому, где жила Аленка. Но и здесь уже не осталось прежней игры красок на свисающих ветках берез. Не светили желтые фонари. Они либо были разбиты, либо перегорели. Подъезд оказался каким-то обшарпанным, домофон не работал. Сергей поднялся на третий этаж, остановился у дверей, постоял немного, прислушался и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл Лисочкин... Вылитый Юрка Лисочкин, даже с усами, только не такими мощными... Тут даже Оскар Уайльд со своим Дорианом Греем ничем не помог бы. Этот был не просто таким же, как тогда на Мальте, моложе лет на восемнадцать.

Богданова чуть покачнуло от неожиданности. «Вот он результат французской школы. Все разъехались кто куда по границам... Даже никто не сказал... А может, никто и не знал. А этот-то гад...» Потом он быстро прикинул в уме и все понял. Он вспомнил, как на четвертом курсе поругался с Юркой из-за Аленки. Понял, почему четыре года назад в Смольном Лисочкин что-то силился ему сказать, но так и не смог. И там, в Афгане, тоже... И вовсе не из-за босса. Он понял и другое. Срезан напрочь целый пласт жизни. В обмен на радость бесполезного жонглирования исписанными и склеенными листками писчей бумаги...

– Вы к кому? Родителей нет дома. Если что-то нужно, скажите мне. Я передам.

– Как же тебя зовут, товарищ Лисочкин?

– А моя фамилия Ливанов. Это у отца – Лисочкин. Зовут меня Сергей, а вас?

– Я тоже Сергей... – с трудом выговорил Богданов. В голове сразу закрутилось: «Все-таки Сергей! А? Все-таки Сергей». Сердце застучало так сильно, что он даже не расслышал свои слова: – Учился вместе с твоими родителями.

– Так заходите. Они придут через час.

Чувства, возникшие так внезапно от первого удара нахлынувших эмоций, быстро погасли и исчезли, включился рассудок. Нужно было все сначала понять, пропустить через себя. Он не смог бы встретиться с Аленкой. Все казалось таким мелким теперь и незначительным.

– Не стоит. Спасибо, Сережа. Я, пожалуй, пойду. Передавай привет от твоего тезки. В другой раз зайду. Обязательно зайду.

Богданов торопился уйти. Ему захотелось скорее уйти и никогда больше сюда не приходить. Его обуравало уже совсем другое чувство – чувство потери чего-то большого, важного и желанного. Эмоции гнали его прочь. Так бывает, когда мечтаешь, мечтаешь,

потом вдруг выберешься и посетишь места своего детства. Какой-нибудь двор, полянку, где играли в войну, класс, парту... Ждешь ностальгических переживаний, воспоминаний о чем-то, еле уловимом, но очень значимом для тебя. Ждешь встречи с бывшими мгновениями твоего детского счастья... Это, пожалуй, главное, зачем вообще встречаются одноклассники. Особенно, если встреча происходит через двадцать или тридцать лет. Ждешь, надеешься. Эх! Иллюзии, иллюзии! Как нам хочется еще и еще раз прикоснуться к ним. Прикоснешься и все сразу рассыпается прямо на твоих глазах. Остаются одни разочарования. Все заросло бурьяном или засажено картошкой, обшарпанные стены или перегоревшие фонари, срубленные деревья или какой-нибудь бизнес.

Богданов снова повернулся к стоящему еще в дверях юноше и спросил:

– Тебе родители-то рассказывали что-нибудь про меня?

Парень покачал головой и медленно прикрыл за собой дверь...

За ней оставалось прошлое. Большой отрезок жизненного пути Сергея, где было много разных чувств и целая череда поступков.

Богданов уверенными шагами ступал по лестнице. В окне старого сталинского дома он видел, как совсем близко ярко светились огни стройки.

Примечания автора

Амальрик – Андрей Алексеевич Амальрик, диссидент, писатель, умер в 1980 году в Испании.

Американка – карточная игра.

Баламут (воровской жаргон) – подстрекатель.

Бросить на гвозди (жаргон аппаратчиков) – решение руководства партийного органа в отношении конкретного работника аппарата. Обычно реализуется в виде его возвращения на прежнюю должность в ту организацию, которая его рекомендовала для партийной работы.

Борзой (воровской жаргон) – 1. человек, не желающий работать. В СССР лицам, обвиненным в тунеядстве, присваивалась аббревиатура – БОРЗ (без определенного рода занятий), а в уголовной среде – «борзой» и «борзый»; 2. сотрудник уголовного розыска.

Блат (воровской жаргон) – общее название всего преступного мира.

Выйти в народ – действие ответственного работника, связанное с посещением партийного собрания первичной или цеховой организации, парткома или партбюро, а также конкретного заявителя по месту его жительства для рассмотрения письма или жалобы на месте.

Второй – второй секретарь райкома, замещает «Первого» во время его отсутствия, курирует одно из направлений работы. Номенклатура бюро обкома КПСС.

Гражданка – сегмент общества, не связанный с исполнением функций ответственного работника.

Горизонтальные подвижки (жаргон аппаратчиков) – технология расстановки кадров. Обычно применялась только в партийных органах. Заключается в существенном изменении перечня предприятий и организаций, курируемых ответственным работником.

«Идеолог» – заведующий идеологическим отделом обкома, горкома или райкома КПСС.

«Орговик» – заведующий организационным отделом обкома, горкома или райкома КПСС.

Гробовые и штормовые (жаргон полярников) – дополнительные выплаты за дни, проведенные в море во время официально зафиксированного шторма.

Дербанить (воровской жаргон) – делить добычу, получать деньги путем шантажа.

Закрыть (плохо закрыть) письмо – получить на справке о письме заявителя положительную резолюцию вышестоящего начальника или просто его подпись сверху первого листа, без каких либо слов. Это означало, что вышестоящее должностное лицо видело справку и тем самым взяло ответственность за ее содержание на себя.

Заведующий отделом райкома КПСС – ответственный работник, руководитель специализированного подразделения, имеющий в прямом и непосредственном подчинении несколько инструкторов. Номенклатура бюро горкома КПСС. Имеет заместителя. Заместитель – номенклатура отдела горкома КПСС.

Зек – осужденный. От з/к – заключенный каналомеец (делопроизводственная аббревиатура времен строительства Беломоро-Балтийского канала).

Инструктор райкома – ответственный работник, курирующий партийную работу нескольких десятков первичных парторганизаций предприятий и организаций, территориально расположенных в районе. Номенклатура бюро райкома КПСС.

Изотропность – свойство тела, в которых по трем взаимно перпендикулярным направлениям упругость и целый ряд других физических свойств одинаковы.

Есенин-Вольпин – Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, математик, философ, поэт, один из лидеров диссидентского и правозащитного движения в СССР. Общий срок пребывания в тюрьмах, ссылке и «психушках» – 14 лет.

Красные (или козлы) (воровской жаргон) – представители группы в неформальной иерархии заключенных, образованной по признаку: открытое сотрудничество (в настоящем или прошлом) с администрацией исправительного учреждения. Статус «козла» для заключенного практи-

чески постоянный, сопровождает его в течение всего времени пребывания в местах лишения свободы.

Кафе «Сайгон» – в 1970-е – и в начале 1980-х годов, место общения ленинградских неформалов – официально непризнанных художников, поэтов, музыкантов, другой творческой молодежи, а также «фарцовщиков».

Когнитивная ригидность – неспособность изменить восприятие и представления об окружающей среде в соответствии с действительными изменениями этой среды.

Контролируемо-нормальное состояние (жаргон аппаратчиков) – физиологическое состояние ответственного работника в общественных местах после «системного мероприятия» (опрятный вид, ровная походка, обычный ритм и тембр речи, запах одеколона).

Кэшфлоу – (от англ. cash flow) дословно переводится как «денежный поток». Этим же словом называется и отчет о движении денежных средств.

Надыбать (воровской жаргон, жаргон аппаратчиков) – нащупать.

НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана.

Номенклатура – перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах.

Обиженный (опущенный, петух) (воровской жаргон) – переведенный в касту неприкасаемых – изнасилованный или прошедший ритуал, связанный с переводом заключенного в касту неприкасаемых.

Общак (воровской жаргон) – фонд взаимопомощи в среде преступного сообщества.

Общий отдел – подразделение партийного органа, занимающееся обеспечением делопроизводства, хранением и контролем прохождения всех документов, в том числе секретных.

Общественные науки – исторический материализм, диалектический материализм (вместе марксистско-ленин-

ская философия), научный коммунизм, политэкономия социализма, политэкономия капитализма, история КПСС. Заведующие соответствующих кафедр – номенклатура горкома партии. Преподаватели этих кафедр – номенклатура райкома КПСС.

Первый – первый секретарь райкома КПСС, руководитель районной организации. Номенклатура бюро обкома КПСС. Действует без доверенности. Имеет право знакомиться с номенклатурой выпускаемой продукции всех предприятий района, включая продукцию специального назначения.

Прокол – легко идентифицируемая существенная ошибка в работе ответственного работника партийного органа.

Первичка – первичная партийная организация. Формировалась в организациях и предприятиях с численностью коммунистов не менее трех человек во главе с избранным ими партгруппоргом. При численности более пятнадцати человек – избиралось партийное бюро во главе с секретарем. Первичные партийные организации имели прямой выход на районный комитет партии.

Прыгающая (жаргон полярников) – экспедиция в Арктический бассейн. Несколько человек исследователей на самолете совершают посадку на лед неизвестной толщины. Сверлят лунку и берут пробы воды с разных глубин – «горизонтов» для исследования.

Поле (жаргон полярников) – экспедиция, полевые условия. При выезде «в поле», оклад выезжающего ежемесячно переводят на сберкнижку, для семьи.

Пятый пункт (жаргон аппаратчиков) – пятый пункт анкеты по учету кадров: «национальность».

РК, ГК, ОК, ЦК – сокращенные названия районного, городского, областного и центрального комитетов партии.

Системное мероприятие (жаргон аппаратчиков) – встреча представителей различных партийных органов одного уровня для обмена опытом работы. Проводится с употреблением алкоголя.

Смольнинский телефон – телефонный аппарат Смольнинской АТС, соединял всех работников номенклатуры обкома и горкома. В райкоме аппараты Смольнинской АТС устанавливались, начиная с заведующего отделом.

Становиться «прозрачным» (жаргон аппаратчиков) – технология регулирования внешнего вида и поведения ответственного работника в присутствии начальства в условиях обозначаемого «прокола», за который несет ответственность его непосредственный руководитель или коллега.

Сорокопятка – маленькая пластинка для проигрывателя, записанная при скорости вращения 45 оборотов в минуту.

Трясти мордой (жаргон аппаратчиков) – пассивное (без реплик и без выступления) присутствие ответственного работника на собрании или на совещании, в президиуме конференции и т. п. Обычно его роль ограничивается открытием мероприятия.

УДО – условно-досрочное освобождение.

Шконка (воровской жаргон) – кровать, лежанка.

Шелупонь (воровской жаргон) – ничтожные люди, сброд.

Шмуль (воровской жаргон) – еврей.

Оглавление

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	45
Глава 3	73
Глава 4	113
Эпилог	144
Примечания автора	152

Об авторе

Корнев Борис Федорович – известный специалист в области управления экстремальными ситуациями. Работал в научных, производственных, финансовых и политических

организациях Ленинграда, Санкт-Петербурга и Москвы.

Автор научных работ по вопросам кризисного управления. Наиболее известные из них: «От становления до распада: Российские политические партии» (2005), «Сказки для бизнесменов: Записки кризисного доверительного консультанта» (2006), «Немедленно ждать: Кризисный проект – управление отношениями и меняющимися ожиданиями» (2009).

В 2010 году вышла в свет первая художественная повесть Б.Ф. Корнева «Дальтоник: Не всякие глаза видят врага»).

9030904@gmail.com

Борис Федорович
Корнев

Реальная четверка

Повесть

Художественно-публицистическое издание

Редактор Е.Г. Шабалова
Художник А.В. Спиридонов
Технический редактор А.В. Слободин

Главный редактор Н.В. Кирющенко

Издательство «Историческая иллюстрация».
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 14.03.2011. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 10 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 404

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2